М. Чечнева

Повесть о Жене Рудневой

М.Чечнева
Герой Советского Союза

Повесть о Жене Рудневой

Издательство
«Советская Россия»
Москва — 1978

Ч $\frac{70803-235}{М-105(03)78}$ без объявления

Эта книга — повесть о моей боевой подруге Жене Рудневой. 9 апреля 1944 года ее самолет был сбит над Керченским полуостровом, и она погибла в возрасте двадцати трех лет, совершая свой 645-й боевой вылет. За мужество и героизм, проявленные в боях, она посмертно награждена Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Перед Великой Отечественной войной Женя училась на механико-математическом факультете Московского университета и никогда не мечтала о службе в авиации. Единственное, что связывало ее с небом, — это небесная механика, наука о звездах. Но горячее желание в лихую годину быть в первых рядах защитников Родины помогло ей стать штурманом единственного в мире целиком женского ночного бомбардировочного полка.

Я служила с Женей в одной части и хорошо ее знала. Для меня она, как Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, Алексей Маресьев, была и остается человеком, воплотившим в своем характере лучшие качества советской молодежи 30-х годов. В моем распоряжении были дневники Жени, ее письма. Помогли мне и люди, близко знавшие Женю.

Благодарю за помощь в работе над книгой Н. А. Михайлова, первого секретаря ЦК ВЛКСМ в годы войны, командира 46-го гвардейского Таманского женского авиационного полка Е. Д. Бочарову-Бершанскую, заместителя командира полка по политчасти Е. Я. Рачкевич, парторга полка М. И. Рунт, заместителя командира полка по летной части С. Т. Тараненко-Амосову, инженера полка С. И. Озеркову, а также Героев Советского Союза Е. В. Рябову, Л. Н. Литвинову-Розанову, Е. Б. Пасько, однополчан И. В. Дрягину, С. И. Рощину-Бурзаеву, Г. М. Комкову, учителей и подруг Жени Рудневой.

Помогли мне в работе над книгой и родители Жени — Анна Михайловна и Максим Евдокимович Рудневы, которых теперь уже, к сожалению, нет в живых.

М. Чечнева

Это очень честная, чистая и добрая книга. Умение, вспоминая прошлое, да еще такое прошлое, как война, лучше помнить, что сделали твои товарищи, чем то, что сделал сам; больше говорить о них, чем о себе, — это такое свойство памяти, которым наделены только поистине хорошие и, добавлю, самоотверженные люди. Именно к таким людям принадлежит и автор этой книги, летчица женского ночного бомбардировочного полка, Герой Советского Союза Марина Павловна Чечнева. Об этом свидетельствует ее книга, написанная о погибшем весною 1944 года штурмане их полка — Жене Рудневой. Добавлю, что Марину Чечневу, так же как некоторых других летчиц этого полка, я знал именно в те годы, которые описаны в ее книге, в разгар Великой Отечественной войны, и помню их такими молодыми, что задним числом даже трудно себе представить, что именно эти, одетые в летные шлемы и летное обмундирование, совсем молодые девушки, почти девочки, воевали так упорно и бесстрашно, делали по много сот вылетов на ночные бомбежки, в каждом из этих многих сотен вылетов снова и снова рискуя жизнью. Но это было именно так, и об этом рассказывает книга, которую вы сейчас открыли.

Шестьсот сорок пятый боевой вылет — так называется ее последняя глава, на которой обрывается и книга, и жизнь ее главного действующего лица — Жени Рудневой. Я сказал — главное действующее лицо, сказал привычно, как это мы часто говорим, когда пишем о книгах, пьесах, кинофильмах, — и вдруг как-то заново задумался над словами «действующее лицо». Да, вот именно: действующее лицо, — не в книге, не в пьесе, а в жизни. И Женя Руднева, и Марина Чечнева, которая о ней написала, и другие их боевые подруги по полку были именно, и прежде всего, действующими лицами: они любили своих пап и мам и называли их ласкательными именами, иногда трогательными, иногда смешными, они шептались по ночам со своими подружками, доверяли друг другу душевные тайны, красили шелковые подшлемники так, чтобы они подходили к цвету глаз, писа-

ли дневники и стихи, но главное их стремление было — действовать. Именно в силу этого самого главного своего стремления эти девушки и молодые женщины оказались на фронте в роли летчиков и штурманов ночной бомбардировочной авиации. Они хотели быть действующими лицами в этой войне, добились этой возможности, погибали, действуя, прощались с погибшими, а сами продолжали действовать, потому что конец всему этому действию, которое называлось войною, в их сознании, по их убеждениям мог быть только один. И назывался он, этот конец, победой — той самой, до которой многие из них не дожили.

Конечно же за их военную жизнь им по многу раз бывало страшно, и особенно страшно бывало, когда уходили из жизни те, с кем они рядом воевали, с кем рядом действовали еще вчера, еще сегодня, и без кого надо будет продолжать действовать завтра.

Одни из самых тронувших мое сердце страниц этой книги посвящены ее автором тем горьким минутам, когда девушки-летчицы теряли в боях своих лучших подруг, когда видели своими глазами, как те погибают, или узнавали от других, что им уже никогда не увидеть тех, с кем всего несколько часов назад, а иногда и меньше, они наспех простились перед боевым вылетом.

Эти горькие страницы, написанные откровенно, без умолчаний и в то же время с какой-то гордой внутренней сдержанностью, принадлежат, как мне кажется, к лучшим страницам этой интересной и душевно располагающей к себе книги. А то, что последняя ее глава названа просто «Шестьсот сорок пятый боевой вылет» несет в себе нечто очень внутренне мужественное: да, был очередной боевой вылет, шестьсот сорок пятый, перед которым был шестьсот сорок четвертый и вслед за которым должен был состояться шестьсот сорок шестой. И нежная, милая, застенчивая, умная, образованная, впервые влюбленная, Женя Руднева сгорела в бою вместе со своим самолетом. И, с одной стороны, с этим как-то невозможно, даже задним числом примириться; а с другой стороны, нельзя представить себе, что именно эта девушка могла жить как-то по-другому и могла не полететь в свой шестьсот сорок пятый раз, не решиться на это или отказаться от этого.

В книге больше всего рассказано именно о Жене Рудневой, но, конечно, эта книга отнюдь не только о ней,

а и о других, очень разных, непохожих друг на друга летчиках и штурманах Гвардейского женского ночного бомбардировочного полка, о юных, нежных, сильных, самоотверженных дочерях своего народа, который поистине может гордиться такими дочерями, никак не меньше, а может быть, даже и больше, чем самыми лучшими из своих сыновей.

Константин Симонов

ИНТЕРЕСНО ТО, ЧТО ТРУДНО

Женя родилась в южном приморском городе Бердянске. Она рано научилась читать и писать, на год раньше своих сверстников поступила в школу и уже восьми лет стала третьеклассницей. В это время, в 1929 году, семья переехала в Подмосковье и поселилась в Салтыковке. Отец, Максим Евдокимович, поступил на завод, мать, Анна Михайловна, вела домашнее хозяйство. Жить стали Рудневы в небольшом деревянном доме. Неподалеку шумел старый сосновый бор. Впервые Женя увидела настоящий лес, он показался ей таким же безбрежным и таинственным, как море. Ее тянуло немедленно посмотреть, что находится в темно-зеленой глубине бора, но мать запретила ходить в лес одной, пообещав в ближайшее время сводить туда девочку.

Два дня после обоснования на новом месте прошли у Жени в веселых хлопотах, в знакомстве с домом, с двором, с соседскими ребятишками. На третий день, когда отец ушел на завод, а мать на рынок, девочке вдруг стало невыносимо одиноко и грустно. Чего-то привычного, нужного, обязательного не доставало в жизни. Ну, конечно — школа... Ведь сейчас она должна сидеть бы в классе за партой, а не слоняться как неприкаянная по комнатам...

Женя быстро собрала в портфель учебники, тетради, положила в условленное место ключ и отправилась в школу, которая, как ей было известно, находится на соседней улице. Здание школы встретило ее тишиной — шли занятия. С непривычки Жене стало жутковато — никогда еще ей не случалось приходить в школу после звонка, в это время она всегда сидела в классе.

Тщательно пошаркав туфлями о половичок, брошенный в вестибюле перед дверью, девочка свернула в коридор и направилась в конец его, посмат-

ривая на расположенные справа и слева двери. Классы, классы — 1-й «Б», 2-й «А», 4-й «В»... А вот и дверь с табличкой, на которой написано: «Директор». Женя остановилась. Перевела дыхание. Сердце стучало часто-часто, будто ходики, к цепочке которых подвесили дополнительную гирю. Как все-таки это страшно — войти к директору одной, без мамы... Наверное, страшнее, чем в темный таинственный бор...

Но не отступать же... Она, наверное, расплакалась бы от обиды на себя, если бы вернулась сейчас домой ни с чем.

Осторожно нажала на ручку двери, дверь приоткрылась. Женя заглянула внутрь. Слева за большим столом сидел мужчина и что-то быстро писал. Не слыша своего голоса, Женя спросила:

— Можно?

— Войдите,— сказал директор, но своего занятия не бросил.

Женя подошла к столу.

Директор отложил ручку и поднял взгляд куда-то поверх Жениной головы. Потом опустил его и увидел перед собою девочку со вздернутым носом и большущими серо-голубыми глазами. Некоторое время директор озадаченно молчал, затем спросил:

— Ты кто такая?

— Я Женя Руднева.

— Очень рад,— скучным голосом сказал директор.— Какое же у тебя ко мне дело, Женя Руднева?

— Мы переехали сюда из Бердянска, и я пришла учиться. В третий класс.

Директор взял ручку, словно хотел записать Женины слова, но тотчас положил ее и сказал:

— А ты не ошибаешься? Может быть, тебе нужно в первый?

— Нет, — упрямо возразила Женя, и бровки ее чуть сдвинулись.— В Бердянске я училась в третьем классе.

— Ну, хорошо,— пошел на попятную директор.— А почему ты пришла одна, без родителей? Есть у тебя папа-мама?

— Есть. Но папа на работе, а мама ушла на базар.

Директор опять взял ручку, стукнул тыльным ее концом по столу и сказал:

— Тэк-с.

В это время дверь распахнулась и в кабинет, запыхавшись, влетела Женина мама Анна Михайловна.

— Извините, ради бога,— торопливо заговорила она, приложив руку к груди и просительно улыбаясь.— Женя у вас... А я-то с ног сбилась... Лес обегала... Спасибо, соседка встретилась, сказала, что видела ее у школы...— Анна Михайловна взяла дочь за руку, точно опасаясь, что она исчезнет.— Еще раз, пожалуйста, извините! Очень она у нас самостоятельная...

— Это неплохо.

Директор улыбнулся, предложил Анне Михайловне сесть и начал расспрашивать ее о том, где, как, в каком классе Женя училась.

Потом, когда прозвенел звонок на перемену, директор представил Женю учительнице, та отвела ее в третий класс, указала место на третьей парте справа.

Так стала Женя ученицей Салтыковской неполной средней школы.

В натуре Жени было заложено неистребимое любопытство к миру, к природе, к окружающей жизни. Когда ходили всем классом на экскурсии в лес или в парк, у нее глаза разбегались от обилия впечатлений. Ее интересовали и травы, и деревья, и камни, и плавающие в пруду жуки, птицы... Не всегда учительница находила ответы на многочисленные ее вопросы, и тогда Женю охватывало странное беспокойство. Ее угнетала мысль, что она так и не узнает, почему осенью желтеет листва, откуда взялись камни и почему они разные по цвету, почему дует ветер, и притом то в одну, то в другую сторону, почему на небе луна, солнце, звезды и что они такое...

Женя читала запоем, читала до того, что нередко приходила в школу с воспаленными веками. И все же разум требовал большего...

В школьной библиотеке, куда Женя записалась на следующий же день после поступления в Салтыковскую школу, она попросила дать ей книгу о солнце, луне и звездах. Но такой книги в библиотеке не нашлось. Тогда Женя высказала свое желание учительнице А. М. Максимовой. У той нашелся атлас звездного неба. В нем были только иллюстрации с надписями. Но для Жени атлас стал надолго настольной книгой.

Целые вечера просиживала она над ним. Фотографии солнца, лунных кратеров, звездных туманностей, планет, метеоритов возбуждали ее фантазию. Она представляла себя ступающей на твердь Марса, изрезанную каналами. По каналам плыли причудливые суда с марсианами. А на Венере, расположенной к солнцу ближе, чем Земля, она путешествовала по жарким тропическим лесам с гигантскими деревьями, вступала в борьбу с огромными чудовищами... Или вдруг, в результате аварии космического корабля, оказывалась выброшенной на маленький астероид, лишенная воды и пищи, подобно Робинзону, чудом находила и то и другое и долгие годы путешествовала по необъятным просторам Вселенной.

Училась Женя хорошо. Но в классе были и неуспевающие и просто лентяи. Девочке казалось, что все они нуждаются в ее участии. И когда какой-нибудь лентяй отказывался от ее помощи («Не хочу, чтобы меня учила девчонка!»), на глаза ее навертывались слезы, она готова была расплакаться. Зато сколько радости доставляло ей желание неуспевающего одноклассника принять ее помощь.

На одной из предпоследних парт сидела девочка Лиза. Она была высокая, на голову выше Жени, рыженькая и с конопушками на лице. Женя ее побаивалась, потому что Лиза отчаянно дралась на переменах с мальчишками, которые дали ей коровью кличку «Рыжуха». По арифметике Лиза училась на «неуды», слегка разбавленные «удами», — не давались ей задачи, да и таблицу умножения знала она с пятого на десятое. Она почему-то считала, что если пятью пять — двадцать пять, а шестью шесть — тридцать шесть, то семью семь будет сорок семь, а восемью восемь — пятьдесят восемь.

Когда Лиза отвечала у доски, почти весь класс смеялся, а Жене было жалко эту нескладную, голенастую девочку, и она смотрела на нее страдальческими глазами. После одного из таких «спектаклей» Женя не выдержала, подошла на перемене к Лизе и предложила:

— Давай останемся после уроков, я научу тебя решать задачи и таблицу умножения повторим.

Лиза согласилась.

На большой перемене Женя развернула было

бутерброды, принесенные из дому, но есть раздумала — пригодятся на «после уроков».

Когда прозвенел последний звонок и класс опустел, девочки уселись рядом на парту. Женя раскрыла учебник и велела своей подопечной дважды перечитать таблицу умножения. Последовавшие затем вопросы показали, что Лиза осталась при своем убеждении: семью семь — сорок семь, восемью восемь — пятьдесят восемь и т. п.

— Да посмотри же в таблицу! — нетерпеливо ткнула Женя пальцем в нужную строчку.— Вот ведь: семью семь — сорок девять.

— А почему же шестью шесть — тридцать шесть? — невинно взирая сверху вниз на маленькую «учительницу», возразила Рыжуха.

Женя совсем растерялась.

— Значит, ты думаешь, что таблица умножения составлена неправильно?

— Может, и правильно,— пожала плечами Лиза.— Только почему же тогда шестью шесть — тридцать шесть, а семью семь — сорок девять? Непонятно.

«И правда — почему? — подумала вдруг Женя.— Почему она должна верить? Надо ей доказать — вот что».

— Ну, ладно,—сказала она со вздохом.— Что такое семью семь? Это значит цифру семь надо взять семь раз. Так? Семь раз сложить друг с другом. Вот, смотри.

На листе тетрадки Женя написала столбик из семи семерок, между цифрами поставила знак «плюс» и подвела под столбиком черту. Сказала:

— Теперь сложи сама.

Лиза начала складывать вслух: «Семь да семь — четырнадцать, четырнадцать да семь — двадцать один...» Результат получился для нее совершенно неожиданный — сорок девять.

— Ой, смотри-ка, Женя, и правда... — впервые за весь урок улыбнулась Рыжуха.

— Вот видишь! — торжествующе воскликнула маленькая наставница.— Теперь восемь раз сложи цифру восемь.

Дальше дело пошло как по маслу.

Когда с таблицей умножения было улажено, Женя достала бутерброды, и девочки с аппетитом поели.

Потом взялись за задачи. После того как решили первую, Лиза запротестовала: уже поздно, на улице темнеет, она устала и пора домой... Но Женя только-только вошла во вкус и принялась убеждать ее позаниматься еще. Неужели она хочет, чтобы и дальше над нею смеялись? Неужели она хочет остаться на второй год? И наконец, если она будет хорошо учиться, мальчишки не посмеют больше называть ее Рыжухой.

Последний аргумент убедил Лизу, и занятия продолжались...

Из школы Женя вернулась затемно. Отец уже был дома. Оба родителя обрушились было на нее с упреками: почему она является так поздно, почему не дорожит их покоем...

Но раскрасневшаяся с мороза Женя, возбужденно блестя глазами, принялась рассказывать о Рыжухе, о ее нелепых понятиях по части таблицы умножения, о том, как пришлось выводить ее на путь истинный...

— Ой, знали бы вы, как было интересно! Так интересно!! — заключила свой рассказ Женя.

— «Интересно»! — всплеснула руками Анна Михайловна.— Измучилась, голодная, поди, а ей интересно...

— А ведь она права, Аня,— улыбнулся отец и, подойдя к Жене, ласково потрепал ее по голове.— Кругом права. Так оно и есть: интересно то, что трудно, что требует усилий...

А с Лизой пришлось еще раза два остаться после уроков. Вскоре среди «удов» по арифметике у нее начали появляться «хоры».

Шли годы. Женя взрослела. Закончила первую ступень. Вот уже и в шестой класс перешла и «стукнуло» ей двенадцать, а там и тринадцать не за горами. В детстве жизнь казалась куда проще. Все тебе объяснят мама, папа, учителя — лгать нехорошо, драться нехорошо, жадничать нехорошо, скрывать от старших ничего нельзя. А теперь все стало сложнее. Не хотелось обращаться ни к папе, ни к маме, ни к учителям с возникающими у тебя беспрерывными вопросами о себе, об окружающих, о жизни вообще, о своем понима-

нии различных ее сторон. Тебе уже хочется исповедоваться не перед взрослыми, хотя бы и очень близкими людьми, а перед собою, перед своей совестью. Твой ум стал пытливее, проницательнее, ты уже сама ощущаешь приближающуюся «взрослость», твои нравственные устои кажутся тебе достаточно твердыми, чтобы в рассуждениях, в споре с самой собою понять себя и людей, понять всю сложность жизни. Но кому же поверить это новое состояние души? Ведь оно должно остаться тайной для окружающих, потому что окружающие, особенно родители, да и учителя тоже, смотрят на тебя пока еще как на ребенка.

Дневник — вот он, незаменимый собеседник отрочества и юности. Ему ты можешь поверить все твои тайны, все сомнения, он их не выдаст, а если и упрекнет тебя в незрелости, то лишь по прошествии многих лет, и притом с глазу на глаз.

И начала Женя вести дневник. И хотя не было поначалу в нем никаких особенных откровений, все равно жизнь стала казаться богаче, интересней. Имелась своя собственная, личная тайна, к которой можно было приобщаться каждый вечер.

А сколько новых впечатлений, которые непременно требовалось поведать дневнику!

Кружок юных натуралистов, драмкружок, астрономический... Всюду так интересно. Куда бы девалась эта масса впечатлений, если бы не дневник? Исчезала бы бесследно... А теперь каждый вечер бежишь из школы, заранее представляя, как сядешь в своей комнатке, когда все уснут, раскроешь тетрадь, обмакнешь перо в чернильницу, почувствуешь запах чернил и этот запах необъяснимым образом подстегнет твою мысль, обострит впечатления...

Кончился старый 1933 год.

В первый день нового, 1934 года Женя записала в дневнике:

«Сейчас у нас в школе каникулы до 16 января. Вчера нам сказали отметки за вторую четверть. У меня оценки такие же, как и за первую: физкультура — «хорошо», труд — не аттестована, остальные — «отлично». По физкультуре отметка неверная,— я прыгать не умею.

Проснулась сегодня, и так празднично на душе — просто даже щекотно... Хотелось напроказить как-

нибудь, чтобы мама поругала, а то уж слишком хорошо и спокойно».

«8 января 1934 года. Больше я ничего первого не писала потому, что к четырем часам на репетицию надо было идти, а времени оставалось мало. Я разбудила маму, она дала мне каши. Каша пшенная, вкусная. Я целых две тарелки съела. И еще — я не хотела при маме писать дневник, никому его не показываю, и никто о нем не знает. Вечером пришла усталая — и спать. А в следующие дни совсем разленилась. Я замечаю: когда мне совсем спокойно, когда не надо бежать куда-то и что-то делать, когда все в твоей жизни тихо и хорошо, мысль становится тупой и ленивой, ни о чем серьезном не хочется думать. Это плохо. Человек всегда должен быть на взлете.

Взглянула сегодня утром в окно — и ахнула. Так чудесно на улице! С вечера валил густой снег. Он облепил ветви деревьев, пригнул их к земле, и деревья стоят, словно сказочные снегурочки. А провода похожи на толстые новенькие канаты. Подул ветерок, часть снега упала, и вот уже плывет в воздухе гирлянда белых цилиндров, нанизанных на провод...»

В следующем учебном году Женю избрали старостой класса. К своим новым обязанностям она относилась очень серьезно. Даже облик ее сделался строже: гладко, на пробор, зачесанные волосы, две косички, перевязанные розовыми лентами... Ребята уважали ее, и не столько за то, что она отличница, сколько за ее обостренное чувство справедливости, за нелицеприятную требовательность. Большинство семиклассников были далеко не пай-мальчиками. А Ленька Мусурин, рослый пятнадцатилетний второгодник, имел даже привод в милицию за хулиганство. На уроке ему ничего не стоило громко заговорить с соседом по парте, стукнуть сидящего впереди книжкой по голове или ткнуть булавкой так, что тот издавал пронзительный вопль. Женя пересела поближе к Мусурину, чтобы иметь его всегда «на глазах». Стоило тому начать свои выходки, как она обращала на него сердитый, требовательный взгляд. Поймав его на себе, Мусурин прекращал озорство. При этом он снисхо-

дительно улыбался, давая понять товарищам, что причина такой перемены в его поведении — вовсе не пигалица с косичками, просто самому наскучило.

Однажды на уроке географии в классе раздался грохот, из парты Мусурина пошел синеватый дымок и запахло серой. Мусурин испуганно вскочил, на пол упал самодельный пугач. Видно, выстрел произошел случайно.

Женя поднялась, пристально глядя в растерянные глаза Мусурина, тихо сказала:

— Леня, извинись перед Татьяной Алексеевной.

Это мягкое просительное «Леня» (товарищи называли его не иначе, как Ленька Чугун) повлияло на парня сильнее самого строгого окрика. Он сглотнул слюну и, красный от смущения, от необычности тех слов, которые следовало сказать, запинаясь и опустив глаза, проговорил:

— Извините меня, Татьяна Алексеевна, это я не нарочно...

— Хорошо, Мусурин, садись,— последовал ответ,— и больше пугач в класс не приноси, а то сам же и пострадаешь.

Мусурин согласно кивнул.

В тот же день Женя записала в дневнике: «Татьяну Алексеевну я очень полюбила. Я делаю вывод — не категорический, конечно,— что все Татьяны хорошие. Она, как только ребята расшалятся, называет всех маленькими детками. В ее присутствии создается какая-то семейная обстановка. Ее все любят. А вот новую математичку Зинаиду Кузьминичну Назарову многие не любят, мне же она ужасно нравится за свой метод преподавания. Она нам почти ничего не объясняет, все основывает на старом, приходится много соображать и работать головой. Мне это очень полезно и интересно».

После уроков, пообедав и выполнив домашние задания, Женя бежала опять в школу на репетицию драмкружка. Сцена стала ее главным увлечением. Руководила драмкружком преподаватель русского языка и литературы Татьяна Ивановна Некрасова. По ее предложению решено было инсценировать и поставить повесть Н. В. Гоголя «Майская ночь, или утопленница».

Драмкружковцы повесть хорошо знали, и это упрощало дело.

Стали распределять роли. Роль главной героини, Ганны, Татьяна Ивановна поручила Жене. Та втайне мечтала об этом и, когда мечта ее осуществилась, чуть не захлопала в ладоши от радости.

Распределение ролей прошло бы без сучка, без задоринки, если бы обошелся Гоголь в своей повести без старухи свояченицы. Девочка, которой дали эту роль, наотрез отказалась ее играть. Очень уж несимпатичной выглядела старуха.

Татьяна Ивановна спросила, кто желает сыграть старуху. Все молчали.

— Девочки, так мы с места не сдвинемся,— сказала Татьяна Ивановна.— Роль эта не хуже других, пожалуй, даже интереснее. Надо кому-нибудь ее взять. Не отменять же нам спектакль.

Юные «артистки» только переглядывались, но охотниц явно не находилось. Каждая про себя думала: «А почему именно я должна играть старуху?»

Татьяна Ивановна начала говорить о том, что Станиславский не делал различия между главными и третьестепенными ролями, ибо удача спектакля зависит от хорошей игры каждого актера, каждая роль — почетна. Но горячая ее речь не убедила девочек. Раздосадованная их упрямством Татьяна Ивановна сказала:

— Ну, как хотите. Видимо, спектакль у нас не получится. Можете идти домой.

Огорченные драмкружковцы начали покидать класс. Оставалась на своем месте одна Женя. Когда все вышли, Татьяна Ивановна, одеваясь, обратилась к ней:

— А ты чего ждешь?

Женя встала, будто собиралась отвечать урок.

— Татьяна Ивановна, позвольте старуху сыграть мне. А Ганну пусть возьмет Крылова, ей очень хочется... Для меня роль свояченицы даже интереснее, потому что она трудная... Правда же! Честное же слово! — заметив, что Татьяна Ивановна улыбается, горячо заверила Женя.

А у самой кошки на душе скребли. Так хотелось сыграть Ганну — и вот приходится отказываться. Но что поделаешь — спектакль-то должен состояться...

Иначе грош цена их драмкружку, да и всем им, его участницам...

А Татьяна Ивановна улыбалась вовсе не от недоверия. Просто ей было приятно смотреть на Женю. Слушая ее, она думала, что вот такими минутами и платит жизнь педагогу за недосыпание, за переутомление, за вечную издерганность...

«Майская ночь, или утопленница» была поставлена и имела успех. Старухе свояченице в исполнении Жени Рудневой аплодировали так же горячо, как и другим персонажам.

Успех воодушевил. Решили показать спектакль в подшефном селе Черном. Сельский клуб — помещение чуть больше обыкновенной избы, сцена — повернуться негде. Для изображения ночи нужен был голубой свет, но до голубого ли, когда и обычный — керосиновая лампа — едва теплился и коптил в спертом воздухе. Народу набилось столько, что передний ряд зрителей грудью навалился на рампу...

На следующий день, тихонько посмеиваясь при воспоминании о вчерашнем, Женя записывала в дневник: «И смех, и грех! Подвел нас Молчанов, который исполнял роль винокура Каленика. Накануне он простудился и на сцене шипел и хрипел, словно Змей-Горыныч. Я и Романов, играющий голову, должны бы ужасаться и креститься по ходу его страшного рассказа, а нам не до того — смех душит, хоть со сцены беги. Но зрители, кажется, ничего не заметили, хлопали оглушительно».

«ВО МНЕ ЖИВЕТ И РАДОСТЬ И БОРЬБА...»

В Салтыковке не было школы-десятилетки, и после окончания седьмого класса Женя перевелась в московскую школу № 311 Куйбышевского района. Семья переехала в Лосиноостровскую, поближе к месту работы отца. Да и Жене отсюда легче было добираться до школы.

Вставать теперь приходилось рано, чтобы успеть на электричку. Зимою Женя уезжала задолго до рассвета, а возвращалась затемно. При дневном свете заваленную снегом Лосинку она видела только по воскресеньям. На занятия и обратно ездили веселой шумной компанией, потому что многие Женины одноклассники перешли в ту же школу. Это помогало преодолеть одиночество, которое неизбежно для человека, попавшего в незнакомый коллектив.

И все же первые месяцы в новой школе достались новичкам нелегко. Столичные одноклассники относились к «провинциалам» либо безразлично, либо с легким пренебрежением. Все они здесь учились с первого класса, у них сложились свои традиции, свои дружеские «кланы». Войти в такой «клан» обыкновенному смертному, который не показал себя в драке бесстрашным кулачным бойцом, не надерзил отважно учителю или тем более директору, не построил управляемой по радио модели самолета, нечего было и думать.

Из девочек же на дружеское внимание могли рассчитывать лишь те, чья внешность способна была составить конкуренцию артистке Любови Орловой.

Женя седьмой класс, как, впрочем, и все предыдущие, окончила на отлично, с похвальной грамотой. Теперь в глазах иных преподавателей она улавливала к себе любопытство, за которым угадывалось недоверие: «А ну-ка, посмотрим, что это там за отличницу воспитали в захолустной деревенской школе?»

Вызывали к доске, гоняли с пристрастием по предмету, и в журнале неизменно появлялась очередная пятерка.

В день переезда в Лосинку, Женя не бралась за учебники. И, как нарочно, химичка вызвала к доске, велела решить задачу по заданному на дом материалу. Хотя и с запинками, Женя задачу решила — помог запас старых знаний. Вместо привычного «отл», получила «хор». Вернулась на свое место — горько на душе, слезы душат. «Перестань, перестань сейчас же,— мысленно прикрикнула на себя Женя.— Еще не хватало, чтобы ты разревелась на весь класс — вот потеха-то будет... Плакса все-таки ты, Руднева. Размазня и плакса. Ну, «хор», ну что тут плохого. Не «неуд» же... Дома сегодня выучу все как следует. Ведь не для отметок учусь, а для знаний... Ты просто привыкла к отличным отметкам — вот отчего вся твоя глупая обида...»

Горечь постепенно отступила, а через день Женя уже вспоминала о ней с улыбкой — было из-за чего расстраиваться!

Постепенно отчужденность новых товарищей растаяла. Трудно было противостоять открытому искреннему характеру Жени. Она вступила в школьный драмкружок. Общие «сценические» интересы сблизили ее с одноклассницей Лидой, рослой, красивой девочкой. Женя часто стала бывать у новой подруги, вместе учили уроки, и, если задерживалась, родители не беспокоились — знали: она у Лиды, о которой много им рассказывала.

До конца учебного года оставалось меньше месяца. Однажды на перемене к Жене подошел комсорг школы, долговязый десятиклассник, и, строго взирая на нее сверху вниз, сказал:

— Слушай, Руднева, сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Чего же в комсомол не вступаешь? Отличница и вообще... Слышал, как ты на первомайском утреннике «Левый марш» декламировала — молодец! И до сих пор не комсомолка.

— Я... мне...— У Жени от счастливого волнения сперло дыхание.— Я не знала... что могу.

— Ну, вот знай. Пиши заявление в комитет комсомола. Отдашь мне.

Он ушел, а Женя застыла на месте, ошеломленная. Недавно она прочитала книгу Николая Островского «Как закалялась сталь», восхищалась Павкой Корчагиным и его товарищами. Они были комсомольцами, они не щадили себя, своей жизни, в борьбе с врагами Советской власти. Через их образы, через их дела воспринимала Женя звание комсомольца. Она завидовала им, их бурной эпохе, но сравняться с ними, великими героями-подвижниками,— об этом можно было только мечтать. Наверное, потому так празднично прозвучали для нее будничные слова комсорга: «Пиши заявление в комитет комсомола. Отдашь мне».

Вернувшись из школы, она не утерпела, с порога похвасталась перед матерью, что ей предложили вступить в комсомол.

— Вон какая ты у нас стала взрослая!— заулыбалась Анна Михайловна и потрепала дочь по волосам.— В комсомол вступаешь, а давно ли в пионеры принимали.

И вправду, давно ли это было... Лагерь, пионерский костер, салют: «Будь готов!» — «Всегда готов!» Песня:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи,
Мы пионеры —
Дети рабочих...

Теперь у нее будет другая песня:

Мы молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

Несколько листков из чистой ученической тетради испортила Женя прежде, чем текст заявления удовлетворил ее. Сперва на бумагу лезли все какие-то ходульные, напыщенные фразы-клятвы. Но потом Женя решила, что не имеет права на них, потому что еще ничего героического не совершила. Бумага все стерпит. Лучше написать просто: «Прошу принять меня в ряды ВЛКСМ». А преданность комсомолу, партии, народу она проявит не на словах, а на деле.

Никогда, ни перед одним экзаменом не лихорадило Женю так, как перед школьным комсомольским собранием. Принимали в комсомол сразу семь человек. Все — одноклассники, в их числе и Лида, лучшая подруга.

— Да не трясись ты. Ну, чего волнуешься? На комитете приняли и здесь примут, — шепотом уговаривала Женю практичная Лида, когда они уже сидели в зале.

Но уговоры на Женю не действовали. Ей было зябко, словно на пронизывающем ветру стояла. Мало ли что — на комитете... Там всего несколько человек, а тут — полшколы. Учителя. Десятиклассники. У некоторых над верхней губой темнеют пробивающиеся усики. Спросят: а что, собственно, ты из себя такое особенное представляешь, Руднева? Почему мы должны принять тебя в комсомол? Что она ответит? Нечего ей ответить. Ну, скажут, тогда подрасти, докажи делом, что ты достойна стоять в одном ряду с Павкой Корчагиным... Ой, уж скорее бы...

Всех семерых собрание приняло единогласно.

— Ну, что я тебе говорила! — торжествовала Лида, когда после собрания они вышли из школы.— Вот в райкоме... действительно. Там будет пострашнее.

Но и в райкоме все обошлось благополучно.

Женя рассказала свою биографию, которая уложилась в несколько фраз, ответила на вопрос по уставу, после чего райкомовцы дружно проголосовали за то, чтобы утвердить решение комсомольского собрания.

В июне 1936 года Женя получила комсомольский билет. Из райкома возвращалась, как на крыльях. Радость распирала сердце, хотелось петь, уступать место старшим в трамвае, всем и каждому сообщать, что отныне она комсомолка. Когда уже сидела в электричке, которая мчала ее в Лосиноостровскую, подумала, что не к лицу, пожалуй, комсомолке такое ребячливое настроение. Чтобы сказал Павка Корчагин?! Теперь она должна быть совсем другой. Теперь ей нельзя ничего бояться. Ведь бесстрашие перед лицом врага — главная черта комсомольца. Подойди вот сейчас какой-нибудь шпион, прикажи ей под угрозой оружия совершить что-то низкое, сообщить вверенную ей важную тайну, она должна с презрением бросить ему в лицо: «Стреляй, гад! Я комсомолка, умру, а ничего не скажу!»

Женя вдруг фыркнула и едва не рассмеялась на весь вагон — такими нелепыми представились ей детские ее фантазии в этом мирном вагоне. Действительно, мимо окон бежали ярко освещенные солнцем

рощи, а напротив сидели две женщины и доброжелательно поглядывали на юную девушку, улыбающуюся неизвестно чему.

Вбежав в комнату, Женя кинулась на шею матери и закружила ее. Потом они сели за стол и стали рассматривать комсомольский билет — тоненькую книжечку с профилем Ленина на алой обложке. У себя в комнате Женя достала дневник и записала: «Наконец-то! Я получила комсомольский билет. Всю радость этого момента нельзя выразить при всем желании...»

Вечером, поужинав, она примостилась тут же у стола и начала записывать на листке бумаги строки. Они каким-то непостижимым образом рождались в ее взволнованном сердце и ложились на бумагу. Щеки ее горели; чтобы охладить их, Женя то и дело прикладывала к ним тыльную сторону ладони.

— Женя, ложись, уже поздно! — позвала из комнаты мать.

— Сейчас, мама, сейчас! — машинально отвечала Женя и продолжала писать.

Разве могла она уснуть, если чувства, распиравшие грудь, требовали немедленного выхода.

Временами она вставала, расхаживала по кухне, качая головой в такт рождающемуся ритму, потом садилась и опять торопливо скрипела пером...

Часы показывали половину первого ночи. Самой короткой ночи в году. Женя перечитала то, что вышло из-под ее пера, и удовлетворенно улыбнулась. Вдруг поняла: если сию же минуту не ляжет в постель, то заснет за столом.

Утром Женя продекламировала перед матерью первое и последнее сочиненное ею стихотворение «Комсомольский билет». Начинала с воодушевлением:

Я счастлива! Во мне живет
И радость и борьба — прекраснее их нет.
И бодрости мне придает
Мой комсомольский билет.

Интуитивно Женя понимала, что в стихотворении есть строфы лучше, есть хуже. Поэтому в процессе декламации поглядывала на мать, пытаясь по выражению лица определить ее реакцию на ту или иную строфу. Вот, кажется, неплохо:

И хотя мирно жить хочу,
К войне готовлюсь, — вот ответ:

Берегись! Не одна я так гордо
Держу комсомольский билет!

На лице матери как с первой строфы застыло блаженно-восторженное выражение, так и не менялось на протяжении всего Жениного чтения. Для нее, для ее милой, славной мамуси, все, что сочинено дочкой, одинаково хорошо. Почувствовав это, Женя уже без энтузиазма, ровным голосом дочитала последнюю строфу:

Теперь нас много. Будет больше.
Товарищам новым — привет!
Так пусть растет и крепнет дальше
Мировой комсомольский билет!

Мать подождала немного и, поняв, что стихотворение закончено, подошла к дочке, поцеловала, начала расхваливать. Женя лишь слабо улыбнулась в ответ.

Миновал год, и 311-я школа Москвы стала для Жени такой же родной, как в свое время Салтыковская.

В девятом классе ребята и девчата заметно посмирнели — считали себя взрослыми. На переменах парами и тройками прохаживались по коридорам, рассуждали о международных делах, стараясь не замечать беснующуюся мелюзгу, всяких несмышленых пятиклассников и шестиклассников.

А пищи для молодых умов жизнь давала предостаточно. Особенно, если дело касалось международной политики. Итальянские войска захватили Абиссинию. В Испании шла гражданская война, трудящиеся боролись за свою республику. Германский фашизм стремительно вооружался. На дальневосточной границе участились провокации японской военщины. Все понимали: столкновение с фашизмом неизбежно. В школах, в учреждениях, на фабриках и заводах создавались отряды противовоздушной и химической обороны.

Не случайно в стихотворении «Комсомольский билет» у Жени вырвались слова: «...к войне готовлюсь...» Она вступила в военный кружок, научилась стрелять, собирать и разбирать винтовку, надевать противогаз, перевязывать и выносить из района поражения раненых.

Женю назначили командиром отряда ПВХО ее 9-го «А» класса. Из лучших бойцов она создала команду для участия в школьных соревнованиях, которые проходили в феврале. Надежды «матери-командирши» — так шутливо называли Женю подруги — занять первое место не оправдались. Подвели две девочки — не сумели раскинуть носилки для переноски «раненых».

Но на следующий день эта неудача показалась пустяковой, и о ней Женя вскоре забыла.

Наступила весна. В душе девушки поселилось чувство странное и беспокойное. Оно было окрашено грустью и в то же время ласковой сладостной волною обдавало сердце... То ли сожаление о минувшем счастливом детстве, то ли предчувствие радостей, которые подарит ей жизнь в будущем. Ведь в сущности она только начиналась, ее жизнь. И просто дух захватывает как подумаешь, сколько еще весен предстоит увидеть...

«25 марта 1937 года. Сейчас чудно кто-то играет на скрипке. Я очень люблю скрипку — больше всех музыкальных инструментов. Ее действие на меня почти всегда соответствует моему настроению. Наверное, потому, что слушать я ее готова и в радости и в печали. Она навевает на меня мечтательность.

Мечтать так хорошо! Ведь если бы не было мечты у человека, жизнь сделалась бы скучной, невеселой!

«Мечтают только люди, не умеющие жить. Люди практические не мечтают, а живут». Так сказала мне однажды Татьяна Ивановна, моя салтыковская учительница. Ее слова — суровая правда, но я, я еще не отказалась от мечтаний, и мне кажется, что не откажусь. Зачем отнимать у себя счастливые минуты? Вот я смотрю на звездное небо, на Орион, на Сириус, и мечтаю о том, как я буду астрономом, как буду изучать их спектры, вижу себя в обсерватории... А на самом деле? Ведь сколько мне еще учиться! Но я и так уже сейчас смотрю на небо, как на свою будущую собственность.

Мечты украшают жизнь, особенно в печальные минуты. Они редки у меня, эти минуты, но бывают. И тогда, идя из школы после какой-нибудь неудачи, я мечтаю. А быть может, я действительно не права совершенно и я абсолютно непрактический человек?

Сегодня я получила паспорт. Мама говорит, что теперь я большая. Как бы не так! Ведь оттого, что в столе лежит паспорт на мое имя, у меня ничего не прибавилось, я осталась такой, как была. И это печально — долго еще буду такой несмышленой.

26 марта 1937 года. Сегодня ездила я смотреть Киевскую станцию метро. В нашем Московском метро хороши все станции, но эта особенно: ведь мрамор так красив и колонны из него так прекрасны! А как странно: выскочишь из земли, промелькнешь по белу свету — и опять в нору! Вот бы удивилась моя прабабушка.

В канаве быстро бежит вода. Ее вид всегда напоминает мне Салтыковку и себя в возрасте третьеклассницы. Тогда весна для меня была горячим временем. Сколько ножей перочинных и настоящих было сломано, сколько коры испорчено! (делала лодочки). Гоняла их по канаве до позднего вечера. А потом садилась делать уроки...

Помню я свое первое сочинение на тему о воде, водопроводах и прочем — ну, в общем, о чем можно было писать во втором классе. Первый опыт оказался удачным, и я поверила в себя. Верить в себя нужно всегда, не зазнаваться, конечно, а верить так, как следует, — это необходимо во многих случаях жизни».

Стоял один из последних дней марта. По ярко-голубому небу плыли кучевые облака, какие бывают летом. Помахивая портфелем, Женя неторопливо шла от станции улицей поселка и размышляла. И хотя предмет размышлений представлялся ей весьма важным, она не отказывала себе в удовольствии время от времени подставлять лицо солнцу и смотреть на него сквозь неплотно сомкнутые ресницы.

С крыш деревянных домиков свисали сосульки, вспыхивали в солнечных лучах колючим блеском. Бегущая вдоль тропы лыжня покрылась тонкой ледяной коркой, похожей на кружевную ленту. То и дело тропа ныряла в лужу с зеленоватым ледянистым дном.

А размышляла Женя об отношениях со своей лучшей подругой Лидой, которые за последние две недели заметно осложнились. В прошлом году Женя выделила ее из всех девочек вот почему: Лида умела любо-

го остряка мильчишку так отбрить метким словом, что тот замолкал, обескураженный. С учителями она держалась так же свободно, как с одноклассниками. Училась неровно. Однако, даже получив «неуд», огорчения своего не показывала, напротив, нарочито удивленно глядя на преподавателя, могла бросить ироническую реплику вроде: «Ну, вот, Пал Иваныч, а сами все толкуете про гуманизм и про чуткость». Это вызывало смех в классе и обезоруживало учителя. Женя ловила себя на том, что завидует подруге, ее какой-то внутренней свободе.

Настроение у Лиды менялось не то что ежедневно — ежечасно. Отличная отметка, успешное выступление на самодеятельной сцене доставляли ей столько радости, что она превращалась будто в бесшабашно-веселого, озорного подростка. Но какая-нибудь совершенно, на взгляд Жени, пустяковая неудача, вроде оторвавшейся от кофточки и потерянной пуговицы, могла повергнуть ее в уныние, близкое к отчаянию. Тогда Лида становилась капризной, разговаривала с Женей так, словно та была в чем-то виновата, и после уроков убегала домой, не дождавшись ее. Это обижало Женю, но ненадолго.

Трезво поразмыслив, она приходила к выводу, что к недостаткам ближнего следует быть терпимой, тем более глупо дуться друг на друга из-за чепухи, и первая делала шаги к примирению.

В шестнадцать лет Лида выглядела уже взрослой девушкой. Она была стройна, изящна, а модная прическа сделала ее женственной.

Теперь собственная внешность занимала Лиду гораздо больше, чем раньше. Крошечное чернильное пятнышко на платье огорчало ее куда сильнее, чем неудовлетворительная отметка.

Происшедшие в подруге перемены нравились Жене. Глядя на нее, Женя и сама стала больше следить за своей одеждой. Она немного завидовала ранней «взрослости» Лиды, хотя даже себе не призналась бы в этом. Чувствовала — в такой зависти кроется что-то стыдное.

Вскоре Женя заметила, что и мальчишки-одноклассники стали по-иному относиться к Лиде. Одни, разговаривая с ней, смущались, старательно отводили глаза, другие, наоборот, держались излишне развязно.

И те и другие, казалось, для Лиды одинаково безразличны. Но Женя подсознательно понимала, что это вовсе не так, что Лида только внешне старается выглядеть холодной и безразличной. Она сознавала свою власть над мальчишками. И еще Женя заметила: как никогда раньше подруга стремилась выглядеть беззаботной, часто и звонко смеялась, словно бы напоказ. Женю немного коробила такая театральность, но она не осуждала Лиду. Наверное, на ее месте, когда знаешь, что находишься в центре внимания, что многие думают и даже мечтают о тебе, и она, Женя, возможно, вела бы себя так же.

В марте на больших переменах можно было выскакивать во двор без пальто и шапки, из мокрого снега лепить тугие снежки и устраивать молниеносные баталии, в которых мальчишки состязались в ловкости, а девочки нарочито испуганно взвизгивали, чем доставляли стрелкам особое удовольствие. Снежные бои были привилегией младших классов, но и старшеклассники нередко не могли удержаться от соблазна.

Одним ярким днем, как только звонок прозвонил на перемену, девятиклассники схватились с ребятами из десятого класса. Снежки летели с обеих сторон, как теннисные мячи, с глухим стуком впечатывались в стены школы. Женя и Лида сначала смотрели на схватку из окна, потом не удержались и сбежали вниз, тобы подбодрить своих. И тогда Лида получила «ранение» в плечо. Она тихо ойкнула, быстро и гневно повернулась и встретилась глазами с метнувшим снежок десятиклассником, который смотрел на нее весело, но совсем не нахально. Лида надменно отвернулась и стала стряхивать с платья снег.

На другой перемене тот же десятиклассник решился подойти к Лиде в коридоре. Он сказал, что попал в нее нечаянно, что так уж получилось, и до конца перемены они простояли у окна вдвоем.

На другой перемене Женя задержалась в классе, а когда вышла в коридор, то увидела, что Лида и тот десятиклассник стоят у окна и увлеченно беседуют. Женя дважды прошла мимо них, но подруга не удостоила ее даже взглядом. Женя вернулась в класс и села на свое место. Ей вдруг сделалось ужасно грустно. В последующие дни Володя — так звали нового Лидиного знакомого — умудрялся появляться у две-

рей 9-го класса в тот момент, когда звенел звонок на перемену. И Лида не пренебрегала его обществом.

Вскоре Женя была представлена Володе. Теперь они выходили из школы втроем и расставались на углу. Женя ехала на вокзал, а Володя провожал Лиду до дома. Так продолжалось несколько дней. Но вот однажды, за несколько секунд до последнего звонка, Лида собрала свой портфель и небрежно бросив Жене: «Пока!» — выбежала из класса. Женя видела, что у подруги для нее не остается времени, что долгим разговорам по вечерам пришел конец. Женя была очень огорчена, но ни разу не упрекнула Лиду, не пыталась навязываться ей и ее новому товарищу, когда они шли в кино.

И вот теперь, шагая по залитым мартовским солнцем улицам поселка, Женя размышляла обо всем происшедшем. Как странно! Еще совсем недавно, в начале января, они с Лидой обсуждали шекспировских Ромео и Джульетту, говорили о любви, пытались понять «это явление» и пришли к выводу, что прежде «нужно испытать все самим». И вот Лиде первой довелось испытать. Но почему она так изменилась? Неужели так всегда бывает? Выходит, дружба мешает любви? И она, Женя, полюбив пренебрегла бы дружбой? Нет, никогда! Если дружба настоящая, она не может стать помехой для любви. Значит, они с Лидой дружили не по-настоящему? Наверное, так-то оно и есть. Какая же это дружба, если не выдержала первого серьезного испытания?

Дома, сбросив пальто, Женя взяла с этажерки томик Чернышевского, полистала и, найдя нужную страницу, достала дневник. Тут же записала: «О дружбе Чернышевский говорит следующее: «Разве по натуре человека привязанность ослабляется, а не развивается временем? Когда дружба крепче и милее, через неделю, или через год, или через двадцать лет после того, как началась? Надобно только, чтобы друзья сошлись между собою удачно, чтобы в самом деле они годились быть друзьями между собою». Чернышевский прав».

Все лето Женя работала пионервожатой в пионерском лагере. Вернулась домой только в конце августа. После объятий и поцелуев встретившая ее мать отсту-

пила на шаг и, оглядев дочь, со вздохом покачала головой.

— Чем на сей раз недовольна, мама? — засмеялась Женя.

— Похудела,— сказала Анна Михайловна, но подумала другое: «Совсем взрослая».

Облик дочери заметно изменился. Исчезла угловатость, отличающая девочку-подростка от девушки. На нежно-смуглом похудевшем лице светлые глаза казались особенно большими и яркими. Волосы выгорели, кудряшки распрямились. Фигура приобрела девическую стать, линия рук — женственную плавность.

— Заметил — девицей стала наша Женя,— сказала Анна Михайловна мужу, когда он пришел с работы.— Теперь и одевать ее надо по-девичьи.

— Конечно, не за горами семнадцать. В наше время сказали бы: замуж пора,— усмехнулся Максим Евдокимович.

— Скажешь — замуж!

— Шучу — по-теперешнему рано.

Женя особенных перемен в себе не заметила. Мимоходом заглянула в трюмо и лишь неопределенно хмыкнула. Но в общем-то загорелая улыбчивая девушка, мелькнувшая в зеркале, ей понравилась.

Вечером, за ужином, Женя со смехом вспоминала о том, как ей приходилось возиться с малышами, мирить их, разбираться в их взаимоотношениях.

— Представляете,— рассказывала она, поглядывая то на мать, то на отца,— у нас в отряде оказалось два Федоровых и оба Саши. Ребята решили одного звать Шурой, а другого оставить Сашей, но ни тот, ни другой не захотели быть Шурой, потому что дома их так не называли. Ребята стали придумывать им клички, да как-то неудачно и тогда попросили меня найти какой-нибудь выход. Сначала мне тоже ничего не приходило в голову, а потом меня будто осенило. Я узнала, в каком месяце они родились, и предложила одному называться Стрельцом, а другому Львом. Рассказала ребятам про знаки зодиака. Мое предложение ребятам понравилось.

Интересно было работать в лагере, но Женя уже соскучилась по школе, своему «второму дому», хотелось поскорее увидеть одноклассников, отметить

происшедшие в них изменения, узнать, кто как провел лето, и, наконец, привычно сесть за парту, раскрыть учебник...

Первого сентября она вышла из дома в радужно-праздничном настроении и, тихонько напевая «Легко на сердце от песни веселой, она скучать не дает никогда...», бодро зашагала к станции.

Начинался последний ее школьный учебный год. Что-то принесет он ей?

У дверей школы толпились десятиклассники. Веселые, смуглые, повзрослевшие. Встретили Женю шутливыми приветствиями.

— Пионерке — комсомольский привет!

— Руднева, будь готова!

Женя, улыбаясь, отсалютовала по-пионерски:

— Всегда готова!

Оказывается, многие знали, что она летом работала пионервожатой.

Со ступенек школьного крыльца сбежала Лида, бросилась подруге на шею, расцеловала, будто и не было никогда между ними отчуждения. Женя хотела спросить про Володю, но что-то помешало ей. Если захочет, сама расскажет. Но Лида ни словом не обмолвилась о Володе. Август она провела с родителями в Крыму и теперь с восторгом рисовала красоты Черноморского побережья и сетовала на то, что ей очень не хватало Жени. А Женя думала: зря она весной решила, что дружба у нее с Лидой была ненастоящая. Урок на будущее: не надо делать скоропалительных выводов.

Прозвенел звонок нового учебного года. Толкаясь и гомоня, как первоклашки, повалили ребята в неширокую дверь. Волнующий запах свежей краски... Дверь с табличкой — «10 «А»... Парта, ставшая почему-то низкой и тесной... Десятый раз Женя встречала новый учебный год, но и теперь для нее это было точно впервые.

«12 декабря 1937 года. ...Моя судьба решается. Я записалась в коллектив наблюдателей. Там чудная библиотека. У меня глаза разбежались, когда я увидела столько книг по астрономии. Это было 10 декабря. Заседание солнечного отделения. Доклад делал про-

фессор Баев. Я, кажется, особенно симпатизирую Солнцу. Но, если я не ошиблась, в «Барышне-крестьянке» сказано следующее: «Хотя сердце Алексея было уже занято, молодая красавица имела на него все права». Красавица Луна является для меня Лизой-Акулиной. 14 декабря я пойду на заседание лунного отделения. В библиотеке я взяла книгу Полака «Происхождение Вселенной», которую я давно искала. «На сколько дней вы даете книги?» — «На сколько хотите, только назад принесите. А то берут книги и уж больше не приходят». Мило!

Полак говорит: «Сопоставляя между собой разные теории, часто резко расходящиеся друг с другом, читатель должен будет почувствовать, что как ни многогранна, как ни богата красками творческая мысль человека, но природа — еще богаче!» «Мы должны рассматривать,— говорит великий математик Лаплас,— настоящее состояние Вселенной как следствие ее предыдущего состояния и как причину последующего».

К концу подходил 1937 год.

В один из последних дней декабря Женя возвращалась на электричке из школы. Примостившись у окна, она читала Полака. На улице смеркалось, а свет в вагоне почему-то не включали,— читать становилось трудно. Но и оторваться от книги было невозможно — так она захватывала... «Полак умен,— подумала Женя.— Это счастье для человека — его ум». Но тотчас опровергла себя: «Тургеневский Рудин был умен, однако несчастлив». И вдруг возник вопрос: «А я счастлива?» Она мысленно улыбнулась: конечно, счастлива! Она молода, перед ней открыты все дороги. Неделю назад ей, как и другим отличникам школы, вручили пригласительный билет на новогодний бал в Колонном зале Дома союзов, все эти дни она живет ожиданием праздника. Еще бы не счастлива!

Но Женя чувствовала: ее рассуждения поверхностны. Ведь если им следовать, то придется признать: ты вкусно пообедала — счастлива, проголодалась — несчастлива. Но это же чепуха! Вот странно... То и дело слышишь: «Я счастлива», «Он счастлив», «Живут счастливо», «Желаю счастья!». Но мало кто задумывается над тем, что, собственно, такое — счастье? Во всяком случае, она задумалась об этом впервые. Где-

то она прочитала: счастье в борьбе за достижение великой цели. Красиво, но не конкретно. Хотя почему не конкретно? Именно в этом смысле счастливо прожили свою жизнь Ленин, Коперник, Колумб... А из литературных героев — Павка Корчагин, Овод... Но ведь большинство людей довольствуется куда меньшим. Счастье многих ограничивается, например, интересами семьи. Общеизвестно, что быть любимой, любить, иметь хороших детей — тоже счастье. Как же разобраться в этом? Есть ли у задачи «Что такое счастье?» однозначный ответ? Ага, задача... Я сказала — задача. Здесь-то и скрывается истина. Каждый понимает счастье по-своему... В зависимости от задачи, которую он ставит перед собой в жизни и решает. Решил — счастлив, не сумел решить — несчастлив. Поэтому голодный, оборванный, больной Павка был счастлив, а сытый, преуспевающий чеховский Ионыч — несчастлив. А будь Ионыч более ограничен, поставь он перед собой с самого начала цель просто разбогатеть — мы увидели бы его счастливым. Что же получается? Задача должна соответствовать возможностям человека? Да, наверное. Одному под силу срубить могучий дуб, другому — лишь тонкую осинку. Но если так, то и корова по-своему счастлива. Она ставит перед собой задачу набить брюхо сочной травой и успешно решает ее. Но почему же тогда мне она не кажется счастливой? Почему, почему... Да ведь тот, что тюкает по своей осинке, тоже, наверное, не кажется счастливым тому, кто врубается в неподатливый дуб...»

Жене вдруг стало не по себе. Стук колес отдавался в ушах назойливым речитативом: счаст-лива-несчаст-лива, счаст-лива-несчаст-лива...» Подумала: «Вот именно: счастлива — несчастлива. Может быть, это только мне кажется, что я счастлива. А кто-нибудь из тех, что врубаются в неподатливую древесину дуба, подумает: «Как несчастна эта Руднева! Совершенно ничего не сделала для человечества, не открыла не то что новой звезды, но даже пустякового астероида и тем не менее почитает себя счастливой. И еще радуется, как несмышленая девчонка, оттого, что ее пригласили на новогодний бал. Какое ничтожество, право...»

Женя почувствовала, как жаром обдало ее лицо. Она отвернулась к окну — не хватало еще, чтобы за-

метили соседи... А в голове металась горячечная мысль: неужели она в самом деле ничтожество? Что ж, вполне возможно... Если бы Павку Корчагина или Овода пригласили бы на новогодний бал в Дом союзов, разве бы они почитали себя счастливыми? Да они, верно, через пять минут забыли бы об этом приглашении. Потому что свое счастье они видели в несоизмеримо более высоком. Какие же основания у нее считать себя счастливой? Молодость? Но это не ее заслуга. Отлично учится, открыты все пути? Да, пожалуй, здесь источник ее счастья. И пусть то, что ей открыты все пути, не ее заслуга, в будущем она постарается доказать... Нет, ничего она доказывать не будет. Она чувствует в себе силы замахнуться на могучий дуб. И свалить его. И на меньшем не помирится. Потому что сейчас вот открыла для себя: помириться на меньшем — значит стать на всю жизнь несчастной. И это — главное! А новогодний бал здесь ни при чем.

По темным улицам поселка Женя шагала с легкой душой, не чуя под собою ног. Сбросив в прихожей пальто, огорошила мать чрезвычайным известием:

— Мама, поздравь меня — я совершила великое открытие! Счастье — это борьба за достижение великой цели!

— Ну, ну, садись есть, фантазерка.

— Фантазерка? Я такая теперь реалистка, что во мне уместился бы десяток Базаровых... Со временем ты в этом убедишься.

Проглотив первую ложку наваристого борща, она вдруг расхохоталась.

— Да что с тобой сегодня? — вытирая руки о полотенце, обернулась к ней Анна Михайловна.— Смешинка в рот попала?

— Еще открытие, мама: мясной борщ с голодухи — тоже счастье.

Жене, привыкшей встречать Новый год дома, было немного грустно оставлять родителей одних. Но так хотелось принять участие в главном Новогоднем бале страны! Тем более что мать сшила ей новое салатового цвета платье. Закончила она его днем 31 декабря. Теперь Женя стояла в нем перед зеркалом, и Анна Михайловна последний раз что-то подшивала, разгла-

живала складки, отходила и со стороны любовалась дочерью.

— По-моему, все хорошо, даже замечательно. Ты у меня чудо!— сказала Женя, поворачиваясь к зеркалу спиной и рассматривая свое отражение через плечо.

Она порывисто расцеловала мать в обе щеки и выскочила в кухню. Там в кастрюле уже поднималось тесто, а на столе в кулечке лежал еще не вымытый изюм. Она схватила щепотку и бросила в рот. Думала, получится украдкой, но тут как раз вошла мать.

— Он же немытый, Женя!

— Ничего, у меня сильный организм, с любыми микробами справится. Да и не может на нем ничего зловредного быть, ведь изюм под солнцем сушат, а солнце — великий санитар, любую заразу выжжет. Вот как!— и ухватила еще несколько изюминок.

В Колонный зал надо было ехать к 9 часам, и еще оставалось два часа на всякие домашние дела. Во-первых, перед балом следовало поесть, обязательно попробовать маминой баклажанной икры. А во-вторых, предстояло проверить, как будет выглядеть их домашняя небольшая, но очень пушистая елочка с зажженными свечами. Женя наскоро поела, выпила чаю и занялась елкой. Она зажгла все свечи, зеленые, розовые, синие, погасила в комнате свет, и разом засверкали и заиграли стеклянные игрушки. Как завороженная, Женя смотрела на перламутровые шары и видела в них свое лицо, странное, смешное, с большим расплюснутым носом и огромным, растянутым ртом. Она высунула язык, и он оказался еще больше носа и закрыл почти все лицо.

— Пикантная мордашка,— сказала она вслух и рассмеялась.

От уютной елки, от тихо оплывающих наивных свечек нельзя было оторвать глаз. Женя с сожалением щелкнула выключателем — сказочность елки сразу исчезла. «Сказка не терпит яркого света,— подумала она.— Пора, надо бежать!»

Новогодний вечер в Колонном зале начался хороводом вокруг огромной елки. Потом ребята разошлись по комнатам. В каждой их ожидало что-нибудь интересное. В одной шло кино, в другой выступали артисты эстрады, в третьей по кольцу бегал электро-

поезд, в четвертой крутилась карусель, в пятой можно было в течение минуты получить свой профиль, вырезанный из плотной черной бумаги. Женя побывала всюду. Она участвовала в Пушкинской викторине и в игре, смысл которой заключался в том, чтобы придумать самое длинное слово; победителю вручалась книга Гоголя «Мертвые души». Жене книга не досталась, хотя она и была близка к победе. Она назвала слово «электролюминисценция». Но тут же рядом серьезный мальчик с тонкой шеей неуверенно произнес: «Этилендиаминтетрауксус». Его слово оказалось на две буквы длиннее Жениного, но и он не стал победителем. Книгу получил веселый белобрысый парень, который в самую последнюю секунду громко сказал:

— Двеtысячипятьсотпятидесятипятилетие.

Это был рекорд, почти в два раза длиннее ее слова.

«А я мучилась, умные слова вспоминала»,— разочарованно подумала Женя.

До Нового года осталась одна минута. В зале погас свет, елка засверкала разноцветными огнями, над головами закружились звезды, поплыли самолеты, все притихли. Наконец раздался первый звонкий удар кремлевских курантов, и тотчас на потолке зажглись слова: «С Новым годом!» И разом грянуло «Ура!».

— Женя, Женя!

Подбежали девочки из 311-й школы, кинулись обниматься, как будто не видались годы. Потом вместе катались на карусели, до слез хохотали, разглядывая свои изображения в кривых зеркалах... Участников бала пригласили в центральный зал, чтобы разыграть приз новогодней елки — патефон. И случилось почти невероятное: патефон получила Вера, девочка из Жениной школы. Вера сплясала «кабардинку» и, тяжело дыша, вернулась к друзьям, нимало не надеясь получить приз. Вдруг: «Приз новогодней елки присуждается исполнительнице танца «кабардинка»!» Вера испуганно посмотрела на Женю, не зная, что ей делать.

— Иди же, иди! — Женя радостно подтолкнула растерявшуюся подругу.

В третьем часу, большой компанией, к которой присоединились и ребята из их школы, они вышли на улицу.

В свете старинных шестигранных фонарей мелькали и неслышно ложились на асфальт снежинки. Казалось, что кто-то решил воспользоваться поздним часом, чтобы навести в городе порядок и удивить проснувшихся утром москвичей ослепляющей белизной.

— Братцы, как под ногами хрустит! Ведь это ломаются миллионы прекрасных снежных звезд. Какие мы все-таки неуклюжие! Топчем такую красоту,— говорила Женя.

— Ничего, на крышах все эти звезды останутся в неприкосновенности до весны, может быть только кошка пройдет, но у нее лапы поменьше наших, так что урон можно считать несущественным,—весело возразил кто-то из ребят.

Расходиться не хотелось.

— Патефон! У нас теперь на вооружении патефон! — воскликнул парень из 10-го «Б» и вдруг скорчил испуганную физиономию: — Слушайте, а может он не работает?

— Правильно, надо его испробовать и, если плохой, скорее обменять...

— ...на медную трубу. Труба — дело верное.

— Нет, нет, я за контрабас. Ребята, представляете, что бы было, если бы Верка выиграла контрабас?

— Я бы тебе его тут же и подарила, а от новогодних подарков отказываться нельзя.

И все согласились немедля испробовать новый патефон в каком-нибудь ближнем дворе на Пушкинской улице. В конце концов, это же новогодняя ночь! Патефон поставили на детский столик посреди двора, покрутили ручку, и из-под полы пальто (кто-то из ребят прикрыл «музыку» от снега) послышалось сначало шипенье, а потом звуки модного танго:

Мне бесконечно жаль
Моих несбывшихся желаний,
И только боль воспоминаний
Гнетет меня...

— Танцы, танцы, объявляются танцы!

— Разрешите?

— Ой, мне в нос снег залетел.

— Смотрите, все ребята — деды-морозы.

— Ничего подобного — просто дворовые снеговики.

— В таком случае вы — не снегурочки.

— Девчонки, вы слышали?! У этих белых медведей — никакой галантности.

Не было «несбывшихся желаний», совсем наоборот: в том, что их желания непременно исполнятся, никто не сомневался.

Начались зимние каникулы. Теперь можно было читать сколько душе угодно, читать, забившись в угол дивана, закутавшись в мамин теплый большой платок. Дома никого нет. В тишине иногда слышно тиканье старых настенных часов. Тепло, уютно. Хорошо прочитать страницу, отвести глаза от книги, представить только что прочитанное и снова прочитать то же место. За героев радуешься, их жалко, досадуешь на их нерасторопность, неудачливость, неумение работать, добиваться осуществления своей мечты.

Женя читала Тургенева, Гончарова. Еще раз перечитала «Евгения Онегина», откладывала книгу в сторону и повторяла про себя дивные строфы. И размышляла, размышляла...

Как, в сущности, нелепо вел себя Онегин! И как жалко Татьяну, ее испорченную жизнь... Но могла ли она поступить иначе? Хотела ли она наказать любимого человека, отомстить ему? Нет, дело не в этом. «Но я другому отдана и буду век ему верна». Отдана! Как вещь! Так почему же она должна сохранять верность тому, кому «отдана» против воли? Но и соглашаться с Онегиным... Нет, пожалуй, Татьяна права. В чем ее правота, сказать трудно, но она права. Твердость позиции очень привлекает...

«11 января 1938 года. Вечер. Только что из кино. Что за картина! Я не могу, не нахожу подходящих слов, чтобы выразить свои чувства. Где там! Слишком беден словарь. Одно могу сказать: «Депутат Балтики» был прежде картиной, которую я ставила выше всех, раньше виденных. Далеко ему до «Ленина в Октябре». Куда! Когда смотришь этот фильм, не можешь быть равнодушной: смотришь на экран, а думаешь о себе. О, я очень хорошо знаю, для чего живу, но сейчас я это поняла, почувствовала, как никогда раньше.

Когда-то были «лишние люди». Вот они-то и мучились вопросами: «Для чего я живу? Кому нужна моя жизнь?» Я тоже думаю о своей жизни, я очень хорошо знаю: настанет час, я смогу умереть за дело моего народа так, как умирали они, безвестные герои из это-

го чудного фильма. Еще недавно я мучилась вопросом, что такое счастье, а теперь окончательно поняла, в чем оно. Я хочу посвятить свою жизнь науке, и я это сделаю. Все условия создала Советская власть для того, чтобы каждый мог осуществить свою мечту, какой бы смелой она ни была. Но я комсомолка, и общее дело мне дороже, чем свое личное (именно так я рассматриваю свою профессию), и если партия, рабочий класс этого потребуют, я надолго забуду астрономию, сделаюсь бойцом, санитаром, противохимиком.

Побольше бы таких фильмов: они надолго заряжают. Когда я вышла из кино, была небольшая метель, снег бил в лицо. Я так остро чувствовала, что живу и где живу! Завтра 12 января — первая сессия Верховного Совета, пуск Покровского радиуса метро. Да разве перечислишь все хорошее, что творится вокруг, все наши победы! А какое это счастье чувствовать себя частицей такого большого, грандиозного и вместе с тем близкого и родного Союза!

18 января 1938 года. Изучаем «Как закалялась сталь». Я перечитала роман, нашла в нем много нового и, вероятно, не раз еще буду перечитывать. «Овода» держал в своем сердце Корчагин-Островский, а сам он достоин быть образцом для многих поколений. Особенно произвела на меня громадное впечатление сцена убийства Вали Бруздак и ее товарищей: «Товарищи, помните, умирать надо хорошо!»

За что ценит людей Островский? Он ценит человека за его мужество, за безграничную выносливость, за этот тип человека, умеющего переносить страдания, не показывая их всем и каждому. «Я за этот образ революционера, для которого личное ничто в сравнении с общим». Я — тоже!

Чудесная книга!»

Заканчивался май. Наступил последний день занятий в школе. Собственно, занятий в привычном смысле не было. Математичка, поскольку первый экзамен предстоял по математике, провела консультацию, физик Павел Иваныч захватил всех рассказом о перспективах атомной физики, другие преподаватели просто беседовали с завтрашними выпускниками, интересовались, кто в какой вуз поступает, давали советы.

На последней перемене Женя, Валя Мигунова и Яша Шмарев сидели в школьном скверике и обсуждали преимущества и недостатки той или иной профессии. Дружеские отношения с Лидой у Жени так и не восстановились — слишком разные оказались интересы.

— А что это мы, братцы-сестрицы, все стремимся в интеллигенты? — хитро поглядывая на девушек, сказал Яша.— Ну, я понимаю Женю — она спит и видит свою астрономию. А взять, к примеру, меня или того же Комарова.. Я ученичок средний, Комаров вовсе «камчадал», и тем не менее грудью рвемся в инженеры. Вон у меня отец — слесарь-лекальщик, а с ним сам директор завода, бывает, советуется. Не с молодыми инженерами, а с ним, слесарем...

— Он сколько лет работает лекальщиком? — поинтересовалась Женя.

— Семнадцать.

— Через семнадцать лет, может, и с инженером Шмаревым будет директор советоваться.

— Накладно для государства — получить дельного инженера через семнадцать лет после окончания вуза.

— Ты что же, не веришь в свои способности? — спросила Валя.

— Не знаю. Я заикнулся было отцу: не возьмет ли он меня учеником, а он на дыбы. Зачем же, говорит, я тебя десять лет учил? Хочу, чтобы сын был инженером — и баста. Приходится соответствовать.

— Выходит, несознательный ты человек, Яшка, а еще комсомолец,— возмущенно проговорила Валя.— Не веришь, что станешь хорошим инженером, а собираешься в вуз! Отца испугался! Это же настоящее соглашательство.

— Ну вот, зазубрила политические термины и суешь к месту и не к месту! Причем здесь соглашательство? Я просто не совсем уверен в себе и говорю об этом откровенно. А ты уверена? А Женя уверена?

Женя неопределенно пожала плечами. Но про себя сказала: «Да, пожалуй, я уверена». Вспомнила свои рассуждения о том, что такое счастье и что такое несчастье. Если все в тех рассуждениях верно, то Яша может стать несчастным. Ведь он замахивается на могучий дуб, не будучи уверен, что хватит сил и способностей срубить его.

— Ты начал с того,— заговорила Женя,— что все мы якобы стремимся в интеллигенты. Не знаю, как все, а я не стремлюсь. Я хочу изучать небесные тела, Вселенную, ее жизнь. А кем я при этом буду: интеллигенткой, работницей, военнослужащей — это не важно.

Яша поднял палец и с дурашливым пафосом сказал:

— Изречение, которое просится в скрижали.

Громогласно прозвучал последний в их школьной жизни звонок.

После уроков Женя побывала в МГУ. Посещение это ее встревожило. Она узнала, что быть отличником — вовсе не значит иметь полную гарантию на поступление в университет. В прошлом году на механико-математическом факультете на каждое место претендовали четыре отличника.

Но пока об этом не надо думать. Первоочередная задача — успешно сдать школьные экзамены.

Стояла середина июня, лето цвело, а десятиклассники сдавали выпускные экзамены, которым, казалось, не будет конца. Притупилась тревога первых дней, и не так волновал торжественный вид классов и коридоров школы, тщательно вымытых, с цветами на окнах, вид экзаменационного стола под зеленым сукном и сосредоточенных педагогов в новых костюмах и платьях. Но радость после каждого сданного экзамена была такой же бурной, как и после первого.

— Сдано восемь, сдано восемь! Еще пять, еще пять!

Девушки прыгали, взявшись за руки, и это не казалось им ребячеством. Как ни трудны экзамены, но и в них Жене виделась своя прелесть. Отвечаешь по билету, тебя прерывают: «Довольно, можете идти». Выскочила из класса, но что поставили: «хор» или «отл» — неизвестно. Слоняешься по коридору взад и вперед, вроде бы можно идти домой, но не идешь и беззаботности пока не чувствуешь. И вот некто последний сдал экзамен, вышел — улыбается счастливо, говорит: «Повезло!» Теперь ждать недолго, а ребята разговаривают нервно, досадуют на себя, на свои

оговорки, на забывчивость, а вернее — на слабое знание материала. Кто-то из мальчиков не вовремя заспорил с девочками, потянул одну из них за косу (вот уж в ком детство не перегорело), она кинулась на него, замахнувшись учебником, началась возня... И тут в коридор вышла классная руководительница — строгая, с ведомостью в руке. Конфликт мгновенно улаживается. Топот наполняет коридор, ребята бегут из другого его конца, учительница терпеливо ждет. Вот ее окружили, настороженно притихли. Она начинает внятно читать отметки, хорошо сознавая значимость произносимых ею слов. После каждой фамилии — оценка, сопровождаемая либо счастливым возгласом, либо грустным, почти обреченным вздохом...

— Вот и все, поздравляю вас, товарищи, с достаточно успешной сдачей. В конце концов, никаких неожиданностей, как видите, нет. Те, кто занимался в году, получили «хорошо» и «отлично», ну, а кто ничего не делал... То есть вышло все так, как я предсказывала. Ну что ж, отдохните сегодня как следует, а завтра снова за книгу. Надо себя держать в форме. Большое спасибо за цветы. Просто замечательные!

И вот теперь чувствуешь освобождение. Еще одно «отлично», и с ним приходит веселая беззаботность.

— Девочки, в парк!

— На лодке, на лодке!

— Лучше в кино!

— В кино, в кино!

Легкий, беззаботный, шумный спор: куда идти — в парк или в кино. Да что тут спорить: можно и в парк, и в кино, и съесть по две и даже по три порции мороженого. Сегодня на душе легко, все прекрасно и все смешно. Снова и снова вспоминается экзамен, но теперь он в прошлом и потому не страшен, и ассистенты вели себя хорошо. А вот если бы пришел кто-нибудь из районо — неизвестно, как бы тогда все обернулось.

Наконец, наступило 20 июня — последний экзамен, география. Возвышенности, реки и моря, куда можно было бы поехать в каникулы, если бы не поступать в университет...

«Ночь на 21 июня 1938 года. Все! Все! Все!

Даже не верится, что сдано уже 13 испытаний и что завтра, послезавтра и через два дня ничего не

предстоит сдавать... «Жизнь прекрасна и удивительна...»

Закончена десятилетка, и единственное, что еще осталось от школы, что еще связывает их всех вместе как школьников — это выпускной вечер.

Он был назначен на 24 июня, начало — в 8 часов.

Во второй половине дня Женя забежала к соседке Анне Ивановне, которая взялась сшить ей платье и обещала закончить сегодня к вечеру.

— Нет, Женечка, милая, нет, сегодня не выйдет, послезавтра, пожалуй, сделаю, — встретила ее соседка.

— Так вы же обещали, у меня вечер сегодня!

— Ну мало ли что обещала, а вон картошка у меня не окучена, это кто за меня сделает, ты, что ли?

— Но как же...— растерянно пролепетала Женя.

Она не могла понять, как взрослый человек может нарушить данное им слово? Неужели у этой немолодой женщины понятие о чести осталось на дошкольном уровне?

«Да я бы ночью работала, а платье сделала, раз обещала»,— думала Женя. Настроение у нее испортилось. Но дома ее ждало письмо, которое принесло радость. Письмо было из Орджоникидзе от Жениной двоюродной сестры Машеньки. Она писала, что ее выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета Северо-Осетинской АССР. Это же поразительное известие! Женя сама ходила по квартирам, разносила биографии кандидатов, но то были люди незнакомые, а тут ее Машенька... Женя забыла про недобросовестность соседки, — в конце концов, это же мелочь. Машенька будет депутатом, у них в семье будет свой депутат! Ни мамы, ни отца нет дома, а когда они придут, она уже уедет в Москву. Но с письмом ей расставаться не хотелось. Женя села за стол и настрочила родителям записку, в которой сообщила о выдвижении Машеньки кандидатом, о своей радости. О неудаче с платьем умолчала, чтобы не огорчить маму. Достав из шкафа свое новогоднее платье, быстро переоделась и побежала на станцию.

Вечер начался с опозданием, почти в 10 часов. Столы были накрыты в пионерской комнате, рояль в 10-м классе «А», просторное помещение которого превратилось в танцевальный зал. С напутственным словом выступали директор, завуч, учителя, благодарст-

венные речи держали выпускники, в том числе и Женя. Потом директор раздал аттестаты и грамоты.

— Счастливая ты, Женя!— завистливо сказала бывшая подруга Лида, разглядывая Женин аттестат «с отличием»; у нее самой среди итоговых оценок было шесть «посредственно». Женя почувствовала себя неловко, как будто была в чем-то виновата перед Лидой.

— Ну, что ты! Знаешь, сколько теперь отличников развелось. Для отличников тоже конкурсы во многих институтах, так что неизвестно еще — может быть, придется сдавать все экзамены,— как бы оправдываясь, говорила Женя. В этот день ей очень хотелось, чтобы всем вокруг было хорошо.

— Впрочем, конечно, ты права. Да, да, я читаю твои мысли — о, я великолепно научилась читать чужие мысли (сарказм и горечь). Да, конечно: «Кто ей мешал учиться так же! Нечего было лоботрясничать!»

— Лида, ну что ты!

Женя ни полсекунды так не думала, но после этих слов в голове мелькнуло: «А разве не так?»

— Ах, я же не спорю,— это так, пусть будет так...

Сказано с подтекстом, и понимать следовало, что все было совсем иначе, что были очень серьезные объективные причины, помешавшие ей иметь такой же аттестат. И получилось очень убедительно, а лицо стало по-взрослому снисходительно-грустным, и дано было почувствовать, что их разделяет Лидин опыт, ее переживания, которые недоступны пониманию девочки, пусть даже и отличницы. Женя смотрела сочувственно. Бывшая подруга чуть улыбнулась: «Неизвестно, кому еще стоит завидовать!»

Танцы начались поздно. Лида танцевала самозабвенно, едва успевала закончить один танец, как ее тут же приглашали на другой. Она делала капризную гримаску, но соглашалась. Вихрем кружилась она по классу со своим партнером, смеялась, откинув голову и показывая очень белые зубы, никому бы и в голову не пришло, что только перед этим она горевала над своим «плохим» аттестатом.

Женя смотрела на танцующих с удовольствием, но сама не танцевала; один раз ее пригласил Яша Шмарев, но она почувствовала, что у нее не получается, и больше танцевать не соглашалась.

И снова, как в новогоднюю ночь, они шли по московским улицам и пели:

В далекий край товарищ улетает,
За ним родные ветры вслед летят...

У Жени был хороший слух, и остальные следовали в песне за ней. Светало. Тускло поблескивали еще неживые окна, в небе таяли облака. Где-то зашаркали метлами дворники.

Любимый город может спать спокойно
И видеть сны...

— Как замечательно дышится на рассвете, правда, девочки?

— Ни одной машины, все попрятались.

И тут из-за угла выполз грузовик, забренчал, загремел на трамвайных путях.

— Легок на помине!

— Ребята, неужели вы верите, что мы кончили школу?! Ребята, представьте себе: десять лет сидели за партами, десять лет дрожали на контрольных, перед доской, на экзаменах...

— Ну и что ты хочешь сказать?

— Она хочет сказать, что «рука бойцов дрожать устала»...

— ...«и мыслям пролетать мешала гора текущих дел».

— Пииты, жалкие плагиаторы, дешевые зубоскалы! А тем временем кончена школа, кончена — поймите же вы! И вас больше не пустят ни в один класс, и за моей партой будет сидеть кто-то другой, а если я сяду, меня прогонят...

— И правильно: «Не в свою парту не садись!»

— Ой, девочки, вы помните, как Галина назвала нашего геолога? Это вообще...

— Ах, геология!..

— Услышала, значит, она, что ребята из девятых классов зовут его финакондом...

— Так он же Андрей Павлович.

— Здрасте, а мы не знали. Финаконд — предок лошади, симпатичный такой...

— Да он только сейчас от тебя это узнал. Правда, Комаров, ну скажи — правда?

— Отстань!

— Ну, слу-шай-те! Услыхала она, что он — финаконд... Узнала, что отчество его «Павлович», заявилась к нему в кабинет и говорит очень вежливо: «Финаконд Павлович, дайте мне, пожалуйста, посмотреть минералы». А Финаконд стоит и сказать ничего не может, но дал, только, видать, долго думал потом...

На хохот из ворот выглянул дворник, взялся было за свисток, но удержался и лишь проворчал что-то вслед.

— Ребята, ребята, пусть Комаров у нас будет Финаконд. Тебя как по отчеству?

— Лукич.

— Финаконд Лукич Второй!

— Здравствуйте, Финаконд Лукич! С добрым утром! Хорошо ли почивали?

Они шли по мостовой в ногу, взявшись под руки, и их шаги звучали, как один уверенный шаг. На рассвете стало прохладно. Девочки зябко ежились, и двум мальчикам очень хотелось обнять двух из них за плечи, но они никогда не посмели бы; и тем девочкам тоже хотелось, чтобы так случилось, но они никогда бы этого не допустили.

В шестом часу, когда загрохотали по улицам еще пустые трамваи, решили расходиться. Жене вдруг отчаянно захотелось спать. Домой добираться было долго, и она пошла к своей тете, которая жила на Арбате. Она сразу же уснула и проспала до двух часов следующего дня, чего с ней раньше никогда не бывало.

В конце июня Женя повезла в университет заявление с просьбой принять ее на механико-математический факультет. Отдала необходимые документы секретарю приемной комиссии и, помедлив, поинтересовалась, сколько подано заявлений.

— На мехмат — сорок восемь,— ответил секретарь.

— А сколько из них отличников?

— Сорок.

Секретарь выписал ей направление на медосмотр и уткнулся в лежавшие перед ним графленые листы. Его сухость на целый день испортила Жене настроение. Она пыталась подшучивать над собой: «А ты думала, университет умирает от нетерпения увидеть тебя в числе его студентов», но это мало помогало.

Медосмотр прошел благополучно. В трех кабине-

тах, в которых она побывала, ее долго прослушивали, простукивали, смотрели форму ступни, попросили пятнадцать раз присесть, наконец, взвесили и измерили. Вес оказался 56 килограммов, рост 160 сантиметров.

На следующий день Женя получила извещение из МГУ о том, что 22 июля в 11 часов утра ей надлежит прибыть в университет на собеседование.

Утром 22-го Женя поднялась чуть свет. Не торопясь позавтракала, тщательно отутюжила лучшее свое платье, придирчиво осмотрела себя в зеркало. Кажется, ничего, внешне она вполне «на уровне». Но, увы, приятная внешность вряд ли сегодня ей поможет. Строгих ученых мужей из отборочной комиссии механико-математического факультета будут интересовать не внешние, а внутренние качества абитуриентки: ее начитанность, эрудиция, острота, ясность, свежесть мышления. Впрочем, сознание собственной опрятности, привлекательности тоже необходимо, ибо помогает чувствовать себя свободно, непринужденно.

В университет Женя приехала на полчаса раньше назначенного срока и оказалась первой у двери кабинета, в котором должно было проходить собеседование. Вскоре подступы к кабинету запрудила толпа абитуриентов, коридор наполнился шелестом негромких разговоров.

Ровно в одиннадцать из кабинета вышла женщина в пенсне и со списком в руках, поверх стекол, исподлобья взглянула на Женю и спросила ее фамилию. Потом через стекла пробежала глазами по списку, сказала:

— Входите, товарищ Руднева.

За длинным столом, в конце которого поместилась женщина в пенсне, сидели трое мужчин, двое пожилые, а третий, что в середине, моложавый. Несмотря на жаркую погоду он был одет в темную пару и белую сорочку с полосатым галстуком. Женя уже знала, что это заместитель декана, профессор Тумаркин. Пригласив абитуриентку сесть, он сказал, обращаясь скорее к своим коллегам, чем к Жене:

— Как-то повелось, что девушки выбирают либо педагогику, либо филологию, либо медицину.— И, обратив взгляд на Женю, быстро спросил:— Что вас, товарищ Руднева, привело на мехмат?

— Желание стать специалистом в области небесной механики, астрономии,— ответила Женя.

— Давно у вас возникло такое желание?

— Давно, еще в детстве.

— О! — произнес заместитель декана, и в этом восклицании Женя уловила иронию.

Но его сосед в толстых очках и с эспаньолкой, в которой серебрилась седина, сказал, одобрительно улыбнувшись:

— Отлично, девушка. Я сам заинтересовался движением планет в третьем классе гимназии, когда отец подарил мне небольшой телескоп. Вероятно, что-нибудь уже читали по астрофизике, слушали лекции?

Доброжелательность пожилого человека с эспаньолкой ободрила Женю, и она бойко перечислила прочитанные ею книги, упомянула о том, что является членом коллектива наблюдателей, что слушала лекции профессора Баева...

— Что ж, вы, я вижу, как теперь говорят, подкованы на все четыре ноги, — сказал человек с эспаньолкой.— Весьма отрадно, весьма...

— Как у вас обстоит дело с иностранными языками? — опять задал вопрос заместитель декана.

Женя смутилась, опустила глаза. В школе она изучала немецкий. Но разве это знание? А так хочется сказать: знаю немецкий. Но, пересилив себя, решительно ответила:

— Иностранных языков не знаю.

— Так, так,— заместитель декана побарабанил пальцами по столу.

Женя уже не поднимала глаз, и ее не интересовали дальнейшие вопросы. Ясно же — не примут. Надо, оказывается, знать иностранный язык...

— Не назовете ли вашего любимого русского писателя?

— Некрасов, — сердито буркнула Женя.

— Некрасов? Обычно все называют Пушкина,— удивился заместитель декана.

— Это, коллега, от бездумья,— заметил человек с эспаньолкой.

— Да, пожалуй. А кого из иностранных писателей вы предпочитаете?

— Шекспира.

— Что же вам нравится в Шекспире?

— Реализм, масштабность характеров, острота коллизий.

Заместитель декана спросил, есть ли у его коллег вопросы. Вопросов не было, и он сказал:

— Можете идти, товарищ Руднева. Вам уже известно, что списки принятых на мехмат будут, так сказать, обнародованы 19 августа?

— Да.

— Вот и прекрасно.

В коридоре Женю что-то спрашивали, она отвечала невпопад и сама не заметила, как очутилась в сквере. Села на скамейку передохнуть. Почти месяц жить в неизвестности — какое мучение!

Но уже через полчаса она бодро шагала к станции метро. А почему бы ее и не принять. На старичка с бородкой она произвела явно неплохое впечатление...

«Вечер 19 августа 1938 года. Вот уже два года и два месяца с тех пор, как я в комсомоле. Но не этим сегодняшний день отметится в истории моей жизни (пышно сказано?!). Сегодня я ездила в МГУ и своими глазами видела в списке принятых на первый курс: Руднева Е. М. Теперь все уже определенно, сомнений быть не может,— я принята в университет».

ПОСВЯЩЕНИЕ В АСТРОНОМИЮ

Наступил долгожданный день — 1 сентября. Женя, принаряженная, однако со старым школьным портфельчиком, отправилась в университет. По дороге на станцию шагали шумными группами парни и девушки с букетами цветов, учившиеся, как еще недавно и она, в московских школах. Женя ничем не отличалась от них, и ее можно было принять за школьницу. Но она с гордостью сознавала, что от этих говорливых ребят ее отделяет пропасть — ведь она студентка Московского университета. И, словно желая лишний раз убедиться, что это ее достижение — реальность, на ходу достала из портфеля студенческий билет, прочитала: «...студентка 1-го курса механико-математического ф-та». Все правильно — студентка. Но вот что странно: хотя она и старается держаться солидно, как подобает студентке, все равно в душе чувствует себя той же школьницей. Точно ей предстоит не в университет ехать, а в 311-ю школу! А ведь еще нынешней весной, когда она впервые посетила университет, студенты показались ей вполне взрослыми людьми.

С видом чрезвычайно серьезным и сосредоточенным проходили они мимо нее по коридору, и ей мнилось, что каждый из них в эту минуту совершает мировое открытие. Но вот и она стала студенткой, и совсем не такая... Значит, те притворялись? Или школьникам студенты всегда представляются взрослее, чем они есть на самом деле? Ну, ничего, теперь она все узнает сама, испытав на себе. Самое поразительное, что так быстро сбываются мечты.

В электричке напротив Жени сел старичок в тюбетейке. Некоторое время он с интересом поглядывал на нее, потом заговорил:

— С праздником вас, барышня. В институт?

— В университет,— Женя помимо воли счастливо улыбнулась.

— Ах, вот даже как,— сказал с уважением и в то же время нарочито серьезно, как говорят с маленькими, ее собеседник.— Мы коллеги, у нас общая alma mater. Постойте, постойте, не называйте ваш факультет, сам догадаюсь... Фи-ло-ло-гия. Романская или германская, сказать не могу, но филология. Правильно? Мехмат?! А ведь был неплохим физиономистом. Я по юридическому кончал, но, правда, давно уже это было, не работаю по специальности тоже давно. Интересно, как там внутри, многое ли изменилось? Впрочем, чему там меняться — я не говорю, конечно, о людях, о преподаваемых дисциплинах,— а колонны, лестницы, темные коридорчики... разве что другие столы в аудиториях. Знаете ли, у нас на первом курсе некоторые балбесы все еще по гимназической привычке резали столы, но изображали уже нечто юридическое: «dura lex, sed lex» или «quod erat demonstradum», и полагали свои действия весьма общественно полезными. Так сказать, для будущих поколений. Вам не попадались такие надписи? Ах да, вы же по астрономии... «Per aspera ad astra». Как я вам завидую... Бежать на лекцию, когда читает кто-нибудь из светил!

«Я и сама себе, кажется, завидую»,— подумала Женя.

По Моховой она шла быстро. Вот и старинная ограда и знаменитый фасад с барельефами и колоннами! «Здесь все было так же, когда сюда шли на первый курс Белинский, потом Герцен, потом Чехов, потом... а потом я, Руднева. И пять лет по тем же лестницам, по тем же ступеням. Мой МГУ!»

До начала занятий оставалось минут пятнадцать, но двор уже заполнился студентами. Загорелые молодые лица, объятия, смех, радость встречи после каникул, рассказы наперебой, одеты по-летнему легко и ярко. Жене на мгновение стало немножко грустно оттого, что она еще никого не знает; если бы в школу — ее перехватили бы прямо на улице, не дали бы в ворота войти, но их 10-й «А» больше не существует. У них у всех оказались разные интересы, и теперь поодиночке или маленькими группами они идут в различные институты. Женя встала в стороне, приглядываясь к своим будущим сокурсникам и старшим студентам,

и вдруг со стыдом подумала, что хорошо не знает, как и куда поступили многие ребята и девочки из их класса. «Надо будет завтра же все разузнать, — решила она. — Эх, сюда бы человек пять наших».

Первокурсников мехмата собрали в коммунистической аудитории. Декан факультета профессор Тумаркин, строгий и одновременно праздничный, поздравил их с началом новой университетской жизни, сообщил, что на факультет принято 218 человек и что из них 92 девушки, то есть рекордное число за все время существования мехмата. Заканчивая свое выступление, профессор пожелал удачи, и они слаженно, еще по-школьному сказали: «Спасибо!»

Первый студенческий день закончился для Жени неожиданно: ее выбрали комсоргом группы. Когда представитель факультетского комитета комсомола предложил ее кандидатуру, Женя даже опешила.

— Руднева была активной комсомолкой в школе, и мы уверены, она будет хорошим комсоргом.

Большого восторга это заявление не вызвало — еще никто никого в группе не знал и ничего определенного о Жене, кроме того, что она внешне миловидна, ее сокурсники сказать не могли. Сама Женя не понимала, зачем нужна такая спешка, почему нельзя было подождать недели две, чтобы студенты лучше узнали друг друга? «А то голосуют, как кота в мешке покупают»,— подумала Женя. Но в то же время и неплохо, что она стала комсоргом — быстрее познакомится со всеми.

Домой в тот день Женя ехала не одна: две девушки с ее курса — Маша Ремезова и Вера Заварцева — тоже жили в Лосиноостровской.

В конце сентября тревожные сообщения заполнили газеты. Самолет «Родина», совершивший беспосадочный перелет Москва — Комсомольск-на-Амуре и ведомый тремя отважными летчицами В. С. Гризодубовой, П. Д. Осипенко и М. М. Расковой, пропал без вести где-то на восточных окраинах страны. Более пятидесяти самолетов было брошено на поиски пропавших. Их искали рабочие рыбозаводов и охотники-промысловики...

Каждое утро Женя покупала в станционном киоске «Правду» и в электричке нетерпеливо читала и перечитывала отчеты о поисках. И наконец,— радость! Самолет найден. Но около него оказались только двое членов экипажа — Гризодубова и Осипенко. Штурману Марине Расковой перед вынужденной посадкой пришлось выброситься с парашютом, потому что в том случае, если бы самолет скапотировал, ей в первую очередь грозила опасность разбиться.

Теперь все усилия были направлены на поиски Расковой. Как-то дома, перечитав в «Вечерке» сообщение о том, что летчица пока не найдена и найти ее будет нелегко, Женя расплакалась. Неужели Раскова погибла? А через день — дух захватило сообщение: Раскова найдена, она идет через тайгу к месту посадки самолета и сейчас находится от него в десяти километрах. Женю охватил такой восторг, что она готова была прыгать, как девчонка. Эти три женщины представлялись ей легендарными героинями, людьми необычайной воли и недосягаемой храбрости. Они стали первыми женщинами — Героями Советского Союза!

Читая о них, Женя ревниво спрашивала себя: «А я могла бы выдержать такое? Могла бы, как Марина Раскова, не впасть в отчаяние, очутившись одна в дикой тайге, потеряв надежду выбраться к людям. И с горечью признавалась: нет, пожалуй, не могла бы».

И не знала, не ведала она, что три года спустя плечом к плечу с прославленной летчицей вступит в борьбу против жестокого врага, что Марина Михайловна Раскова станет ее боевым командиром.

Но это будет три года спустя, а сейчас в смысле физической выносливости она не могла тягаться даже с однокурсницами. В сентябре сдавали зачеты по плаванию на стометровке. Женя осилила только семьдесят пять метров, на большее духу не хватило — сошла с дистанции. Неудача постигла ее и в бросании гранаты. Сколько попыток ни делала, хоть плечо выверни — до отметки 24 метра граната не долетала. «Что же это такое,— сокрушалась Женя, возвращаясь со стадиона.— Проучилась десять лет в школе, сколько получила всяких знаний, а волю в себе не воспитала. Но как ее надо воспитывать?»

Администрация университета словно услышала вопрос студентки Рудневой. Дня через два после неудачного гранатометания, войдя в вестибюль, Женя увидела объявление о том, что в Ленинской аудитории сегодня состоится лекция о воспитании воли. Она прослушала лекцию и вечером дома на листе бумаги составила режим дня. Подъем — в 6 утра, до 6 ч. 15 м. зарядка и обливание холодной водой, в 6 ч. 15 м. — завтрак, в 6 ч. 30 м. — на станцию. В 11 вечера — быть в постели, совершив перед тем холодное обтирание.

И вот теперь каждое утро родители слышат доносящийся из кухни плеск и грохот. Там, за занавеской, топчась в корыте, Женя обливает себя водой из кастрюли. Вода ледяная — на дворе октябрь. Можно бы, конечно, ее предварительно подогреть, но идти на такую уступку — значит проявить безволие. А родителям эта закалка воли представляется обыкновенной блажью, они не в силах проникнуться важностью Жениного замысла и каждое утро переживают за дочь.

— Женечка, ведь ты до воспаления легких так дозакаляешься! — кричит Анна Михайловна и, чувствуя «неавторитетность» своих слов, обращается к мужу:— Отец, хоть бы ты ей сказал!

— Женя, прекрати делать глупости! — солидно басит из-за стола Максим Евдокимович, откладывая в сторону вчерашнюю «Вечерку», которую прочитывает по утрам.— Начинать закаляться нужно летом! Слышишь? Прекрати!

Женя слышит, но не может ответить — ледяной водопад перехватывает дыхание, раскрытым ртом она хватает воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Отец начинет сердиться:

— Кому говорю: прекрати сейчас же! Заболеешь!

Женя уже растирается мохнатым полотенцем, и теперь ей под силу вести переговоры.

— Ничего, папист! (это словечко с оттенком покровительственности появилось в ее лексиконе недавно). А ты газету за столом не читай!

Максим Евдокимович разводит руками — вот и поговори с ней! Хоть и сердится, но понимает: дочь не отступится от своего. Такой уж характер. И винить некого — сам воспитывал в ней настойчивость.

Женя, одетая, выходит из-за занавески.

— Все, папист, не беспокойся — мне жарко.

— Да зачем тебе это, Женя? — с жалобной интонацией произносит мать.— Ну, я понимаю, физкультурницы, парашютистки там, летчицы...

— А чем я хуже их? — задорно отзывается Женя.

— Не собираешься же ты стать летчицей?

— А вот захочу и стану...

Анна Михайловна устало отмахивается.

— Ладно, шутки шутками, а тебе скоро ехать пора. Садись завтракать.

В университет Женя пришла очень хорошо подготовленной. Но на первых порах ей приходилось нелегко — не все и не сразу понимала на лекциях. В этом отношении Женя была не одинока. Но от других она отличалась тем, что не боялась признаться в своем неведении. Пусть ее сочтут тупицей, но она не может покинуть аудиторию, не уяснив все «темные места».

Сначала, когда почти на каждой лекции поднималась с первого ряда светловолосая девушка и серьезным голосом что-либо спрашивала, сзади нее раздавались смешки. Какой-то остряк дал Жене прозвище — «Вопросник». Но ни насмешки, ни прозвище не обескуражили ее. Когда же на первом семинаре выяснилось, что у Рудневой знания глубже, чем у кого-либо другого в группе, насмешки прекратились и прозвище было предано забвению. Оказалось, что она спрашивала о самом неясном, но и самом важном, и это было полезно всем. Менее решительные стали надеяться на нее — Руднева не пропустит неясностей в объяснениях лектора. К концу первого семестра Женя стала одной из лучших студенток курса, а перед зимней сессией студенты начали обращаться к ней за помощью, зная, что не встретят отказа.

Лекции, семинары, снова лекции... Поток научных сведений нарастает изо дня в день. Их надо не просто запоминать, но понимать. Понимать явления и философски, и математически, понимать их физическую сущность... Для этого мало было лекций, требовалось читать много дополнительной литературы. Теперь, заходя в книжный магазин, Женя в первую очередь направлялась в отдел физики и астрономии. И стоило

ей где-нибудь присесть — в университетском сквере, в метро, в электричке,— тотчас раскрывала вновь купленную книгу и начинала читать. Времени было в обрез. С первых чисел октября Женя начала работать во Всесоюзном астрономо-геодезическом обществе, одновременно в двух отделах — Солнца и переменных звезд. После лекций — обед в столовой, затем — поговорила с ребятами и девчатами, зашла в комитет по комсомольским делам, затем — в царство астрономии, в отдел переменных звезд.

Переменными их называют по той причине, что блеск их непостоянен: они тускнеют, а потом снова сверкают с прежней интенсивностью. Первая регулярно изменяющая свой блеск звезда была открыта в 1596 году сотрудником Тихо Браге, великого датского астронома, Давидом Фабрициусом, который случайно заметил неизвестную ему звезду второй величины в созвездии Кита. Он назвал ее Мирой, то есть «чудесной». Впоследствии было установлено, что блеск Миры изменяется периодически, максимумы блеска повторяются в среднем через 331,6 суток. С тех пор науке стало известно более 20 тысяч переменных. Наблюдать их одним профессиональным астрономам стало не под силу. И тут огромную помощь им оказали любители, энтузиасты астрономии, тем более что в этом разделе науки ценные результаты могут быть получены с помощью самых простых средств: зрительная труба без всяких измерительных приспособлений, бинокль или даже невооруженный глаз.

Наблюдатели отдела живут в самых разных, порою очень далеких от Москвы, городах и селах страны, они регулярно шлют результаты своих наблюдений. Жене надо обрабатывать эти результаты, систематизировать, ответить на сотни писем. Кроме того, исполнилось ее давнее желание: с 14 октября она в любой вечер может сама вести наблюдение за полюбившимися переменными, но как назло до сих пор не было ни одного ясного вечера. Каждый день она гадает, подобно всем астрономам: будет ли «небо»? Но «неба» нет как нет, либо дождь, либо снег. И вот сегодня удача — небо абсолютно чистое.

Женя более двух часов не отрывалась от телескопа, правда, немного устали руки, но это пустяк. Терпенье и ожиданье вознаграждены! Сегодня она все

делала сама. В глазах до сих пор стоят сверкающие звезды, великолепное ночное небо. Подумать только: она становится астрономом! А вдруг из нее получится большой ученый? Откроет новую планету или галактику. Есть эффект Блажко, а будет еще эффект Рудневой! Даже дух захватывает. Хотя бы новую переменную открыть! Впрочем, это все пустые мечты, но вот хорошим, добросовестным астрономом она вполне может стать.

Электричка была пустая: время — близко к полуночи. Сегодня в университете и в обсерватории Женя в общей сложности провела около пятнадцати часов. На станции тускло горят несколько фонарей. Чуть отошла, и окутала первозданная темень. Только небо белесо от россыпи миллиардов звезд. Час назад в окуляре телескопа они гипнотизировали ее своею яркостью...

Окна дома темны — родители спят. Своим ключом Женя тихонько открыла дверь, включила в коридоре свет, пошла на цыпочках, чтобы не слышно проскользнуть мимо двери родительской комнаты. Но навстречу откуда ни возьмись — кошка Яринка. Столбом подняла пушистый, будто султан на гусарском кивере, хвост и приветственно замяукала.

— Это ты, Женя? — послышался из-за двери голос матери.

— Я, мама, я,— отозвалась Женя и выразительно показала кошке кулак.— Ты, мама, не вставай, я все сделаю сама.

Яринка начала тереться о ноги, замурлыкала, будто внутри у нее заработал моторчик.

— Ах ты, котишка моя, соскучилась, глупая, сейчас молочка получишь,— шепотом сказала Женя, гладя Яринку.

— Я ее кормила недавно, пускай спит, неугомонная.

«Все слышит мама, даже забавно,— улыбнулась Женя.— А папа спит, как Илья Муромец».

На кухонном столе нашла молоко, хлеб — поужинала. Яринка тоже получила свое и, аккуратно лакая из блюдца, умиротворенно щурится...

«Хороший сегодня был день, счастливый»,— подумала Женя, перед тем как уснуть.

Вечные звезды, как они отличались от бурного, переменчивого мира земли! На этой мысли Женя ловила себя каждый раз, когда заглядывала в международный раздел газеты. Тревожные вести приходили с Запада. В Германии — погромы евреев, в Чехословакии — разгул фашистов, немецкая и итальянская авиация бомбят Мадрид... Мир неуклонно скатывался к большой войне.

На занятиях по военному делу изучали станковый пулемет «максим». К этим занятиям Женя относилась добросовестно. Очень хотелось быть похожей на Анку-пулеметчицу из кинофильма «Чапаев». Уж она сумеет встретить фашистов ливнем свинца, если те посягнут на Советскую землю!

Практические занятия по прицельной стрельбе проводились на полигоне.

Молодой инструктор, смуглый, черноглазый, встретил их сурово, не надеясь, видимо, на хорошие результаты стрельбы. Показал мишени, объяснил, как обращаться с оружием, и саркастически заметил:

— Стрелять только в сторону мишеней!

Почему-то инструктор остановился около Жени, особенно старательно объяснял ей, как держать ручной пулемет, как целиться. Наконец, Женя легла за пулемет и выпустила первую очередь. Затем вместе с инструктором направилась к фанерной мишени проверить результат стрельбы. Результат оказался ошеломляющим — из двадцати пяти пуль ни одна не попала в цель. Женя молча отошла от щита. Инструктор поплелся за нею.

— Погода сегодня плохая, темно, как вечером,— говорил он тоном оправдывающегося человека, будто это он стрелял и промазал.

— Из двадцати пяти уж один-то мог бы попасть,— сердито возразила Женя, и опять получилось так, будто в плохой стрельбе виноват инструктор.

— Вы не огорчайтесь,— попросил тот.— Хотите, я вас буду тренировать, приезжайте в пятницу, ладно?

В электричке снова переживали стрельбу.

— Если бы Руднева не промазала, инструктор наверняка бы предложил ей руку и сердце,— сказал кто-то довольно ехидно.

Женя покраснела и виновато улыбнулась. Да, пожалуй, не получится из нее Анки-пулеметчицы... Нет,

дело не в том — получится, не получится. Все получится, если как следует взяться за дело. Очевидно, практическое овладение пулеметом требует от человека долгой тренировки, определенных навыков. С кондачка ничего не дается — пора бы уж понять...

Только в феврале Женя сдала нормы по стрельбе из «максима».

Наступило воскресенье 24 декабря — день рождения. На этот раз он особенный, Жене исполняется 18 — совершеннолетие.

Проснувшись по обыкновению в 6 часов, она лежала и думала над очень важным для нее вопросом: большая она теперь или же все-таки еще не очень? Физически она уже окончательно сформировалась и, кажется, выше ста шестидесяти сантиметров не вырастет, не предвидится! А духовно? Тут подумаешь! Учится она как будто неплохо, впрочем, экзаменов еще не было, до конца неясно. Но учеба — не все. Появились в ее жизни обстоятельства, о которых она не станет теперь рассказывать маме. А раньше рассказала бы? Но раньше их не было. Раньше ей никто из мальчиков особенно не нравился, а теперь... Ей хочется видеть его чаще; если бы он ходил в обсерваторию так же часто, как и она! Но не может же она забросить из-за него наблюдения, да и он не просит об этом — сразу же после занятий убегает из университета, он футболист. Хоть бы раз сел с нею на лекции. Что же делать? Дать ему намек? Но девушки так не поступают. Если бы у него в душе раздался чей-то голос, который сказал бы: «Сядь рядом с Рудневой, пригласи ее в кино или на каток». Вот было бы чудесно. Но это мистицизм какой-то! Некрасивая она, вот в чем несчастье, и никому не сможет понравиться. Какие же девушки больше нравятся ребятам? Надо понаблюдать, не только ведь на звезды смотреть. Как хочется, чтобы он сегодня пришел на день рождения! Можно загадать, ну, например, если первым проснется папа, он придет, а если мама, то не придет. Нет, это не получится: мама всегда встает раньше отца. Лучше так: если мама с первых слов поздравит ее с днем рождения, он придет...

Женя встала и пошла на кухню умываться. Через

несколько минут из комнаты, поправляя волосы, вышла Анна Михайловна. Первыми ее словами было поздравление — Женя восторженно расцеловала мать. По принятому распорядку полагалось обливаться холодной водой, но уж очень не хотелось. Женя решила ради праздника дать себе поблажку, но тут же, увидев в этом проявление безволия, поблажку отменила. После обливания села за дневник.

«24 декабря 1938 года. ...Я большая?! Когда я была председателем учкома в 7-м классе, я считала себя совсем взрослой. Попав в 8-й класс, я почувствовала себя такой малышкой... Но вот я в 10-м классе, а особенно, когда у нас не было комсорга и комитет представлялся в лице Фрумкина и меня, я была взрослой. Выбор вуза, поступление в университет — это такие «взрослые» мероприятия. В университете же я опять почувствовала себя ребенком. Ко мне взрослые относятся, как к маленькой, я невольно чувствую себя такой. Иногда мне это даже нравится. Вот, например, в отделе Солнца мне поручили работу вдвоем с одной аспиранткой. Основываясь на том, что маленькая и неопытная, я взяла себе мизерную часть обработки».

День проскочил в праздничной суете, к тому же и был он короткий — декабрьский. К шести начали собираться гости; приехали все вместе школьные друзья, пересмеиваясь, усердно вытирали ноги, вошли, и в комнате сразу стало шумно, весело. Женя сама бегала открывать дверь, каждый раз с надеждой, каждый раз слабея в ногах... Входили очень милые, хорошие люди, и она была им рада, но ему она была бы рада по-другому. Если верить загаданному утром, он обязательно должен прийти. Один за другим появились ребята из группы, часы показывали восемь, и решили больше никого не ждать — садиться за стол. Громко прокричали Жене «Ура!». Совсем уже поздно у дверей раздался еще один звонок.

— Кто же это, господи? — встала из-за стола Анна Михайловна.

Женя обернулась к двери и заметно порозовела, гости на секунду притихли.

— Вот и Виктор, не мог не опоздать,— сказала университетская подруга Вера Заварцева, назвав по имени того, кого ждала Женя.

В комнату, заранее улыбаясь, с цветами... вошла арбатская тетя.

— Ну, давайте еще раз за нашего звездочета,— предложил Люсик, старый школьный приятель.

Женя нерадостно улыбнулась, улыбаться ей совсем не хотелось.

Учителями Жени были знаменитые астрономы — член-корреспондент Академии наук СССР Сергей Николаевич Блажко, молодой профессор Павел Петрович Паренаго, прекрасный преподаватель Наталья Яковлевна Богуславская. Женю они заражали своим энтузиазмом, своей беззаветной преданностью науке. Работы в отделе переменных звезд было очень много, но она чувствовала, что может взять на себя еще больше, и потому занималась в отделе Солнца. Она еще не знала, чему отдать предпочтение — Солнцу или загадочным переменным. Одно ей было понятно: окончательный выбор можно будет сделать тогда, когда достаточно хорошо узнаешь и то, и другое. В результате и в отделе переменных звезд и в отделе Солнца Рудневу считали своей главной активисткой. Ее хвалили за то, что у нее не накапливались необработанные сообщения наблюдателей, за то, что она не пропускала общих собраний в отделах, а она не могла понять, что же тут особенного: если уж решила заниматься в Обществе, то надо делать свое дело добросовестно или же вовсе отказаться от работы — ведь это добровольно.

В феврале, после успешной сдачи зимней сессии и после каникул, Женю по предложению Натальи Яковлевны Богуславской избрали заведующей отделом Солнца ВАГО. Для нее это было полной неожиданностью, оказанное ей доверие на первых порах обескуражило. Но постепенно освоилась с «руководящей» ролью. Только теперь ей до конца стало ясно, что она давно рассталась с детством, что и преподаватели и товарищи по Обществу считают ее вполне взрослым, сложившимся человеком. Осознание этого факта, в свою очередь, помогло ей стать серьезнее, избавиться от остатков школярства, увидеть в своих преподавателях не только учителей, но и старших товарищей. И если раньше она снисходительно относилась к одно-

курсникам, в которых еще не перекипели школьные привычки, то однажды в конце марта их поведение возмутило ее до глубины души.

Началась последняя в этот день лекция. Читал ее Сергей Николаевич Блажко. Но лектора никто не слушал, в аудитории стоял шум, с задних рядов доносились даже смешки.

— Ну, вот что, товарищи: коли не желаете слушать, я не буду читать,— сказал Блажко и, в сердцах бросив в портфель свои записи, добавил:— Я, видите ли, не граммофон!

С этими словами направился к двери. Шел он сильно сутулясь. Женя вдруг поняла, что он очень старый человек, и ей стало до слез жалко его и стыдно за однокурсников. Блажко покинул аудиторию. Студенты на секунду замолкли. Женя привстала, хотела было побежать за ним, но представила, как глупо она будет выглядеть, да и что она скажет ему? Ничего, кроме «они больше не будут», не приходило в голову. Но ведь это несерьезно — они не малыши. Женя закрыла руками лицо и почувствовала, что ладони намокли. В этот момент она не могла смотреть на товарищей — она сидела среди тех, кто громко болтал, не обращал внимания на старого ученого, и поэтому чувствовала себя тоже виноватой.

— Старческие капризы,— презрительно сказала девушка за Жениной спиной.

Женя быстро обернулась и посмотрела на соседку с отчаяньем. Студентка не поняла ее состояния и, думая, что Женя разделяет ее мнение, добавила:

— На пенсию пора, вот и чудит. В его же учебнике все это есть, прочитаем, все равно ничего нового не сообщит.

— Выжили старика,— ну, теперь жди декана,— сказал кто-то из ребят, в голосе было веселое ожидание неприятностей.

— Все, кина не будет! — громко и дурашливо прозвучало с галерки. — Можно по домам али в столовую.

Женя вскочила с места, сбежала по ступенькам вниз, досадливо отбросила косу на спину и скрылась за дверью. В тот момент она сама чувствовала себя униженной, будто ей в лицо наговорили грубостей. Она оделась и вышла на улицу. «Это ужасно,— дума-

ла Женя,— с холодным сердцем издеваться над человеком, который желает нам только добра, который хочет сделать из нас образованных людей. И ни капли раскаянья, он же и виноват: «старческие капризы»! Как отвратительно это было сказано. Что же это такое? Намеренное хамство или же непонимание смысла своих поступков? Но ведь не дети, должны сознавать: у преподавателей и у студентов — одна цель...»

В расстройстве где-то забыла или потеряла шарфик, спохватилась только в электричке, потом, уже совсем около дома, попала ногой в лужу, промокла... И ко всему за целый день Виктор ни разу не заговорил с ней.

Лежа в постели, перед сном, подумала: «Какой сегодня скверный, несчастный день. Пусть больше такие дни не повторяются...»

Выхода в свет третьего номера Бюллетеня ВАГО Женя ждала со страхом и надеждой — в нем должна была появиться ее статья «Биологические наблюдения во время солнечного затмения 19 июня 1939 года». Когда Женя пыталась представить себе, как она придет однажды в университет и увидит в руках преподавателей и студентов бюллетень со своей статьей, у нее холодели пальцы. Иной раз ей хотелось, чтобы статью вовсе не напечатали, — знала, как страшно было бы услышать отрицательную оценку товарищей-студентов, что-нибудь вроде:

— Детский лепет, а не статья.

«Хвалу и клевету приемли равнодушно...» — сказал поэт.

Умом это можно понять, но остаться равнодушной она не сможет. Если похвалят,— это будет счастье! Обругают — хоть из университета беги! Может, все-таки не будут ругать? Ведь это первая научная публикация...

Такие мысли занимали Женю на переменах. Иногда, впрочем, на лекциях она ловила себя на том, что не слышит слов лектора, думает о своем. И она с неприятным чувством признавалась себе, что ей очень хочется, чтобы был успех. Корила себя: «Кажется, я тщеславна...»

И вот третий номер Бюллетеня ВАГО появился в университетском киоске. Утро яркое и уже по-летнему жаркое. После просторной и очень светлой Манежной площади в вестибюле университета показалось темно. Было, пожалуй, и холодновато в этих вековых непробиваемых стенах Казакова и Жилярди. Глаза быстро привыкли к полумраку, и на прилавке киоска Женя увидела серые, ровно обрезанные тетрадки бюллетеня № 3. Она подошла к киоску и раскрыла верхнюю в стопке тетрадку. Вот ее статья: «Е. Руднева. Биологические наблюдения...» Все так, как она писала... Киоскер равнодушно считает мелочь в красной мыльнице, на Женю не смотрит, и слава богу!

— Я возьму три бюллетеня, нет, пожалуй, пять.

— Берите, девушка, берите.

Спрятав бюллетени в портфель, Женя побежала на лекцию в Коммунистическую аудиторию. Перед дверьми аудитории стояли ее сокурсники, дожидались звонка. «Сейчас это произойдет»,—мелькнуло в мыслях. Она даже приостановилась, собираясь с духом, но никто ей ничего не сказал, наверное, еще не прочитали. Разговор шел о зачетах, о предстоящих экзаменах, и, заговорившись, Женя забыла о своей статье. Среди громкого разговора с нервными предэкзаменационными смешками кто-то взял Женю сзади за локоть.

— Поздравляю с дебютом,— негромко сказала Наталья Яковлевна Богуславская.

Женя разом покраснела и смешалась: «Случилось!»

— Очень дельно и выводы интересные,— сдержанно, «по-педагогически» продолжала Богуславская.

— Наталья Яковлевна, вы серьезно?

— Вполне. Молодец, и русским языком хорошо владеете.

Лекцию по физике Женя слушала невнимательно, записывала мало.

— Ты чего улыбаешься? — шепотом спросила соседка.

«Фу, как глупо,— спохватилась Женя,—нашла время мечтать».

Склонилась над тетрадкой, шепотом ответила:

— Ничего, пишу вот.

После занятий ее поздравили коллеги из отдела переменных звезд, и теперь она успокоилась: чепухой ее статью не назовут. Волю своей радости Женя дала дома. Она выложила перед Анной Михайловной все пять экземпляров бюллетеня, открыла один на странице, где начиналась ее статья, и сказала торжествующе:

— Вот, мама, читай произведение своей дочери. Видишь: «Е. Руднева».

— Да что же я тут пойму, Женечка?

— Что будет неясно — объясню.

Вот и второй курс. Уже сданы две экзаменационные сессии, теперь она не новичок в университете, и на старшекурсников она уже смотрит без прежнего восхищения. Школьное детство окончательно стало прошлым, но оно не забыто, особенно щемит сердце, когда вспоминается Салтыковская школа, где было столько счастливых дней. Подумать только — прошло 5 лет!

Женя давно собиралась съездить в Салтыковку, но все как-то не получалось. Но вот 15 октября 1939 года неожиданно представился случай — отменили лекцию. Женя поехала на вокзал и около двенадцати сошла с электропоезда в Салтыковке. Лестно было появиться студенткой в школе, где ее знали маленькой девочкой. Она приоткрыла дверь директорского кабинета и увидела за столом Николая Степановича Кудасова, который в ее бытность семиклассницей занимал должность завуча.

— Здравствуйте,— сказала Женя и вспомнила: точно так же она заглянула к директору в первый раз в 1929 году.

Директор поздоровался, но головы не поднял.

— Я здесь училась, Николай Степанович!

— Руднева... Женя! Заходи, что ж ты встала. Извини меня, пожалуйста, думал, какая-нибудь мамаша привела своего отпрыска в первый класс записывать. Думаю: «Встречу строго».

— Так ведь уже октябрь.

— А все равно ведут, раскачиваются долго... Вот какая ты стала, за мамашу принял. Сколько же мы не виделись?..

А в перемену в учительской Женю обступили учителя, ей радостно улыбались, кто-то из старушек даже поцеловал ее. Она смотрела в знакомые лица, которые за пять лет стали немножко другими — у одних более резкими сделались складки у носа, больше появилось морщин, у других поседели головы.

— Кто эта красивая барышня? — весело спросила Мария Ивановна, учительница литературы, подходя к Жене. Они расцеловались.

— Мария Ивановна, вы меня помните?

— Не только помню, но и часто рассказываю о тебе моим архаровцам. Вот и звонок, не успеешь поговорить. Хочешь посидеть у меня на уроке? Поглядишь на «нынешних». Помнишь, как у Грибоедова: «Вы, нынешние, нут-ка!» Сравнишь.

— С удовольствием.

Когда они вошли, класс встал, знакомо гремя откидными досками парт, и было заметно душно — плохо проветрили; когда сама была школьница — этого не замечала. Мария Ивановна сразу из доброй Жениной знакомой превратилась в строгого педагога.

— Садитесь. У нас на уроке сегодня присутствует наша бывшая ученица, круглая отличница, а теперь студентка механико-математического факультета МГУ, будущий астроном Женя Руднева; я вам о ней рассказывала.

Ребята смотрели на Женю во все глаза, ждали, что она скажет. Какой-то нетерпеливый и хитрый мальчишка, по извечной ученической манере стремясь использовать любую возможность, чтобы оттянуть неприятный момент, когда тебя вызовут к доске, тотчас спросил:

— А в телескоп вы смотрите? На Марсе может быть жизнь?

— Э — нет! Все вопросы после урока,— пресекла диверсию Мария Ивановна.— Садись, Женя, где тебе удобно.

Женя улыбнулась — уж очень все это было знакомо, совсем ведь недавнее прошлое. Она села на самую заднюю парту и приготовилась слушать. Оказывается, очень солидно звучит: «студентка МГУ, будущий астроном Руднева». Сначала ребята на нее оглядывались, а потом забыли.

После урока на Женю обрушились десятки вопросов.

— Подождите, ребята,— сказала Мария Ивановна.— Вы лучше послушайте, какое впечатление вы производите на постороннего человека.

— Ну, что ж, класс, по-моему, неплохой, но отвечаете вы как-то скучно, видимо, все-таки недостаточно читаете. Человеку, который мало читал, будет трудно поступить в любой вуз. Это сразу станет заметно на экзаменах. Если плохо знаешь русский язык и литературу, очень трудно отвечать и по другим предметам, не сумеете двух слов связать. И все же шумно.

Когда они с Марией Ивановной вышли в коридор, учительница одобрительно заметила:

— А ведь у тебя педагогическое чутье — из тебя бы хороший преподаватель вышел. Знаешь, как они свои «неуды» оправдывают? «Мне литература не нужна, русский не нужен — я в технический пойду, буду инженером». Я их, что называется, разоблачаю, но чувствую, мне не верят, «она, мол, пристрастна, свой предмет защищает». А вот когда кто-нибудь другой скажет, да еще студентка,— это для них авторитет. Может, еще передумаешь, после университета в школу пойдешь? А?

— Нет, Мария Ивановна, буду астрономом, теперь решено. Звезды — это так здорово, вы не представляете!

— Ну что ж, станешь хорошим ученым, будем тобою гордиться, портрет, может быть, в коридоре повесим. Ой, Женюра, ты уже студентка второго курса, только подумать!

— А мне иной раз кажется, что я еще маленькая. Люди совершают такие дела, а я и сотой доли того не смогла бы совершить...

— Ну полно, ты сможешь, ты обязательно сможешь и не только сотую долю, а все сто тысяч. Ну, а потом, если уж так говорить, твое детство только-только кончилось, ты в самом деле еще не очень большая. Тебе рано сетовать, но начинать делать серьезные дела надо стараться как можно раньше, в этом ты права. Если же откладывать, успокаивать себя: я еще молода, еще успею, лучше схожу в кино, то потом оглянешься и ужаснешься — годы проскочи-

ли без следа, у глаз морщинки, седые волоски, и уже никто не говорит о тебе как о перспективном специалисте. Это трагедия, и автор ее ты сама. Вот так, Женечка.

Новый, 1940 год Женя осталась встречать дома. Поджарила утку, сделала салат и, усевшись с книгой в угол дивана, стала поджидать родителей.

Накануне ее пригласили отпраздновать Новый год в студенческой компании, она отказалась. Очень хотелось побыть среди своих, но Женя знала, что никакой радости не получится. Потому что в той же самой компании будет присутствовать Витя. Однокурсник Витя, на которого она тайком поглядывала на лекциях, кому мысленно всегда желала победы в футбольных баталиях, при встрече с которым у нее тревожно-счастливо становилось на душе. Дело в том, что этот Витя стал ухаживать за высокой надменной девушкой с их курса, сидел теперь только с нею рядом, и это всеми было замечено. Конечно, и на новогодний вечер они придут вместе. Так что уж лучше сидеть дома, чем с неприятным чувством наблюдать за Витей и его новой приятельницей, видеть, как он заинтересованно наклоняется к ней, с какой готовностью идет с нею танцевать снова и снова, как мало замечает других, как равнодушно будет смотреть на нее, на Женю, как рассеянно и односложно будет ей отвечать.

Нет уж, лучше пусть уютно тикают старые ходики, за окном в слабых лучах уличного фонаря косо летит снег, под ладонью ощущается теплая пушистая шерсть лежащей рядом Яринки.

И все же очень тоскливо на сердце. Там девочки хлопочут сейчас на кухне, им весело, не смолкает смех... А она здесь одна горюет. А что, собственно, горевать? Одеться, пока не поздно, оставить маме и отцу записку, побежать на станцию и уехать в Москву!..

Женя спустила ноги на пол и уже собралась было подняться с дивана, но одернула себя. «Решила,— так зачем менять... А туда же — занималась укреплением воли... Уж признайся, что себя потерзать хочется, да пококетничать с ним... Но это же противно, унизи-

тельно, недостойно настоящего человека... Нет, нет и нет, никуда я не поеду».

Она решительно подобрала под себя ноги и взяла книгу. Прочитала абзац, но ничего не поняла — все-таки было жалко себя. Иронически хмыкнула: «Несчастная, покинутая... И это — будущий астроном...»

Встала, пошла на кухню, взяла тряпку и стала протирать пол. К тому времени, когда пришли отец с матерью, совсем успокоилась и встретила их веселым приветствием:

— Уважаемые родители, желаю вам счастливого Нового года, к встрече которого квартира Рудневых готова полностью!

ЖЕНЯ ЕДЕТ НА ФРОНТ

К 21 июня 1941 года у третьекурсников мехмата были сданы почти все экзамены, оставался только один зачет — по немецкому языку. Воскресное утро 22-го выдалось тихим, безветренным и не очень жарким. Облака порой закрывали солнце, но на небе оставались обширные голубые поля и дождя ждать не приходилось. Женя проснулась как обычно в шесть, но не встала — захотелось понежиться в постели. Занавески на окне ярко светились, пронизанные утренними лучами. Мысли были легкие, спокойные: сессия фактически сдана, и притом на «отлично». Остается сегодня посидеть над немецким и завтра сдать его. И все, и каникулы... С папой и с мамой уже договорилась: все вместе, как и в прошлом году — в Бердянск, на родину, на море. Будет сверкающая, теплая вода, горячий песок, черные ночи, полные звезд, которые можно разглядывать часами, не отрывая глаз. Теперь она поедет из Москвы с легким сердцем: ей не о ком больше думать и мечтать, она вольный человек. Никакого Вити больше не существует. Это стало для нее ясно еще в феврале, после зимних каникул. Она пришла на лекцию, на улице еще было темно и сонно, в аудитории горели лампы на длинных шнурах. Заняла свое обычное место в третьем ряду и стала ждать звонка. Студенты входили, рассаживались. И вдруг поймала себя на мысли, что ей не хочется посмотреть, где и с кем рядом сел Витя, что ей это безразлично. Она даже удивилась сначала, но потом как будто обрадовалась. Впрочем, было ли это чувство в самом деле радостью? Было или не было, но все в прошлом, легко и чуточку грустно — «любовь прошла»! Впрочем, это лишь тень любви! Очень, очень хочется взаимной, чудесной любви, именно такой, когда не унять ликующего чувства при мысли, что тебя любят. Как замечательно, навер-

ное, быть любимой! «Женечка, милая, любимая!» Пусть же, наконец, кто-нибудь скажет эти слова!

— Женя, царство божие проспишь.

Анна Михайловна на всякий случай говорит тихо — не хочет будить дочь.

— А я уже не сплю. Я мечтаю. Мечтаю о воле, о море, о Бердянске. Ведь я известная мечтательница.

— Вставай, вставай, мечтательница.

Мечтательница умывается, причесывается. В комнату проникает кофейный дух, вслед за тем из кухни слышится легкое шипенье, пахнет оладьями, и становится совсем уютно. Кофе пьют без папы — он на работе. Женя ест оладьи и восторженно качает головой. Анна Михайловна счастлива.

А потом мечтательница сидит в саду с грамматикой на коленях и повторяет спряжения, беззвучно шевеля губами и время от времени произнося вслух те самые немыслимые немецкие фразы, из которых, по словам Твена, выныриваешь с глаголом в зубах. Над головою долбит дерево неутомимый дятел, и Женя с улыбкой отмечает про себя: «Вот с кого надо брать пример — сама целеустремленность. И головной боли не знает,— диво!»

К полудню небо затянуло, чуть похолодало, зашатались под ветром кусты, запахло жасмином...

Вдруг донесся всполошный вскрик матери: «Женя!» Так кричат, когда зовут на помощь. Если бы не эта интонация в ее голосе, Женя, наверное, только бы отозвалась: «Что, мама?» — но тут она вскочила и бросилась в дом. Анна Михайловна стояла под репродуктором, с тоской приложив руку к губам, вслушиваясь в грозные слова: «...напали на нашу страну... подвергли бомбардировке со своих самолетов наши города... убито и ранено более двухсот человек...»

— Война, Женя! Война с Германией!

— Как война, ведь договор...

— Вероломно, без объявления, слушай, погоди...

— Все-таки это случилось!

Случилось то, к чему их готовили на стрельбищах, на занятиях по противохимической и противовоздушной обороне, в военизированных походах... «Если завтра война, если завтра в поход...», и теперь это произошло, это явь.

На следующий день, в последний день зачетов и экзаменов, студенты впервые за долгие годы не говорили о сессии, отметках, профессорах и доцентах, о своих «хвостах», о предстоящих каникулах. Вид у девушек был встревоженный, а у ребят в походке, в лице, движениях появилась новая для них сдержанность, ожидание чего-то исключительно важного. Будто предстояло им сдать такой трудный экзамен, с которым нельзя сравнивать ни один из бывших ранее. Но и они пока не представляли себе, сколь тяжким и жестоким этот экзамен будет.

Один за другим следовали первые обескураживающие военные дни. Каждый день сводки Совинформбюро приносили новые неутешительные, горькие, ничем не объяснимые известия. Студенты приходили в университетский комитет комсомола и с надеждой рассматривали карту, на которой флажками была отмечена линия фронта.

Ежедневно гитлеровцы продвигались на 30—50 километров, рвались к Москве. Понять причины неудач нашей армии тогда было невозможно. Да и думать о причинах, когда следовало защищать страну,— занятие бесполезное. 29 июня было принято постановление о мобилизации коммунистов и комсомольцев для отправки на фронт в качестве политработников. Только в первые три месяца войны военную форму надели 95 тысяч коммунистов и комсомольцев. Большинство из них сразу же отправилось в действующую армию. В начале июля в Москве приступили к формированию ополчения. 2 июля Совет Народных Комиссаров СССР принял решение «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Уже на следующий день по улицам города прошли первые дружины гражданской обороны: мужчины и женщины в штатском, с противогазами через плечо; от дома к дому ехали грузовики, с которых раздавали мешки с песком; жильцов учили заклеивать окна полосками бумаги и устраивать светомаскировку или, как тогда говорили, «затемнение».

Ни о каких каникулах, ни о каком отдыхе теперь не приходилось думать. Студенты целыми днями резали газеты на полоски и заклеивали ими крест-накрест огромные университетские окна, в подвале оборудовали бомбоубежище. Утром, как обычно, Же-

ня ехала в университет, резала газеты, склеивала черные шторы затемнения, а потом, вернувшись домой, помогала отцу и соседям устраивать в саду убежище. Всем домом они не только вырыли глубокую щель, но и построили просторную землянку с нарами, столом, полками и печкой. Жене землянка показалась очень уютной, и однажды она там даже переночевала для пробы.

Сводки Совинформбюро каждое утро ждали с одной и той же мыслью: ну сегодня, наконец, должны сказать, что немцы остановлены, что самое страшное миновало; казалось, это должно случиться вот-вот. Однако новый день приносил новую тревогу: оставлен еще один город. Постепенно, особенно после речи И. В. Сталина 3 июля, люди стали понимать, что идет большая, тяжелейшая война, что для советских людей это такая же всенародная, отечественная война, какой была война 1812 года. Как и в далеком 1812-м, враг подошел к Смоленску, начались кровопролитные бои. Каждый день на московских улицах слышалась торжественная и тревожная песня: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»

Несколько ночей Женя дежурила на крыше университета — ждали налетов. В короткие июльские ночи, когда уже во втором часу начинает светать, сидя в темноте на чердаке, она пыталась осмыслить все происходившее и окончательно решить для себя, что ей делать. Женя, которая никого ни разу не обидела в своей жизни, вдруг поняла, что может остро, жестоко ненавидеть. Раньше фашизм бесчинствовал где-то далеко, это было возмутительно, но теперь он вломился в наш дом, и словом, осуждением его не остановишь, его надо бить. Что же делать? Многие студенты, не дожидаясь призыва, ушли на фронт добровольцами, но она — девушка, к тому же никакой военной специальности у нее нет, даже медсестрой она сразу быть не сможет — ей откажут. Несколько девушек уже ходили в райком комсомола проситься на фронт, их не взяли. И все же оставаться дома с папой и с мамой, учиться в университете, как ни в чем не бывало, когда за нее на фронте сражаются другие, она не могла — не позволяла совесть.

17 июля студентки мехмата и других факультетов уехали на уборку сена в Подмосковье.

В селе девушек разместили по домам, в которых остались одни женщины, старики и дети. Вставали рано, когда солнце только еще поднималось над рекой, роса еще блестела на траве, холодила ноги. Пили густое молоко, заедая теплым из печи хлебом, и с граблями и вилами на плече шли босиком в луга.

В этих замечательных местах все было по-стародавнему неторопливо, спокойно и мирно, здесь не выли сирены, не ходили по улицам настороженные патрули и можно было, пожалуй, забыть о войне, если бы не тревога о тех, родных и близких, кто находился в действующей армии, если бы не плакаты на стенах: «Родина-мать зовет!», если бы не суровые газеты и не скептики-старики, каждый вечер допытывающиеся у «городских»: «Откуда у германца такая сила?» и «Куда смотрели наши?»

Жене, как и большинству девушек, собирать сено и метать стога пришлось впервые. На руках вздулись волдыри, залетевшая за воротник сенная пыль зудила кожу. Комсорг группы студенток мехмата Евгения Руднева старалась не обращать внимания ни на мозоли, ни на боль в пояснице.

Вечера были душные, одолевали комары. Пока два-три ныли над ухом, отвлекали внимание, двадцать других впивались в ноги, особенно доставалось щиколоткам. Никаких средств, кроме ветки, от кровопийцев не было, но ведь долго не помашешь, «руки отмахаешь» — говорили местные. Девушки сидели под пахучими стогами, шею и руки щекотали сухие ромашки. Устало переговаривались, чувствуя, что встать недостанет сил. Однако усталость проходила быстро, и тогда начинали петь. Или слушали Женю, она была главной рассказчицей.

Так было вечером 22 июля. Женя читала стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гете, рассказывала сказки, и слушали ее со вниманием, забыв о надоедливых комарах.

Неожиданно небо в стороне Москвы засветилось, зашатались, перекрещиваясь, гигантские голубые столбы.

— Учебная тревога.

Но через минуту к голубому свету добавился розовый оттенок, он стал густеть, стал алым.

Девушки поднялись и стоя смотрели на зарево, смысл которого был им понятен. Наконец кто-то сказал вслух то слово, которое никому произносить не хотелось.

— Бомбят!

— Там мама!

— У моей ноги больные — пока встанет, пока спустится по лестнице...

— Как же это, девочки? Уже до Москвы долетают.

— Я не могу, я поеду домой!

— Перестань, куда ты поедешь? Где машину возьмешь? Как будто у других в Москве никого нет.

— Я не могу так, а если в наш... Я пешком пойду.

— Девочки, без паники. Нам нельзя паниковать. Их к Москве не пустят ни за что, помните, какие вокруг батареи,— стараясь говорить как можно увереннее, убеждала своих комсомолок Женя. И думала: «К Москве не пустят, значит, сбросят бомбы на окраины, а мы как раз окраина. Правда, у нас щель замечательная».

Больше часа они смотрели на зарево, тревогу испытывала каждая студентка, две девушки беззвучно плакали. Война, которая до этого дня все еще представлялась им далекой, оказалась рядом с их домом... Сидели молча и думали об одном: «Фронт подошел к Москве. Учиться как прежде и ждать, пока фашист ворвется в город?.. Это невозможно!»

— Пойду кем угодно, кем возьмут; хотелось быть пулеметчицей, но соглашусь и на санитарку,— тихо сказала Таня, самая жизнерадостная, крепкая, круглолицая студентка с двумя толстыми косами (когда она смеялась, почти захлебываясь, то закрывала лицо пушистыми концами своих кос).

Одна из плакавших девушек посмотрела на нее испуганно, прикрыла глаза, из-под ресниц у нее снова потекли слезы.

— Я тоже буду проситься кем угодно, только бы взяли,— сказал еще кто-то.

— Ой, девчонки, вот бы снайпером стать — это да!

— Хорошо бы, да не с нашими показателями. У те-

бя еще может быть так-сяк, а у меня совсем никуда не годятся.

— Надо проситься в снайперскую школу. Если стрелять каждый день месяц или два, наверное, можно стать снайпером.

— Ну да, а Гитлер тем временем будет ждать, пока ты закончишь свою школу, перестанет лезть на Москву, скажет: «Валентина учится на снайпера, не буду мешать, а когда выучится, подставлю ей свой лоб». Будем делать, что умеем и что скажут.

— Девушек в зенитчицы берут, я слышала.

— Правильно, надо в зенитчицы проситься, чтобы ни один фашист до Москвы не долетел. Какое это счастье, девчонки, самой попасть в одного из этих гадов и увидеть, как он с черным хвостом врежется в землю.

— И маме будет спокойнее: собственная дочка стережет город...

— Что ты, моей только заикнись, что я на фронт ухожу, она умрет от ужаса. Когда сюда провожала, и то плакала.

«Это замечательная мысль,— подумала Женя.— Как я не догадалась,— надо проситься в зенитную артиллерию».

— Представляете, девочки, приняли бы нас всей группой в зенитные войска, наверное целая батарея могла бы получиться, а то и две,— сказала Женя.

Плакавшую студентку ее слова снова испугали.

Зарево над городом стало бледнеть, видимо, пожарные и бойцы ПВО действовали энергично.

В Москву возвращались с неприятным чувством ожидания чего-то недоброго, но все три вокзала были целы и здания на площади стояли как прежде. Когда ехали на трамвае, никаких разрушений тоже не заметили, и постепенно крепла надежда, что свои дома они увидят невредимыми.

Позднее узнали: хотя в первом налете фашистов на Москву участвовало более трехсот самолетов, к столице сквозь заградительный огонь зениток прорвалось всего лишь двадцать шесть бомбардировщиков, но и те, что прорвались, значительного ущерба городу не причинили.

В августе многие студентки мехмата пошли на курсы медсестер и сандружинниц, другие уехали на

строительство можайской линии укреплений. Вернувшись из совхоза, Женя зашла в райком комсомола, просила, чтобы ей тоже дали какое-нибудь назначение, но озабоченный какими-то нелегкими делами молодой райкомовский работник с запавшими глазами, не глядя на нее, угрюмо сказал, что раз она комсорг, то должна до особого распоряжения выполнять свои обязанности в университете, что страна сейчас, как никогда, нуждается в новых кадрах специалистов, и что учиться — это тоже дело оборонного значения.

Это, конечно, было так, умом Женя соглашалась, но чувствами примириться не могла.

Занятия в университете на всех курсах начались, как всегда, 1 сентября, но обычной радости никто не испытывал. Обстановка на всех фронтах снова ухудшилась. Чувствовалась близость передовой — малолюдны стали улицы, чаще попадались военные патрули; на улицах начали появляться грузовики — полуторки и трехтонки — с пробитыми осколками бортами и кабинами, с белыми, свежими ссадинами на зеленых досках, увеличилось количество аэростатов заграждения, которые девушки-зенитчицы, словно гигантских лошадей под уздцы, проводили по московским улицам.

После занятий Женя оставалась дежурить на крыше университета. Воздушные тревоги (теперь не учебные) случались по несколько раз в ночь. Начинали хлопать зенитки, а потом возникал звук чужих моторов. Часть фашистских бомбардировщиков прорывалась сквозь заслоны зенитного огня, они сбрасывали на город тяжелые фугасные бомбы, градом стучали по крышам зажигалки. Женя научилась цепко зажимать их щипцами и сбрасывать вниз, на асфальт, или засыпала песком. Бегая по крыше, она не думала о том, что может оступиться и упасть с двенадцатиметровой высоты, что в университет может попасть фугасная бомба, и тогда она погибнет под обломками. Ею владел азарт, азарт игры: надо было поспеть и вправо и влево, а в случае нужды прийти на подмогу девочкам «из своей команды».

Когда налет кончался, студентки, возбужденные, разрумянившиеся, спускались вниз в штаб ПВО, перебивая друг друга, отчитывались перед начштаба

и, счастливые тем, что их дежурство было успешным, выходили в университетский сад. Светало. Над Кремлем и вокруг него в небе висели колбасоподобные серые аэростаты воздушного заграждения. Девушки садились на скамейки — расходиться не хотелось — и смотрели на свой университет, ставший теперь, когда они уберегли его от пожара, особенно родным.

В конце сентября, испытывая нехватку в танках, самолетах, артиллерии, стрелковом оружии и боеприпасах, Красная Армия несла тяжелые потери и вынуждена была отступать. Все чаще на улицах появлялись измученные военные, не спавшие сутками, и было видно, что люди вышли из долгих, изнурительных боев.

Войска противника пытались обойти столицу с юга. Над Москвой нависла серьезная угроза, город становился фронтовым — линии укрепления строились по Садовому и Бульварному кольцу.

О чрезвычайной опасности, грозившей Москве и всей стране, писала в те дни газета «Правда». Она призывала покончить с настроением благодушия и беспечности, настойчиво объясняла, что только от мобилизации сил всех и каждого зависит существование Советского государства.

Женя это отлично понимала.

— Ты знаешь, мама,— сказала она, вернувшись как-то из университета.— Так дальше продолжаться не может. Ну подумай... Фашисты уже совсем рядом, как нахальные крысы, лезут в город, а мы сидим и, как ни в чем не бывало, слушаем наших профессоров, которые рассказывают о звездах. Представляешь? Это же нелепо. Что будет с нами и с нашими астрономическими познаниями, если Гитлер возьмет Москву и пойдет дальше? А нам говорят: «Учитесь, учитесь». Ну, допустим, училась бы я в каком-нибудь вузе, где готовят военных специалистов, тогда можно было бы понять,— они сейчас очень нужны. А так...

— Но ведь ты, Женечка, девушка. Тебе вовсе не обязательно идти на войну.

— Я здоровая и молодая, умею стрелять из пулемета и сижу дома Безобразие!

Для Анны Михайловны такие разговоры — она их слышала не впервые — представлялись свершившимся

несчастьем: она уже потеряла дочь. У нее слабели руки и ноги, она садилась и минут пять не могла подняться. Смотрела на порозовевшее лицо дочери, на ее узкие плечи, на всю ее небольшую, очень девичью фигурку и с ужасом думала, что Женя не вынесет даже двух недель окопной жизни — просто заболеет и погибнет.

— Женечка, но ведь ты дежуришь на крыше, тушишь зажигалки...

— Мало, мама, этого мало.

Женя возбужденно походила по комнате, потом легла на диванчик и отвернулась к стенке. Она увидела себя за пулеметом в окопчике, увидела идущий на нее танк, поле, по которому он шел, было все в кочках, и танк то нырял вниз, то задирал пушку вверх. Из пушки вырывался быстрый короткий огонь — башенный стрелок пытался уничтожить ее и ее пулемет. Бить по броне из пулемета нет смысла, остановить танк можно, если только попасть в смотровую щель водителя. Очередь, еще одна и... чудо: ее пуля попадает в узкую щель, танк остановлен. А теперь зажигательными по бакам...

«Сводка сегодня снова плохая», — вспомнила Женя.

Пали Вязьма, Гжатск, Малоярославец. Многие москвичи, в первую очередь дети, были эвакуированы на восток. На Урал и в Сибирь вывезли демонтированные заводы, вместе с заводским оборудованием уехали самые необходимые специалисты, остальные рабочие и инженеры ушли в ополчение, в истребительные батальоны. Закрылись многие учреждения и магазины, витрины заложили мешками с песком. Трамваи и троллейбусы ходили редко, да и число пассажиров уменьшилось. Люди стали сдержанными, немногословными. По строгим лицам, по одежде, далеко не лучшей, по противогазным сумкам через плечо было видно что москвичи приготовились к суровому испытанию.

8 октября Центральный комитет ВЛКСМ объявил добровольный набор комсомолок в армию. Призыв был передан во все райкомы комсомола Москвы, а уж оттуда по телефону о нем сообщили на предприятия,

в учреждения, техникумы и институты. Начался отбор желающих идти на фронт. Отбор был строгим. Брали только тех девушек, кто хорошо работал или учился и регулярно занимался спортом. Уже на следующий день призыв ЦК ВЛКСМ обсуждался бюро комсомола университета. День выдался пасмурный, в комнате света не хватало. Комсорги курсов и групп сгрудились, тесно сдвинув стулья, вокруг большого стола, вслушивались в слова секретаря бюро, говорившего непривычно тихо, без пафоса. Чувствовалось: для него предельно ясна ответственность момента. Его деловая сдержанность передалась слушателям.

В душе Женя приготовилась: сейчас секретарь кончит говорить, и она подойдет к столу, попросит записать ее в список уходящих на фронт. Вот только требование быть хорошей спортсменкой ее смущало — сказать про себя, что преуспела в спорте, она никак не могла. Поэтому, когда многие девушки-комсорги обступили секретаря бюро, Женя осталась сидеть — обманывать кого бы то ни было она не могла. Пока девушки наперебой расспрашивали секретаря, на какой фронт и в какие войска могут послать добровольцев, Женя вышла в коридор и остановилась у окна.

«Следует признать, что ты, моя дорогая, спорт не уважала,— подумала Женя.— Сколько километров я пройду? Пять-семь, от силы десять. А с винтовкой и со скаткой? Не знаю. Далеко не уйду. И плавать практически не умею». Женя украдкой пощупала свои бицепсы и огорчённо вздохнула.

В этот момент кто-то обнял ее за талию и засмеялся у самого уха. Женя обернулась и увидела свою сокурсницу Катю Рябову, с которой они близко познакомились в совхозе на уборке сена.

— Все, Женечка, решено: завтра идем в ЦК — и на фронт!

Серо-карие глаза сияли счастьем. Женя посмотрела на подругу и почувствовала зависть. Раньше она почти никогда никому не завидовала. Невысокая ростом, но крепко сбитая, Катя имела все основания пройти отборочную комиссию — училась она отлично, хорошо ходила на лыжах, к тому же еще до войны закончила пулеметную школу Осоавиахима.

— А меня, как думаешь, возьмут? — неуверенно спросила Женя.

Катя посмотрела на нее озадаченно. Ей как-то и в голову не приходило, что нежная, милая Женечка Руднева тоже захочет и сможет идти на фронт.

— Не знаю, должны бы взять,— сказала Катя не особенно уверенно.

И Женя решила: она идет в ЦК ВЛКСМ, а там будь что будет.

Приемная ЦК комсомола заполнена до предела. Много девушек стояло на улице.

— Вот это сюрприз,— изумленно сказала Женя.

— А ты думала, мы будем первыми?— усмехнулась Дуся Пасько, сокурсница, с которой они вместе решили попытать счастья.

В приемной установилась очередь за пропусками в отдел кадров ЦК. Через несколько минут подругам стало известно, о чем и как спрашивают девушек-добровольцев. Сведения были неутешительные: комсомолок подробно расспрашивали о составе семьи, о состоянии здоровья, предпочтение отдавали имеющим военную специальность. Девушки в очереди волновались — у многих никакой военной специальности не было, и они боялись, что их отправят домой. Женя и Дуся тоже поволновались, но все же успокоились,— они умеют стрелять из пулемета, и это можно всетаки считать военной специальностью.

В приемной стало душно, и Женя с Дусей вышли на несколько минут на улицу, глотнуть свежего воздуха.

— Что ты, Женя? — на глазах у подруги Дуся заметила слезы.

— Как я маме скажу? Я же вижу: как только начинаю с ней разговаривать о фронте, она вся белеет, вот-вот, кажется, умрет от страха. Она все не верит, что я могу уйти на фронт. Тебе легче, твои в Пржевальске, напишешь и все.

Дуся понимающе сжала Женину руку.

— Что же делать, Женечка! Понятно — ты ведь единственная дочь. У моих — детей куча.

— Ничего,— вздохнула Женя,— мама и папа поймут. Иначе нельзя.

Через два часа стояния в очереди, после самых тревожных известий о том, что многих «заворачива-

ют», что расспрашивают долго и строго, пришла обнадеживающая весть. По ходатайству ЦК ВЛКСМ и по инициативе Героя Советского Союза Марины Расковой командование Вооруженными Силами страны приняло решение создать женскую авиационную часть и зачислить в нее главным образом девушек-добровольцев. Формирование новой части поручалось Расковой.

Для студенток университета с их знанием физики и математики появлялась реальная возможность попасть в часть легендарной летчицы и штурмана. Женя и Дуся повеселели, но ненадолго — в приемную входили все новые конкурентки, студентки технических вузов, даже авиационных, летчицы из аэроклубов и Гражданского воздушного флота, которым Раскова могла отдать предпочтение. Каждый раз, когда новая девушка называла место своей работы или учебы, Женя и Дуся тихо обсуждали ее шансы, а значит, и свои — уменьшающиеся или растущие.

Пришли даже школьницы старших классов и встали в сторонке, грустно шепчась, понимая, что им, вернее всего, откажут. Жене стало даже жалко девушек — уж очень у них был обреченный вид.

Наконец подошла их очередь.

— Женя, иди,— сказала Дуся, подталкивая подругу к двери кабинета.

Но Женя вдруг заробела. Ей стало так же страшно, как в то памятное посещение директора Салтыковской школы, когда она поступала в третий класс. Шепотом выговорила:

— Дусенька, милая, ну, пожалуйста... а я за тобой. Видишь, даже голоса нет, очень боюсь.

Вскоре высокая, обитая черной клеенкой дверь приоткрылась и Женя увидела счастливое лицо Дуси. После этого Женя вступила в кабинет без страха.

Комиссия ЦК ВЛКСМ — строгие молодые люди в военных гимнастерках и ремнях, но без знаков различия. Женю отговаривали, узнав, что она единственная дочь у родителей. Глядя исподлобья, Женя упрямо твердила:

— Папа и мама поймут, я должна...

После недолгого молчания один из членов комиссии предложил рекомендовать ее в часть майора Расковой.

В коридоре Женя и Дуся обнялись — успех!

Однако на следующий день все, казалось, пережитые тревоги возникли вновь. На сборном пункте авиачасти Расковой в здании Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского кандидаткам с направлением ЦК ВЛКСМ сообщили, что им предстоит пройти медицинскую и мандатную комиссии. И снова девушки стали ахать, шептаться, пугаясь своих реальных и мнимых недостатков.

Мандатная комиссия оказалась строже медицинской.

— Вы представляете, на что идете? — жестко, как будто раздражаясь все более, спрашивал каждую появлявшуюся перед ним девушку очень худой, высокий майор.— Думаете, фронт похож на комсомольский воскресник? На войне каждый день убивают. Вам это известно? На войне нет постелей, нет ванны и душа, очень часто нет еды, но есть смерть, которая таится под кустом и под листом. Вы собираетесь совершить геройский подвиг, а пуля или осколок настигает вас прежде, чем вы успеваете выстрелить сами хотя бы раз. Вы знаете это? Вы умираете, и вас хоронят в безымянной могиле. Вы думали об этом?

Нежное лицо, серо-голубые Женины глаза суровому майору настолько «пришлись не по душе», что он в сердцах отвернулся и стал смотреть в окно, за которым мотались под ветром из стороны в сторону верхушки деревьев Петровского парка. Он даже счел излишним задать ей свой трафаретный вопрос. Настроение майора Женя почувствовала сразу и покраснела.

— Расскажите о себе,— услышала она спокойный женский голос.— Не волнуйтесь.

Женя мельком взглянула на женщину и узнала Марину Раскову, ту самую, о которой она когда-то так беспокоилась, чьим подвигом восхищалась. Гладко причесанные волосы, правильное лицо, красивые глаза и брови, доброжелательная улыбка.

— Учусь на 4-м курсе мехмата МГУ, изучаю астрономию, узкая специальность — переменные звезды. Все экзамены на последней сессии сдала на «отлично», стреляю из пулемета... немного,— заторопилась Женя.

— Вы представляете, что значит служить в авиации? Это прежде всего труд, каждодневный труд,

а риск и опасность не меньшие, чем на земле,— перебила ее скороговорку Раскова.

— Да, да, Марина Михайловна, — согласно кивнула Женя.

Председатель комиссии Раскова, в отличие от сердитого майора, смотрела на Женю с симпатией.

— Ну что ж, хорошее знание математики и астрономии штурману будет необходимо. Предлагаю одобрить кандидатуру Рудневой. Можете идти за вещами.

Женя вышла из комнаты сияющая, снова и снова слыша голос Расковой и его доброжелательную интонацию. То, что с нею произошло, походило на волшебную сказку, которую она — фантазерка и мечтательница — никогда бы не смогла придумать. Она выскочила за ворота академии Жуковского, взглянула на монотонно серое небо и, тихо, с удовольствием произнося слова, сказала сама себе:

— Идите, Руднева, за вещами. Вы будете служить в авиации. Вам понятно? В авиации!

И тут же возникла мысль: «Что же сказать маме? Самолетов она боится больше всего. Надо что-то придумать».

Перепуганной, побелевшей Анне Михайловне, все еще не привыкшей к мысли, что ее единственная дочь может уйти на фронт, Женя сказала:

— Не волнуйся, мамочка, иду обучать ополченцев пулеметному делу. Буду где-нибудь здесь, недалеко. Собери меня.

Слова «собери меня» показались матери особенно страшными.

В руках небольшой чемоданчик с самыми необходимыми вещами. Родители проводили до станции, поезд долго не шел (пригородные поезда стали ходить редко). Отец бодрился и шутил на ее счет, а мать смотрела обреченно и умоляюще. Поэтому хотелось скорее уехать. Наконец вдали загудело, и Женя, стараясь улыбаться беззаботно, сказала:

— Ну папист, до свидания.

«Э, папист не выдержал тоже — слезы». Мать плакала и целовала ее, не в силах оторваться от своей Жени.

— Мы скоро увидимся, мамочка, обязательно увидимся. Не надо, ну прошу тебя, не надо.

Она шагнула в тамбур и почувствовала облегченье. С обыденным существованием покончено. Дом, школа, университет — это все теперь в прошлом. Начинается новый, опасный, неведомый, быть может, самый важный период ее жизни.

На сборном пункте женской авиачасти Женю ждала приятная неожиданность. Думала увидеть только Дусю Пасько, а тут сразу столько «своих девочек»: Катя Рябова, Руфа Гашева, Поля Гельман, Аня Еленина, Леля Радчикова, Ира Ракобольская. Это замечательно — все-таки будет легче привыкать к армейскому быту среди своих.

— Девочки, милые!

— Женя, Женечка, и ты тут!

— Ну, теперь, Гитлер, держись — звездочеты и астрологи напророчат тебе гибель.

— Маму успокоила, наговорила чего-нибудь?

— Разве маму успокоишь?

— Пошли к дежурному, твою койку тебе покажет.

Казарма выглядит, как девичье общежитие. Ничего военного, единообразного пока нет. На спинках кроватей — разноцветные платья, на полу — домашние туфли, на тумбочках всякие пустяки и мелочи. Впервые с казармой произошло такое превращенье. И точно так же, как в студенческом общежитии после трудного экзамена, уже забравшись в постели, натянув одеяла до подбородка, будущие летчицы и штурманы долго обсуждают все, что с ними произошло за эти два напряженных и насыщенных событиями дня. Вспоминают членов комиссии, кто и что сказал, а чаще других Марину Раскову. Все сходятся на том, что им повезло — учиться и служить под руководством (термин «под командованием» еще не известен) такой замечательной, такой прославленной и такой красивой женщины.

15 октября к вечеру солдатская казарма снова сделалась казармой. Девушкам-добровольцам, которые теперь стали «личным составом части», по приказу Расковой выдали полный комплект обмундирования. Их военная жизнь началась с большого веселья: все было велико. Когда в проходе между кроватями вставал очередной «воин», надевший форму, остальные,

еще только примерявшие и рассматривавшие свою обнову, закатывались громким и долгим хохотом, и не смеяться было невозможно. Рукава гимнастерок висели, закрывая кисти рук, брюки-галифе собрались гармошкой и наползали на огромные сапоги 42-го и 43-го размеров (34—37-х размеров интендантское ведомство предусмотреть не могло), воротники хомутами висели на тонких девичьих шейках.

— Теперь осталось каждой из нас дать на вооружение по пушке, и мы готовы в бой.

— Ой, девочки, не могу, ой, сейчас помру!

— А ну-ка, повернись. Это же не гимнастерка, это бальное платье.

И снова всей казармой овладевал приступ долгого хохота, девушки падали в изнеможении на кровати и, чтобы успокоиться, старались не смотреть друг на друга.

Но как потешно ни выглядели новоиспеченные солдаты, военная форма всех искренне радовала, она означала, что теперь они и вправду в армии.

Отсмеявшись, бойцы Расковой достали ножницы, нитки, иголки и просидели до поздней ночи, подгоняя обмундирование. В сапоги набили бумагу, подрезали рукава и подолы гимнастерок, переделали брюки. Уже отчаянно хотелось спать, глаза слипались, а они все резали и шили, мерили и снова резали, и снова шили. Женя никогда не умела хорошо кроить и шить, поэтому как следует подогнать обмундирование ей не удалось, и форма сидела на ней мешковато. Впрочем, ее это мало беспокоило.

Следующий день был тревожным и хлопотным. Он начался с сообщения Совинформбюро о том, что «положение на Западном направлении фронта ухудшилось». Воздушные тревоги следовали одна за другой, и приходилось то и дело бегать в укрытие. Во второй половине дня было приказано срочно упаковать имущество авиачасти и на рассвете 17 октября прибыть на одну из станций Окружной железной дороги для отправки в тыл к месту учебы.

Сборы много времени не заняли. Имущество части было небольшое, и личных вещей осталось совсем мало. Уложили и завязали заплечные мешки и легли спать пораньше, чтобы по возможности выспаться и встать свежими.

Еще не светало, когда авиачасть выступила за ворота казармы. Шли по знакомым улицам и мысленно прощались с родным городом и домом. Женя почувствовала на глазах слезы, но не вытирала их — в сумраке раннего утра их никто не заметит. Так было не только с нею. Редкие прохожие останавливались и провожали колонну взглядами.

— Храни вас бог, солдатики, — сказала им вслед старушка, не разглядевшая кос, что выбились из-под шапок.

АВИАЦИОННАЯ ШКОЛА

Расстояние от Москвы до Саратова сегодня поезд проходит за 14—16 часов. В октябре 1941 года эшелон, в котором ехали Женя Руднева и ее подруги, этот путь одолел за девять суток. Подолгу стояли на запасных путях, пропускали с востока на запад составы, везшие свежие воинские части. Из таких же, как Женина, теплушек доносился запах лошадей и кирзовых сапог. Мимо двигалась большая отмобилизованная, оснащенная техникой сила. Было радостно видеть, что на защиту Москвы стягиваются подкрепления, определеннее становилась уверенность, что столицу обязательно отстоят, и тем обиднее было уезжать в такой момент в глубокий тыл. Шли в ЦК комсомола, чтобы тут же отправиться на фронт, а теперь приходится ползти в обратном направлении.

— Как же это, Марина Михайловна, все на фронт, а мы в тыл? — спросила Раскову самая бойкая из девушек, когда на остановке командир части вышла проведать своих подопечных. Каждый раз, когда Марина Раскова появлялась у вагонов, девушки выпрыгивали из теплушек, сбегались к ней со всех сторон, наперебой задавали вопросы и жадно разглядывали ее, все еще не в состоянии поверить, что эта героическая женщина существует в реальности и что теперь она их командир.

— Видели города и села, по которым мы проезжали? Видели, что с ними сделала фашистская авиация? Вот за это мы будем им мстить. И на нашу долю работы хватит, только сначала надо выучиться бить фашистов. Неученым нам грош цена!

— Но ведь сейчас решается судьба Москвы!

— В армии, товарищи, надо привыкнуть подчиняться приказам. А пока приказ: учиться!

— Опять «учиться»,— проворчал кто-то из студенток.

Город Энгельс расположен напротив Саратова, на левом берегу Волги. Здесь, в соответствии с приказом командующего Военно-Воздушными Силами страны генерала А. А. Новикова, в самый короткий срок необходимо было сформировать три женских авиационных полка: 586-й истребительный, 587-й бомбардировочный и 588-й ночных бомбардировщиков.

Каждый день в казарме девушек появлялись новые лица. Прибывали летчицы Гражданского воздушного флота, инструкторы аэроклубов, студентки вузов и работницы с производства. В начале ноября приехала в Энгельс и автор этих строк. В аэроклуб под Сталинградом, где я готовила летчиков для армии, пришла наконец долгожданная телеграмма: «Чечневу откомандировать в распоряжение Расковой». Так я очутилась среди моих будущих боевых подруг, с которыми в долгие годы войны делила печали и радости.

Занятия начались на следующий день после прибытия эшелона. Утром во дворе летной школы выстроился весь личный состав части № 122 (так значилась объединенная авиачасть, то есть все будущие три полка). Долго подравнивали строй, неуклюже двигали большими непослушными сапогами. Когда строй успокоился, вперед вышла Раскова.

— С сегодняшнего дня мы начинаем заниматься. Предупреждаю: учиться будет трудно,— громко и внятно заговорила она.— Курс подготовки по летно-техническим специальностям в мирное время осваивают за три года, но мы должны пройти его за несколько месяцев. Работать придется целыми днями, не давая себе поблажек. Это необходимо, чтобы как можно скорее влиться в действующую армию. Я уверена, что этого желает каждая из вас, каждая комсомолка, решившая сражаться с проклятым врагом...

Потом весь личный состав распределили по четырем группам: летчицы, штурманы, техники и вооруженцы. В летную группу вошли летчицы из аэроклубов и ГВФ, в штурманскую — немногие женщины-штурманы, которые тогда у нас были в армии и в ГВФ, а также студентки вузов. Тех, кто имел техническое образование, определили в группы авиамеха-

ников по вооружению, по приборам и по эксплуатации. К великой радости Жени, свыкшейся с мыслью, что станет «вооруженцем», ее фамилию назвали в числе будущих штурманов. Она радовалась и потому, что Марина Михайловна Раскова тоже была штурманом.

К этому времени все девушки были влюблены в своего легендарного командира, все знали ее биографию.

В детстве и юности Марина Раскова никогда не думала и не мечтала об авиации. Она родилась в семье потомственных певцов и музыкантов. Бабушка была профессиональной пианисткой, тетя — оперной певицей, отец — преподавателем пения. Не сразу находит она свое призвание. Сначала, в соответствии с семейными традициями, поступает в Московскую консерваторию, где учится по классу фортепиано. На втором курсе у нее обнаруживается голос, и она решает стать оперной певицей, с жаром разучивает одну за другой арии из опер, но не проходит и года, и желание петь меркнет. Теперь ее интересуют химия и биология — для пения не остается времени. Она покидает консерваторию и идет работать чертежницей в аэронавигационную лабораторию Военно-воздушной академии имени Жуковского. Здесь она попадает совсем в другую среду, оказывается среди смелых людей, которые больше всего ценят мужество и мастерство. В те годы в лаборатории работало немало прославленных штурманов и летчиков и в их числе — известный авиатор Александр Васильевич Беляков. Именно он первым обратил внимание на увлекающуюся, талантливую девушку, понял, что у нее храброе сердце, что она энергична и что чертежная работа очень скоро ей надоест. Однажды он предложил ей стать штурманом и посоветовал поступить на заочное отделение Ленинградского авиационного института. Так бывшая студентка консерватории, а ныне чертежница «заболевает» небом, находит свое истинное призвание. В совершенстве овладев штурманским делом в Научно-исследовательском институте гражданской авиации, Раскова одновременно проходит всю пилотскую программу в аэроклубе и в двадцать три года становится преподавателем академии имени Жуковского. Страсть к небу, полету, скорости стала

главной страстью ее жизни, которой подчиняются все другие желания. Авиатор (летчик или штурман) должен быть ловким, смелым, и Раскова прыгает с парашютом, занимается гимнастикой, бегом, греблей на двухвесельной лодке и байдарке. С 1934 года она — непременный участник воздушных парадов над Красной площадью. К этому времени Марина Раскова становится высококвалифицированным штурманом. И не случайно, что именно Марина Раскова приняла участие в беспосадочном перелете Москва—Дальний Восток.

К этому перелету она готовится тщательно и долго, участвуя почти во всех сложных рекордных полетах предвоенных лет. Организуются скоростные гонки по маршруту Москва — Севастополь — Москва, и Марина Раскова, впервые в жизни проведя в воздухе шестнадцать часов, занимает в них шестое место. Вместе с Полиной Осипенко и Верой Ломако она участвует в героическом перелете из Севастополя в Архангельск на гидросамолете. В результате был установлен мировой рекорд, отважных женщин правительство наградило орденами Ленина. И наконец 24 сентября 1938 года... Утром диктор радио объявил: «Сегодня экипаж в составе трех летчиц В. С. Гризодубовой, П. Д. Осипенко и М. М. Расковой на самолете «Родина» начал беспосадочный перелет Москва — Дальний Восток»... Три летчицы 1938 года, как и нынешние космонавты, шли неизведанными путями. Они установили мировой рекорд дальности беспосадочного полета среди женщин и продемонстрировали высокие летные качества отечественного самолета.

Когда началась война, слушательнице академии имени Фрунзе Марине Расковой было двадцать девять лет. Друзья, родные уходили на фронт, а она оставалась в Москве — был приказ учиться. Случались налеты — спешила в штаб противовоздушной обороны, бежала на помощь, тушила пожары. Но ее энергичная натура требовала активного действия, тем более когда речь шла о защите Отечества. В дни тяжелых неудач нашей армии ей пришла в голову счастливая мысль — создать женскую авиачасть. На ее призыв откликнулись сотни девушек, и немаловажную роль в их решении сыграло то, что звала их именно Раскова, одна из членов экипажа самолета «Родина».

В биографии Расковой девушек-добровольцев привлекало и обнадеживало то, что она так же, как и они, пришла в авиацию не из аэроклуба и не в ранней юности. Не раскрывая своей тайны, почти каждая поставила целью быть, «как Раскова», во всем. Девушки стали ходить, «как Раскова», держать голову, как она, и даже причесываться «по-расковски» — гладко, с пучком на затылке. Правда, от такой прически пришлось отказаться. В первый же день пребывания в Энгельсе среди девушек разнесся слух, что их собираются остричь. Разговоров по этому поводу было много. Девушки возмущались, хотели жаловаться майору Расковой, но к вечеру стало известно, что «Приказание штаба особых полков от 25 октября 1941 года», в котором говорилось о стрижке, подписала сама Раскова. Приказ гласил: «Всему личному составу приказываю: пройти стрижку волос.

Устанавливаю для всего личного состава сбора единую прическу: перед — на пол-уха и под польку — затылок.

Ношение других видов причесок только с моего персонального в каждом отдельном случае разрешения».

В условиях военного времени такая мера была необходима. Поворчали, повздыхали, но остриглись. В брюках, в сапогах, теперь еще и остриженные, они внешне совсем перестали походить на девушек.

На следующий день после стрижки Женя, войдя в столовую, услышала за спиной голос одной из университетских подруг:

— Смотрите-ка, девчата, какой хорошенький паренек стоит у колонны.

У колонны стояла Женя. Она, смеясь, обернулась, и подруга растерянно всплеснула руками:

— Ой, да ведь это Женя Руднева!

На несколько дней к Жене прилипла кличка «хорошенький паренек».

Вставали в половине шестого утра, и еще до завтрака начинались занятия. Штурманы один час выстукивали морзянку на радиотелеграфном ключе. Потом вместе с летчиками выполняли упражнения на счетной линейке, изучали полеты по карте. Уже при свете

дня шли завтракать, а затем снова в классы: десять часов лекций и семинаров ежедневно. При официальном десятичасовом рабочем дне учиться приходилось по шестнадцать часов в сутки. Топая сапогами, строй входил в столовую на обед, и тут же, в ожидании, пока дежурные принесут первое, девушки доставали учебники, конспекты, разбирали задачи, так что застольные разговоры тоже велись на учебные темы. После отбоя будущие штурманы до поздней ночи засиживались в штурманской комнате, прокладывали маршруты по карте. Предстояло постигнуть основы аэронавигации, научиться распознавать местность, ориентироваться в самой темной темноте. С первых дней учебы командиры и преподаватели все делали для того, чтобы будущие авиаторы осознали: от их умения будет зависеть не только выполнение боевых заданий, но подчас и их собственная жизнь. «За пробелы в знаниях на войне расплачиваются жизнью»,— повторяли инструкторы. Для девушек это стало аксиомой. Верная правилу доискиваться до сути дела, Женя не стеснялась забрасывать преподавателей вопросами.

— Руднева любого профессора замучает,— с изумлением говорили девушки, узнавшие ее только в Энгельсе.

— Женечка верна себе,— улыбались ее бывшие сокурсницы. — Пока все не поймет, не отступится.

Теория Жене давалась без большого труда — сказывалась усидчивость и привычка к регулярным занятиям; хуже обстояло дело с практикой. Не давался прием морзянки на слух. Наверное поэтому, из всех условных знаков радиообмена она в первую очередь усвоила «слышу плохо», «не поняла» и «давайте медленнее».

Мучала Женю и строевая подготовка. В строю она то и дело сбивалась с ноги, тут же начинала поправляться и путалась снова, сразу же густо краснела, ожидая замечания инструктора: «Руднева, ногу!»

— Если бы ты не обращала на это столько внимания, у тебя все получалось бы само собою. А тут, когда вся в напряжении, когда стараешься, чтобы лучше было, получается хуже. Ты все время думаешь: правая рука, правая нога... — говорила ей Катя Рябова.

— Правда, Катюша, правда!

— Я по себе знаю. Надо меньше задумываться: той или не той рукой машешь.

В краткие минуты отдыха иные девушки, чтобы посмешить подруг, копировали Женину манеру ходить в строю. Подражательница сутулилась, нарочно спотыкалась, цеплялась ногой за ногу, потом шла, как марионеточный Петрушка, командовала: «Направо!» — и тут же поворачивала налево, изо всех сил выворачивая носки сапог. Жене такие сцены были неприятны и обидны, ей хотелось убежать и спрятаться. Но она ни разу не одернула любительницу повеселиться и только натянуто улыбалась, делая вид, что ей тоже смешно. А вечером, после отбоя, Женя выходила на улицу одна и, сама себе давая команды, училась маршировать и делать повороты. На дворе было темно и пустынно, никто ее не видел, и никто над ней не смеялся, она отчитывала себя, когда сбивалась, и удовлетворенно хмыкала, когда повороты и другие элементы строевого шага ей удавались.

Напрасно передразнивали Женю — малые и большие трудности были у всех: у летчиков, штурманов, техников и вооруженцев. Мне, например, не давались ночные полеты. Однажды я вернулась из полета в подавленном состоянии — очень неудачно приземлилась, едва не разбила машину.

Спрыгнув на землю, я в сердцах бросила подруге:

— Не выйдет из меня ночника! Видишь, какая неудачная посадка...

— Надо сделать так, чтобы вышел, Чечнева! — раздался из темноты резкий голос Расковой.

— Все равно не выйдет! — стояла я на своем.

Марина Михайловна подошла поближе и внимательно посмотрела на меня. Я опустила глаза.

— Это у нее пройдет, товарищ майор,— вступилась за меня Надя Попова.

— Вот что, Чечнева, успокойся, не нервничай. Выше голову! После войны хочу видеть у тебя ордена. Не меньше двух!

— Так уж и двух!

Раскова засмеялась.

— Три можно, а меньше двух не пойдет!..

Марина Михайловна повернулась и зашагала к другому самолету. Я видела, как она с завидной легкостью

вскочила на плоскость крыла и стала что-то объяснять летчице.

Такой Раскова была всегда. В трудные минуты на помощь приходила именно она, майор Раскова. Каждый день она вела занятия по штурманскому делу, терпеливо объясняла все премудрости профессии; по вечерам заходила в казармы, интересовалась, как мы учимся, как кормят в столовой, как живут наши родители. Часто рассказывала о своих полетах, заводила разговор о литературе, музыке, живописи, ее суждения были тонкими и квалифицированными. Девушки слушали ее восхищенно, запоминая каждое слово, с восторгом разглядывали ее красивое, энергичное лицо с выразительным размахом бровей, четко очерченным ртом, в углах которого всегда скрывалась улыбка. Что и говорить, на первых порах после устроенной домашней жизни строго регламентированный армейский быт, да еще в военное время, к тому же для девушек, казался излишне суровым, даже пугал. И счастье, что в самом начале нашей военной карьеры рядом была Раскова — умный, чуткий, очень добрый человек. Само по себе то, что такая женщина, как Марина Михайловна Раскова, служит в армии, служит долго и успешно, имеет достаточно высокое звание, действовало на девушек ободряюще. И действительно, с каждым днем они приобретали черты, присущие военным людям: привыкли отдавать честь командирам, научились армейскому обращению по званию, а не по имени-отчеству, как «на гражданке»; появилась строевая выправка (правда, только не у Жени, она по-прежнему сутулилась), привыкли отвечать: «Слушаюсь!», «Так точно!»; говорить: «Разрешите обратиться?», «По вашему приказанию прибыла».

Как ни мало оставалось свободного времени, однако девушки продолжали перешивать и ушивать свою великанскую форму. Уже не было видно шинелей до пят, гимнастерки теперь сидели ладно, по фигуре, а шапки больше не сползали на глаза. Понемногу овладели нелегким искусством наворачивать портянки и с удовольствием демонстрировали друг другу свое умение. Вот только с размером сапог ничего нельзя было поделать.

Женя внимательно присматривалась к тому, как подруги, сидя на нарах, переделывают обмундирова-

ние, пыталась им подражать, тоже что-то ушивала, укорачивала, подвертывала, но получалось у нее все-таки плохо. Посмотришь — пародия на солдата: рукава свисают, гимнастерка мешок мешком, а носки сапог загибаются вверх.

А девушкам обязательно нужно было выглядеть подтянутыми. Вместе с ними в военном городке учились и готовились к вылету на фронт летчики и штурманы-мужчины, которые относились к женщинам в военной форме неизменно скептически. Встречая строй девушек, летчики останавливались и смотрели на них с усмешкой, а девушки, зная, что над ними посмеиваются, маршировали особенно усердно, от излишнего усердия сбивались с ноги и тем веселили мужчин еще больше.

— Представляешь, лейтенант, что станет с Гитлером, когда разведка донесет ему, что барышни вылетели на фронт?! — говорилось нарочно громко, чтобы девушки слышали.

— Думаю, удар его хватит, боюсь, не выживет.

— Точно не выживет. Добьют они его. А ты видел, какие самолеты для них привезли?

— Нет, а что?

— Специальные. Такие маленькие да уютные. Снаружи розовые, в цветочек, а некоторые в горошек, и бордюрчик по фюзеляжу пущен. Загляденье! А внутри все шкафчики да полочки. Отдельный шкафчик для верхнего платья, коробка для шляп и специальная полочка для бомб тоже предусмотрена, а как же!

— А ботики куда ставить?

— Там все есть.

«Это уж совсем глупо,— думала Женя, внимательно следя за своим шагом,— ведь видят, в каких мы сапожищах, могли бы посочувствовать и помолчать».

В конце концов, эти насмешки тоже шли на пользу — они подстегивали упорство воспитанниц Расковой в их стремлении опровергнуть «истину», будто летать, а тем более воевать в воздухе не женское дело.

Со своей стороны девушки относились к курсантам мужского пола настороженно и подозрительно,— дружбы не получалось.

Однажды в начале зимы две слушательницы из штурманской группы встретили в столовой троих знакомых по университету студентов, которые приехали служить в соседнюю авиачасть. Ребята очень обрадовались встрече, посадили девушек за свой стол, а после обеда они вышли все вместе и прошлись до казармы, весело вспоминая университет, студенческую жизнь. Постояли у входа минут пять и разошлись. Когда обе студентки вошли в казарму, смеясь и все еще переживая радость встречи и приятного разговора, они не сразу заметили, что остальные девушки смотрят в их сторону сумрачно и неодобрительно. Через минуту на собрании университетской комсомольской группы разбиралось «персональное дело» провинившихся. Суждения были строгие и даже жестокие.

— Вы понимаете, где вы находитесь и какая сейчас обстановка? — спрашивали их.

— Вы слышали, что такое воинская дисциплина?

— Ваше поведение, мягко выражаясь — легкомысленно, а если точнее...

— Это же позор на весь университет, на весь наш коллектив!

Теперь, когда прошло более тридцати лет, видишь, какой пустяшной была причина девичьего гнева. Но тогда, в Энгельсе, существовала атмосфера сурового аскетизма, ревнивого отношения к воинскому долгу, к чести своего армейского коллектива. Все это можно понять. На фронтах идет жестокая борьба, а мы — в тылу. Мужчинам армейская служба дается куда легче, а мы мучаемся. Мы мечтаем «утереть нос», «доказать» этим насмешникам и гордецам, что «девушки не хуже», а тут двое из нас позволяют проявить к себе со стороны сильного пола покровительственное отношение, принимают приглашение сесть к столу и т. д. и т. п. Как бы там ни было, «виновные» дали слово, что ничего подобного больше не повторится.

Наступило 7 ноября. В этот день авиачасть № 122 принимала воинскую присягу. Накануне в женской казарме суета не утихала до двух часов ночи. Утюгов было всего пять, а нужны они были всем. Поэтому установили пять очередей и каждой девушке отпусти-

ли на глаженье не более трех минут. Дежурная по каждой очереди следила за соблюдением срока с часами в руках и через три минуты бесстрастным голосом говорила: «Ваше время истекло».

— Ну еще полминуты, один рукав остался,— упрашивала не успевшая управиться девушка.

— Как, девчата?

Мнения разделялись, и дежурная своей властью давала дополнительно 20 секунд...

Утром команда «Подъем!» прозвучала особенно бодро. Особенно вкусным был завтрак, особенно вежливыми были преподаватели. В середине дня отутюженные, в начищенных сапогах добровольцы выстроились в спортивном зале. Не успели построиться, как прозвучала команда «Смирно!», и в дверь вошли начальник летной школы, комиссар школы, начальник сбора женских авиаполков майор Раскова, другие командиры и преподаватели.

Женя волновалась, ждала своей очереди читать присягу! И наконец:

— Руднева!

Почти не глядя в листок с текстом — она его выучила, мысленно повторяя слова за теми, кто читал до нее, Женя звонко произнесла:

— «...вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь сражаться, не щадя крови и самой жизни для полной победы над врагом...»

Когда она закончила и снова встала в строй, у нее появилось знакомое, давно испытанное чувство. Она вспомнила: так же было шесть лет назад, когда в райкоме комсомола ей вручали комсомольский билет. Это одновременно радость и опасение — она принимает на себя почетную и вместе с тем очень трудную обязанность и дает клятву ее выполнить. Пустых обещаний Женя никогда не давала, а тут не просто «обещаю», но «клянусь». Если она не выполнит клятву, то жить она не сможет, это она знала хорошо. Отсюда — тревожное чувство.

Сначала военная форма, теперь присяга — все ближе и ближе к заветной цели — стать настоящим бойцом. Скорее бы на фронт...

В середине ноября на средней Волге утвердилась зима. Снег скрыл земные краски, спрятал детали ландшафта, белыми чехлами накрыл деревья. С реки дули резкие, злые ветры, свистели и выли упорно и угрожающе. Вставать по команде «Подъем!», когда город еще во сне, не видно ни огонька, ни дымка над трубой, становилось все труднее. На утренний туалет отводилось десять минут, и девушки, еще толком не проснувшись, должны были срочно одеваться и умываться. Нелегко привыкнуть к такому темпу. Галя Докутович, учившаяся вместе с Женей в штурманской группе, описала эту неприятную процедуру в шуточном стихотворении:

...Подъем! Дежурный, торжествуя,
Включает радио и свет,
И адъютант, уже ликуя,
Провозглашает громко: — Нет,
Никто уж спать теперь не должен,
Подъем и никаких гвоздей!
А ну вставайте и будите
Своих соседей поскорей!..

В первые часы, когда в классах еще горел электрический свет, глаза слипались и требовалось напряжение воли, чтобы слушать преподавателя и не задремать.

По мере того как Женя вникала в штурманское дело, оно захватывало ее все больше. Занятия по аэронавигации открыли для нее новый мир атмосферы нашей Земли. В университете она изучала далекие небесные тела и облачность для нее была только помехой при наблюдениях дорогих ее сердцу переменных звезд. Теперь облака интересовали ее сами по себе. Из глубин космоса она перенеслась в околоземную атмосферу, которую, оказалось, знала весьма приблизительно. Жене стали известны виды облаков и ветров, их скорость и влияние на полет самолета. Она узнала, что ветер может отклонить самолет от курса и даже сбить его с пути, может ускорить или замедлить полет. Реальный смысл обрели понятия «курс самолета», «путевая скорость», «путевой угол», «угол сноса», «угол ветра», «курсовой угол ветра». Узнала она и то, как прокладывается маршрут полета, как подходить к заданной цели, как надо бомбить

и ложиться на обратный курс от цели. Очень пригодилось ей знание звездного неба. В случае необходимости звезды могли и в самом деле оказаться путеводными.

Так же напряженно занимались летчики и наземные специалисты. Летчики изучали теорию полета, особенно полета ночью, конструкции самолетов, их оборудование. Шесть-семь часов в классах, а потом практические занятия на аэродроме: тренировочные полеты по кругу, по маршруту, на полигон. И никаких скидок на то, что летчики — девушки. Инструкторы добивались предельной отточенности каждого приема, умения владеть самолетом, как своим телом. Учебные задачи с каждым днем усложнялись, начались полеты ночью, потом тренировки в закрытой кабине под колпаком, когда ориентироваться можно только по приборам.

Что же до техников, вооруженцев и прибористов, то, казалось, спать им не приходилось вообще. По пятнадцать и более часов находились они на старте. Днем под солнечными лучами, хоть и холодными, работалось сносно. Но когда солнце заходило, с Волги начинал дуть ледяной настырный ветер, от которого спрятаться было некуда. Девушки-наземницы, укутанные до бровей, бегали и прыгали на жгучем ветру, пытаясь согреться, похожие на тех отважных птах, которые не улетают на зиму в южные края. Морозы разошлись не на шутку, в начале декабря градусник по утрам показывал минус сорок градусов. Холодно было на земле, но еще холоднее в полете, в открытой кабине, на скорости более ста километров в час. Одели летчиц и штурманов тепло: толстое нижнее белье, свитер, комбинезон, куртка на меху, на ногах теплые носки, нечто вроде мягких сапожек — «унтята», в довершение могучие меховые унты... И все же к концу полета промерзали до зубовного стука.

Летчицы осваивали учебный самолет У-2 (или ПО-2), которому в дальнейшем предстояло стать ночным бомбардировщиком ближнего действия. Этот маленький скромный самолет-биплан был создан советским авиаконструктором Н. Н. Поликарповым в 1927 году. Его фюзеляж и плоскости выполнялись из фанеры и перкали, то есть был он предельно легок.

За предвоенное десятилетие советская промышленность выпустила много разнообразных типов самолетов всевозможного назначения, а ПО-2 продолжал свою службу, завоевывая все большую популярность. Он был не только учебным самолетом в аэроклубах, но нашел широкое применение в народном хозяйстве. А в самом начале войны выяснилось, что этот легкий и хрупкий, как бабочка, самолет может быть полноценной боевой машиной. Скорость ПО-2 имел небольшую — 100—130 километров в час, грузоподъемность незначительную, но зато был прост в управлении и, самое главное, не нуждался для взлета и посадки в больших площадках, при случае мог сесть на лесную полянку или на дорогу.

Как только не называли этого труженика войны: летавшие на нем летчики — королем воздуха, пехота — старшиной фронта, партизаны — огородником или кукурузником, а гитлеровцы — «русфанер», хотя и боялись его не меньше других самолетов.

«Трудно перечислить все, что делал этот небесный тихоход в дни войны,—вспоминает летчик 1-го класса полковник Б. Степанов.— Перевозил раненых, летал на разведку, проверял маскировку своей артиллерии, телефонную и телеграфную связь, а при необходимости — рвал провода «кошкой», сбрасывал листовки и всегда был в готовности № 1 для вылета на бомбометание. В качестве пассажиров на нем перевозили солдат и маршалов, членов военных советов, командующих армиями и фронтами, корреспондентов, медицинских сестер и врачей...»

По несколько раз перечитывали девушки сводки Совинформбюро, пытаясь выудить из скупых строчек, в которых говорилось о положении под Москвой, больше, чем там есть. Ясно было одно: бои идут где-то между Солнечногорском и Химками... Это ближние подступы к столице. Закрадывалась тревога: выдержат ли наши бешеный натиск врага, что будет с родными и близкими, если гитлеровцы все же ворвутся в Москву? Хотелось быть там, на полях Подмосковья, а приходилось сидеть в аудиториях, изучать науки, совершенно не отвечающие сегодняшним нуждам. Не мука ли?!

В последних числах ноября, когда положение под Москвой стало особенно напряженным, приноровились после отбоя, в темноте включать негромко (тайно от начальства) репродуктор и слушать последние известия. И вот однажды услышали долгожданные слова о начале контрнаступления Красной Армии южнее и севернее Москвы, о прорыве немецкой обороны, об отходе фашистов на линию Калинин — Истра — Тучково, об освобождении Ясной Поляны, Епифани и Ливен.

Что тут началось! Грянули «Ура!», бросились обниматься, прыгали на кроватях, забыв о дисциплине. Но лишь дежурная включила свет, девушки нырнули под одеяла и притихли.

— Поздравляю всех, спите! — улыбаясь, сказала дежурная и потушила свет.

Заснули счастливые — впервые за много дней.

— Завтра у вас ознакомительные полеты,— сказала своим штурманам Марина Михайловна Раскова.— Пора переходить к практике, а то уж, наверное, затеоретизировались.

Утро морозное, но ясное, громко скрипит под ногами снег. На Жене полный летный наряд (даже летные очки выдали — все как у настоящих летчиков), и кажется она себе толстым-претолстым медведем. Рядом идут такие же «медведи» — Катя Рябова и Дуся Пасько.

— Я «большая медведица», Катя — «малая», а ты просто «медвежонок»,— говорит Женя.— В детстве я говорила «большая медведиха».

— Ну уж и большая! На два сантиметра выше и уже задается,— смеется Дуся.

— Вон какая у меня лапа,— поднимает Женя руку в меховой краге.

Летчик-инструктор ждет у самолета, растирает колени. Первой лететь Жене. Она неуклюже забирается на крыло, перебрасывает ногу в тяжелом унте через борт кабины, усаживается. Это не только ее первый учебный полет, но и вообще первый полет в жизни. Мотор начинает постреливать, винт двинулся, понеслась поземка, и совсем незаметно они поднялись в воздух. Ветер, чуть высунешься из-за козырька,—

режет щеки, не дает вздохнуть. Крен на крыло — Женя про себя ойкнула, схватилась за борт. Но все равно замечательно! Она пытается следить за землей, но от волнения не видит ее. Земля и небо — все одинаковое, и солнце светит неизвестно откуда. Понемногу успокоившись, начинает различать дома, ангары аэродрома. Земля и небо занимают полагающиеся им места. Теперь уже видна Волга, хоть и белая, как все вокруг, но берега ясно различимы. Снег, конечно, хорошее укрытие, но с высоты, оказывается, очень многое можно увидеть и разобрать. Мотор трещит ровно, и самолет движется вперед свободно и плавно.

Первый полет длился 10 минут. Женя выбирается из кабины, голова кружится, немного поташнивает, но она счастлива.

— Девочки, так здорово! — говорит она, и по ее восторженной интонации летчик начинает догадываться, что его «штурман» впервые в жизни поднялась в воздух. Поняв это, он неодобрительно качает головой.

— Ну поздравляю тебя, «Большая медведиха», с летным дебютом,— говорит Дуся.

В машине, в кабине штурмана уже сидит Катя Рябова, самолет пошел на взлет, а Женя стоит и завороженно смотрит ему вслед, не замечая, что брови и ресницы густо заросли инеем.

У нее вдруг появилось ощущение, будто она родилась заново и при этом втором рождении получила крылья, способность летать. В душе зазвучала знакомая со школьных лет мелодия, и слова песни — чистейшая символика, метафора — обрели буквальный смысл: «Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор...»

На следующий день — опять в небо.

Инструктор предупредил Женю: на этот раз самолет выполнит штопор и «мертвую петлю». Помня, что вчерашний полет был первым в ее жизни, спросил с сомнением:

— Выдержите? При штопоре бывает потеря сознания.

Женя энергично закивала головой, сердце на секунду сжалось, но она сказала себе: «Ничего, надо привыкать». Забралась в кабину, инструктор помог пристегнуться ремнями. Взлетели, набрали высоту. Само-

лет вошел в штопор... Закружилась земля, потом вздыбилась над головой, а голубое небо оказалось внизу. Жене на ум пришло вдруг из далеких школьных лет: «При вращении стакана жидкость из него не выливается под влиянием центробежной силы... Значит, я не вылечу, к тому же — ремни...» Двадцать две минуты полета показались вечностью. Когда после посадки Женя выбралась из кабины, ее качнуло, она едва успела ухватиться за крыло и улыбнулась поджидавшим на земле подругам. Все в порядке, она это выдержала и готова привыкать дальше.

После нескольких ознакомительных полетов, во время которых будущие штурманы привыкали к воздуху и даже «давали указания» летчикам-инструкторам, были сформированы экипажи, и штурманы стали летать со «своими» летчицами. Первые полеты неопытных летчиц и еще менее опытных штурманов забирали у тех и других много нервной энергии и сил. В воздухе девушки чувствовали себя напряженно, особенно штурманы: они не отрывались от карты, и весь полет то подпрыгивали, заглядывали в смотровое окошечко на землю, то снова погружались в свои расчеты. На земле, когда напряжение спадало, летчицы подтрунивали над ними, называли «кабинетчиками», хотя сами волновались в полете не меньше.

Получилось так, что Женю назначили в экипаж к летчице, которую тоже звали Женей. После построения, на котором были перечислены экипажи, к Жене Рудневой подошла высокая белокурая девушка с очень светлыми, почти прозрачными глазами, протянула руку, улыбнулась:

— Ну что, тезка, будем летать вместе?

До того Женя не дружила с Крутовой, но всегда ей была симпатична эта веселая, общительная и, видимо, волевая девушка. Ей нравилось, как та смеется, как искренне умеет радоваться. Запомнилась Крутова с одного пасмурного ноябрьского дня. Она ворвалась в большую комнату женской казармы с ликующим возгласом:

— Девчонки! Наши сбили под Москвой еще шестнадцать фашистов!

Кого-то обняла, поцеловала, кругом нее запрыгали, в восторге зашумели. Крутова стояла посреди комнаты и радостно наблюдала за общим весельем.

Женя, довольная своим назначением в ее экипаж, так же весело, в тон ей ответила:

— Будем летать. С тезкой особенно приятно.

— Ты, говорят, астроном?

— Незаконченный...

— Ну, все равно — в звездах разбираешься, возможно, пригодится

В тот же вечер девушки рассказали друг другу о себе.

Женя Крутова родилась в Оренбурге, кроме нее, в семье росло еще двое детей — брат и сестра. Отец умер рано, когда все ребята были еще маленькими. В Чебоксарах, куда мать Жени, Ульяна Ивановна, переехала с детьми после смерти мужа, она устроилась работать подносчицей кирпича на стройке. Работа тяжелая, еще тяжелее содержать на небольшой заработок семью, но она не отчаивалась и с детьми всегда разговаривала спокойно, ровно. Женя, старшая в семье, рано поняла, что она должна помочь матери растить младших, и решила идти работать. Но Ульяна Ивановна твердо сказала: «Нет, доченька, школу ты не бросишь. Как-нибудь проживем». Женя продолжала учиться, работала только летом — вместе с братом и сестрой в пригородном совхозе собирала ягоды. Как-никак — тоже помощь.

После 8-го класса Женя Крутова поступила на курсы стенографии и машинописи, одновременно занималась в местном аэроклубе. И на курсах и в аэроклубе дела шли хорошо. Женя никак не могла решить, кем же ей все-таки стать — стенографисткой или летчицей. В июле 1937 года почти одновременно она получила два свидетельства. Решение к этому времени уже укрепилось: буду летать! Как отличницу, аэроклуб направил Крутову в летную школу Осоавиахима. Через три года летчик-инструктор Крутова вернулась в Чебоксарский аэроклуб обучать учлетов.

18 августа 1940 года о ней писала газета «Красная Чувашия»: «С исключительной энергией взялась молодая летчица за важное и ответственное дело — подготовку пилотов».

Работа летчика-инструктора требует выдержки, упорства, отличного знания дела, так как учлет в воздухе всегда старается копировать инструктора. Многие учлеты удивлялись мастерству и хладнокровию,

с каким эта девушка делала сложные фигуры высшего пилотажа.

Четырнадцать человек научила Крутова летному искусству. Для двадцатилетней — это немало. По качеству выпуска курсантов она заняла второе место в аэроклубе. Три человека из семи последнего выпуска сдали зачеты по технике пилотирования на «отлично», четверо — на «хорошо».

Летом 41-го она снова сделала выбор — фронт! Правда, никто ее туда не приглашал, и более того, на рапорты об отправке на фронт Женя получила только отказы.

Появлению Крутовой в Энгельсе предшествовал такой разговор с начальником Чебоксарского аэроклуба:

— Летчик-инструктор Крутова по вашему приказанию прибыла.

— Проходите. Шумим, значит? — начальник говорил строго, на Женю не смотрел.

— Не понимаю вас,— Крутова вопросительно посмотрела на собеседника.

— Это уже какой по счету рапорт? И все одно и то же: прошу отправить на фронт! Вы что думаете, мне не хочется туда? — Начальник достал папиросу, чиркнул спичкой.— У нас здесь тоже фронт. Поймите, что дело, которое мы с вами делаем, тоже нужное, необходимое. Вы сколько уже выпустили летчиков?

— Четырнадцать.

— Видите, четырнадцать человек благодаря вам получили крылья и теперь сражаются с врагом. А сколько вы еще можете выпустить, вы одна?

— Я все понимаю. И тем не менее еще раз прошу вас отправить меня на фронт. Не могу сидеть здесь в тылу, молодая, здоровая, умеющая летать... Не могу!

— Значит, очень хотите на фронт? — впервые за весь разговор начальник улыбнулся.

— Да, хочу.

— Ну, что ж, не буду задерживать. Читайте...

«...Летчика-инструктора Евгению Крутову освободить от занимаемой должности и направить в распоряжение Героя Советского Союза майора М. М. Расковой».

...Женя бежала домой не чуя под собою ног. По

пути свернула к Волге. Села на берегу на гладкий черный валун, стала смотреть на речные волны, пересыпая в руках гальку. Простор, безостановочное движение могучей массы воды всегда успокаивали ее, придавали бодрость и уверенность. Женя посидела на любимом месте, вспоминая все, что было интересного в жизни, подумала о матери, о доме, стало грустно.

— Еду, Волга, еду! — сказала она громко.

Для Жени Рудневой было удачей, что ее назначили в экипаж опытной, волевой летчицы. Женя хорошо усвоила знания, которая давала летная школа, но к летной практике никакого отношения не имела. А Крутова была практик, к тому же умела хорошо учить, тренировать новичков. Женя Руднева, прожившая все свои двадцать лет единственною дочерью в благополучной семье, особых трудностей никогда не испытывала, всегда была поглощена учебой, сначала школьными, потом университетскими делами. С первых дней жизни в Энгельсе она инстинктивно тянулась к таким энергичным, уже повидавшим жизнь девушкам, как Крутова, и теперь была довольна, что постоянно будет рядом с более опытным человеком. Всего вернее, это чувство было неосознанным.

Крутова и Руднева дополняли и взаимно воспитывали друг друга. Под влиянием своей летчицы Женя Руднева стала приобретать армейский вид, необходимую в армии расторопность и подтянутость, веру в себя. Крутова очень скоро поняла, что судьба свела ее с незаурядным человеком, человеком прекрасной души и обширных знаний.

«Мои дорогие,— писала Женя Руднева родителям,— здесь для меня большой радостью является дружба с Женей, я вам о ней писала. Характер у нее чудесный. Мне с ней очень хорошо; если приходится идти в столовую одной, я скучаю. А на работе мы почти всегда вместе, на занятиях тоже, так как она является моим непосредственным командиром...»

В свою очередь Крутова — о Жене Рудневой:

«Рядом со мной сидит мой штурман Женя Руднева. Она училась в Московском университете — будущий астроном. Мы с ней родились в один год, в один месяц, только я на 8 часов старше ее. Зашел разговор

о реактивных снарядах — как она много знает, помнит. И не только в механике — в жизни, в литературе. А ведь в литературе я считала себя особенно сильной. Но после разговоров с Женей чувствуешь себя такой невежественной, отсталой и некультурной, даже глупой. Как обидно, что я так мало училась, так мало знаю! Как жестоко несправедлива жизнь — ведь могла бы и я знать столько же! Тут же вспомнила о тебе, Сашка. Учись, учись во что бы то ни стало! Учись, пока есть свежие силы, пока не затвердел мозг».

«МЫ-ПОЛК НОЧНЫХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ»

В последних числах декабря сводки Совинформбюро продолжали радовать вестями о продолжающемся наступлении Красной Армии под Москвой, о тысячах немецких пленных, о больших трофеях. Поэтому настроение у девушек в Энгельсе было предновогоднее. Готовили концерт и прихорашивались.

...Как все, казалось, было давным-давно, хотя прошло всего лишь два с половиной месяца. Каким тихим, уютным и домашним был этот праздник в их двух комнатках в Лосиноостровской. Неторопливо, напевая под нос, Женя наряжает елку, кошка трется о ноги, громко тикают ходики. Надо сбегать на кухню, посмотреть на тесто, как оно смешно выползает из кастрюли, лихо сдвинув крышку набекрень. А потом придут гости — тетя и дядя. Посидят за столом (дядя выпьет чуть больше, чем другие), разговорятся, после последнего удара кремлевских курантов чокнутся и пожелают друг другу здоровья. Ей отдельно — большой удачи в жизни, исполнения желаний (положа руку на сердце: желания пока исполняются исправно) и чтобы всегда была радостная и веселая. Она большей частью и была веселая. Конечно, иногда хандрила, но, кажется, этого никто не видел. А потом в свою теплую постель; кошка запрыгнет тут же, приятно придавит ноги и, довольная, заурчит. Как все это было мирно! А теперь...

К новогоднему вечеру готовились основательно. После занятий, в те немногие минуты «личного времени», которое остается перед сном, расчистив центр своей казармы, репетировали русские пляски и акробатические номера. Нашли гармониста. Он смущался оттого, что попал в девичью спальню, но когда начинал играть — смущение забывалось. Плясали, партнерши сердились друг на друга, но не очень серьезно.

А Женя, закрыв уши ладонями, сидела на своей койке и заучивала стихи Некрасова.

На вечере 31-го после аплодисментов ей вспомнилась Салтыковская школа, драмкружок, «Майская ночь, или утопленница», в которой она играла свояченицу. Все было почти так же, как тогда. Наибольший успех достался объединенному хору летчиц и штурманов, в котором запевала Женина, теперь неразлучная подруга — Женя Крутова.

Звонко и смело на мотив «Потеряла я колечко» она начала:

Волга-Волга, мать родная,
Волга-матушка река...

Летчицы подхватили:

А быть может, не река?
В самом деле не река?..

Тут вступили девушки-штурманы:

Ну, конечно, не река,
А большой ориентир.

И летчицы удивленно откликнулись:

Да-а-а?!

Зрители хлопали, топали и стонали в восторге: все это близко и понятно. Для начинающих летчиц и штурманов Волга действительно была главным ориентиром, ее часто ждали с надеждой; а обнаружив, успокаивались: можно «танцевать от Волги».

Исполнительницы раскраснелись от удовольствия, разом поклонились и убежали.

В полночь, уже лежа в постелях, когда раздался бой кремлевских курантов, троекратно дружно прокричали: «Ура!», высунули из-под одеял руки и подняли воображаемые бокалы с шампанским. А потом быстро, от койки к койке, полетели новогодние пожелания:

— Увидеть нашу Победу!

— Получить три ордена!

— Выйти замуж на следующий день после Победы!

— Не получить ни одного ранения, а получить по возможности больше орденов!

— Стать штурманом почти таким же, как Раскова!

— Не ведать печали!

— Повидать маму!

— С Новым годом, девочки, и хватит — гашу свет,— сказала дежурная по части.

Приятно засыпать, зная, что в углу стоит елка, не такая нарядная, как дома,— игрушки самодельные, из бумаги, фольги и картона, нет ни свечей, ни лампочек,— но если повернуть голову, то увидишь ее, чуть поблескивающую серебряными бумажками в лунном свете, и становится тепло на душе, как в детстве.

Утром первого спали дольше обычного, а когда проснулись, в комнату вошла комиссар сборов Евдокия Яковлевна Рачкевич; в руках у нее был чемоданчик:

— Деда Мороза вызывали?

— Вызывали, вызывали!

— Тогда за подарками в одну шеренгу становись!..

Евдокия Яковлевна села за стол, ее окружили, с любопытством разглядывали таинственный чемодан. Весть о Деде Морозе мгновенно долетела до умывальной комнаты, и оттуда, утираясь на ходу, а то и с зубной щеткой во рту, прибежали недомывшиеся.

В чемоданчике для каждой был подарок: платочки, воротнички, мыло, одеколон. Евдокия Яковлевна, чуть приподняв крышку, для пущей таинственности, просовывала внутрь руку, доставала сверток и, помедлив, громко называла фамилию девушки, которой он предназначался. Свои и чужие подарки рассматривали, нюхали... Скромному платочку, куску мыла радовались так, как не радовались новому платью или пальто, подаренным родителями в мирные дни.

Первого января занятий не было. Отдыхали с наслаждением, неторопливо гуляли по улицам городка, как по аллеям дома отдыха, читали, лежа в постели, после обеда спали.

Второго начался рабочий день.

В разгаре была зима. Загуляли по Среднему Поволжью жестокие бураны. Усложнились тренировочные полеты. Резкие порывы ветра сбивали самолет с курса, снежная вакханалия скрывала наземные ориентиры. Появились новые заботы...

Среди ночи отчаянно завыла сирена. Женя вско-

чила, села, еще не понимая, где она находится,— только что снился университет...

— Тревога, тревога! — крикнула дежурная, включила свет.— Крепить самолеты!

В спешке одевались, пуговицы не лезли в петли, ноги не попадали в унты.

— Скорее, девочки, скорее,— торопила комиссар Рачкевич,— буран машины унесет.

Только заснули, так хорошо согрелись, а тут на холод, в самую пургу.

На дворе свистит, сметает с крыши снег рассвирепевшая вьюга, знакомые предметы исчезли, дороги больше нет. Повернешься лицом к ветру,— глаза залепляет снегом, на носу и щеках нарастает морозная корка. Надо идти всем вместе, только рядом, достаточно отстать от группы на пять шагов, и уже никого не видно. Лучше всего держаться за куртку идущей впереди. Знакомые места, ходили здесь сотню раз, а теперь приходится двигаться по компасу. Впереди кто-то останавливается — останавливаются и остальные,— укрыв компас в перчатках, определяет направление. Пошли дальше. Вдруг крик: «Стойте, подождите, потеряла валенок!» Валенок найден, нагнув головы, идут дальше.

Самолеты увидели, когда подошли чуть ли не вплотную. И появились очень вовремя. Пурга не собиралась утихать, ярилась пуще, набирала силу. Легкие самолеты трепетали, вздрагивали, как в ознобе под порывами ветра, готовые сорваться и улететь в степь без летчика и штурмана.

— А ну взяли, девушки,— громко скомандовала комиссар и начала подтягивать тросом плоскость машины.

Пять часов пришлось стоять около самолетов, удерживать за плоскости. За это время ветер несколько раз ослабевал и вновь начинал реветь, пытаясь вырвать машины из рук.

«Ну вот, кажется, кончается,— утешала себя Женя,— нос, наверное, уже отмерз, совсем не чувствую». Пользуясь недолгой передышкой, она терла нос, щеки, лицо постепенно оживало, и тут налетал новый снежный заряд, бил ледяными колючками в глаза, увлекал за собою самолет. «Неужели не удержим? Хоть бы потише». От стоянки к стоянке переходили

Евдокия Яковлевна и инженер Софья Озеркова. Так они ходили все пять часов подряд, двигались по полю еле заметные лучики карманых фонариков.

К утру буран выдохся. Девушки все еще держали за крылья свои машины, не веря, что ветер утих совсем. Прошло 15 минут, еще 10 — вьюга где-то затаилась, теперь, видать, надолго. Стало светать. Все машины стояли на месте невредимые.

— Что ж,— первое испытание перед фронтом,— сказала, едва передвигая ноги, Рачкевич.— А сколько их еще впереди, да и не таких, а пострашнее.

Утром в шесть часов будущие штурманы, борясь со сном, уже сидели на занятиях по радиоделу. Сон настойчив, хоть на секунду, а заснешь, и даже увидишь мгновенное видение. Преподаватель — человек молодой и веселый, ему хочется растормошить своих слушательниц. Он выстукивает на ключе смешные фразы, в ответ смеются, лейтенант улыбается. Коли так, коли понимаете и оценили — вот вам еще. Смеются дружнее. Контакт с аудиторией налажен, теперь не спят. Неожиданно лейтенант убыстряет темп передачи, быстрее и быстрее. Штурманы сосредоточенно записывают точки и тире и все же сдаются, в отчаянье откидываются на спинки стульев — на такой скорости принять сообщение могут немногие. А две девушки встают и, загадочно улыбаясь, выходят из класса. На лицах остальных недоумение. Веселый лейтенант смеется, довольный своей выдумкой, повторяет передачу. Теперь смысл фразы доходит до большего числа слушательниц: «Пришел приказ о создании полка легких ночных бомбардировщиков. Кто понял меня, может быть свободной и без шума покинуть класс».

В коридоре уже обнимаются: родился полк, теперь скоро на фронт. Женя тоже поняла смысл фразы, тоже выходит из класса. У нее на шее виснут сразу две подруги.

— Мы — полк легких ночных бомбардировщиков!

— Да здравствуют ПО-2 — гроза фрицев!

— Значит, теперь недолго!

Будущих «ночников» собрали в большом зале школы. Усаживались радостно, шумно и часто поглядывали на дверь. Наконец раздалась команда: «Встать!» Первой вошла Раскова, за ней другие командиры. Как

всегда, Марина Михайловна была подтянута, строга, но на этот раз и заметно торжественна. Приказ о сформировании 588-го полка легких ночных бомбардировщиков она прочитала твердым, уверенным голосом и потом, оторвав взгляд от бумаги, очень искренне сказала:

— От всей души поздравляю вас, девушки! Учились вы хорошо и вправе называться полком. Теперь недолго осталось ждать отправки на фронт, а там предстоит самое трудное, самое главное. Враг должен быть разбит! С этой мыслью мы должны засыпать и с нею просыпаться. Здесь стоят ваши командир и комиссар полка — вы их хорошо знаете.

И это тоже было радостно: не какие-нибудь чужие люди со стороны, а свои — Евдокия Давыдовна Бершанская и Евдокия Яковлевна Рачкевич, которые учили и тренировали будущих бойцов с первых дней подготовки в летной школе.

Командир полка старший лейтенант Бершанская к началу войны имела немалый летный стаж. Начинала она в 1931 году в Батайской школе летчиков ГВФ. Впрочем, школы, в полном смысле слова, тогда еще не было. Школой назывались несколько рядов палаток на неровном пустыре. И никаких самолетов, никаких учебных пособий. Устройство мотора инструктор объяснял главным образом на доске и на пальцах. Вместе с другими курсантами Дуся Бершанская строила здание школы, ангары, подсобные помещения, равняла летное поле. Весной школа получила самолеты. Курсанты буквально дневали и ночевали на поле, любовно изучая техническую новинку того времени — учебные самолеты У-2. Потом начались полеты, непередаваемо увлекательные и чудесные, но пока с инструктором.

И вот, наконец, объявлено: разрешается совершить самостоятельный полет. Утром того дня инструктор Меркулов разъяснил учлетам задачу и в первый полет ушел вместе с техником сам, чтобы лично опробовать самолет, убедиться в его абсолютной исправности.

Приземлившись, инструктор с минуту основательно «погонял» мотор. Потом вылез из кабины, не спе-

ша подошел к курсантам, медленно обвел всех глазами.

— С кого же начнем? Пожалуй ..

Меркулов сделал небольшую паузу, остановил взгляд на Дусе:

— Бершанская, к самолету!

Привычно, но не так быстро, как во время занятий, Дуся поднялась в кабину, тщательно пристегнула ремни. Для сохранения центра тяжести на инструкторское место положили мешок с песком.

— Спокойнее, Бершанская. Все будет в порядке,— сказал Меркулов. Дуся включила мотор, прибавила обороты винту. Инструктор, волнуясь, шел рядом с машиной, держась за нижнюю плоскость. Дан старт. Взревел мотор, самолет, набирая скорость, стремительнее покатился по аэродрому и наконец оторвался от земли.

За спиной — никого! Одна в воздухе! А далеко внизу, задрав головы, за полетом внимательно следят товарищи, инструктор, командир эскадрильи. Самолет мерно рокочет мотором и, послушный воле молодой летчицы, ложится в разворот. Один круг, второй. Дуся старается выполнять фигуры чисто и грамотно. А как хочется дать полный газ и пронестись над самыми головами притихших товарищей. Но уже усвоено правило — без дисциплины в авиации нельзя.

Время полета истекло, пора на посадку. Точно рассчитав, Дуся «притерла» самолет на три точки, зарулила на старт, выключила мотор. Все, как бывало раньше, но на этот раз совершенно самостоятельно!

— Нормально,— сказал инструктор и вполголоса, чтобы слышал только командир эскадрильи, добавил:— Бершанская просто рождена для полетов. У нее врожденный талант летчика.

Кончилось лето, а с ним и напряженные дни учебы. Теперь летчик-инструктор Бершанская сама обучала молодых учлетов, передавала им свое мастерство. Старалась привить любовь к летному делу.

Через два года после окончания школы Евдокию Бершанскую назначили командиром учебного отряда. Здесь проявились ее незаурядные организаторские способности. Из выпуска в выпуск в отряде Бершанской летная работа проходила без единого происшествия, без аварий и поломок. За безаварийную работу и

отличную подготовку летчиков правительство в 1937 году наградило Евдокию Давыдовну орденом «Знак Почета». Награду ей вручил Михаил Иванович Калинин.

В 1939 году Батайскую школу ГВФ преобразовали в военное училище. Бершанскую назначили в отряд специального применения командиром звена. Дислоцировался отряд в станице Пашковская Краснодарского края. В подчинении Бершанской было 35 самолетов, около 60 летчиков и столько же техников.

Звено занималось мирной будничной работой. Приходилось срочно доставлять к тяжелобольному врача, перевозить ценные грузы, почту, опылять и подкармливать посевы. Летать надо было много, в сложных метеоусловиях, садиться на маленьких, ограниченных площадках или просто в поле. Звено зачастую базировалось на разных аэродромах Кубани, что, конечно, затрудняло деятельность его командира. Несмотря на это, Бершанская сумела организовать бесперебойную и безаварийную работу.

В последний год перед войной Евдокия Давыдовна была избрана членом бюро райкома партии и депутатом Краснодарского городского Совета.

Летом 41-го, как и многие другие летчицы, она неоднократно писала рапорты с просьбой отправить ее на фронт. После нескольких категорических отказов неожиданно пришел вызов — отбыть в Энгельс.

Марина Раскова встретила Бершанскую исключительно сердечно. Две молодые женщины-ровесницы с первых дней почувствовали друг к другу симпатию. Именно такая помощница и нужна была Расковой. Скоро Евдокию Давыдовну узнали и полюбили ее ученицы, будущие летчицы и штурманы; она всегда была сдержанна, учила управлять машиной спокойно, терпеливо разъясняла ошибки своих новых учлетов. В ее манере учить чувствовался опытный преподаватель.

Каждую ночь не смолкал гул моторов. Самолеты взлетали и садились, снова взлетали. Шла отработка техники пилотирования. Бершанская проверяла каждую летчицу, определяла степень ее подготовленности. Выяснилось, что большинство ночью никогда не летало, а те, кто летал, имели очень малый налет часов. Надо было приобретать опыт ночного самолетовождения. Евдокия Давыдовна считала, что лучше всего

при этом — практика слепого пилотирования. Так и построили тренировки: летчицы днем учились управлять самолетом, не видя земли, в закрытой кабине, только по приборам. Одна группа отправлялась отдыхать, ее сменяла другая. А Бершанская оставалась на аэродроме. Она летала днем и ночью. У многих не получалась посадка. Тогда Евдокия Давыдовна снова поднималась в воздух и показывала, как нужно быстро и точно исправлять допущенные ошибки. Потом на поле приходили недавно обученные штурманы. Они знали только теорию, которую предстояло подкрепить летной практикой. И с ними тоже занималась Бершанская.

...В один из морозных январских дней к Бершанской подошла майор Раскова.

— Ну, Дусенька,— загадочно улыбаясь, сказала она,— еду в Москву. Может статься, сюрприз тебе привезу...

Когда Раскова вернулась в Энгельс, она сразу же вызвала к себе Бершанскую и без долгих околичностей огорошила новостью:

— Принимай командование полком. Поздравляю!

— Каким полком?

— 588-м легкобомбардировочным. Ночным.

— А-а,— без воодушевления протянула Бершанская.— Это тот, что на учебных тихоходах... «Грозные, боевые ПО-2...»

— Ну, вот и разочарование,— рассмеялась Раскова.— А работа предстоит интересная. Задача полка — оказывать помощь наземным войскам непосредственно на передовой. Хорошая маневренность У-2, неприхотливость в эксплуатации, простота в управлении позволят проводить на нем такие операции, которые недоступны быстроходным и тяжелым машинам. К примеру, бомбежка с малых высот огневых точек противника, его ближних тылов и коммуникаций, разведка. Опасно, но увлекательно. Я не тороплю с ответом. Подумай.

Евдокия Давыдовна согласилась, не раздумывая.

Комиссар полка Евдокия Яковлевна Рачкевич имела за плечами десять лет службы в армии. Еще девчонкой-подростком она помогала красноармейцам

в борьбе с петлюровцами в Бессарабии. После окончания гражданской войны Дуся Рачкевич не порывает дружбы с Красной Армией, помогает пограничникам выслеживать и вылавливать контрабандистов, занимавшихся одновременно разбоем и грабежами в деревнях. Бандиты пригрозили расправой, и, чтобы уберечь девочку от гибели, начальник погранзаставы предложил ей перейти жить на заставу.

И вот Дуся, в один день повзрослевшая, серьезная, собрала дома вещи и объявила родителям:

— Ухожу к пограничникам. И вам будет спокойнее...

Жизнь на границе была напряженной, полной опасностей. Дуся не ловила шпионов, она выполняла скромные обязанности уборщицы, санитарки, прачки. Но чувствовала себя бойцом. На заставе вступила в комсомол, а потом в партию.

С путевкой пограничников юная Дуся Рачкевич приехала в Киев на юридические курсы. Потом она — народный судья в Каменец-Подольске, помощник областного прокурора в Житомире, затем в Проскурове. Ей грозили смертью, но не запугали.

В 1932 году Рачкевич добровольно вступила в Красную Армию и скоро стала инструктором политотдела 1-й Червонно-казачьей дивизии по работе среди семей военнослужащих. А еще через год, как одного из лучших политработников, Евдокию Яковлевну направляют на учебу в Ленинград, в Военно-политическую академию. Первая женщина-слушатель академии с отличием заканчивает ее.

Несколько лет Евдокия Яковлевна читала лекции по основам марксизма-ленинизма в Ленинградском училище связи имени Ленсовета и одновременно готовилась к поступлению в адъюнктуру.

И мечта сбывается! В 1938 году Рачкевич — адъюнкт Военно-политической академии. В ноябре 1941 года она должна была защищать свою кандидатскую диссертацию... Но война спутала все планы, 16 июля Евдокия Яковлевна уехала на фронт на должность комиссара военно-полевого госпиталя. Это были горькие дни отступления. Осенью, однажды ночью посыльный разбудил ее: «Товарищ Рачкевич, вас к начальнику госпиталя...» Опять дорога. Новое назначение. Евдокия Яковлевна Рачкевич становится комис-

саром группы формирования женской авиационной части в городе Энгельсе.

В один из дней в ноябре к нам в казарму вошла невысокая, черноволосая женщина. В петлице две шпалы. Иронически оглядела девчат. Улыбнулась. Не улыбнуться было невозможно: ведь это было в те дни, когда мы только что облачились в армейское обмундирование, большинство из нас походили скорее на персонажей из юмористического журнала, чем на солдат.

— Хорошенький вид, ничего не скажешь! Слушайте, да разве так заворачивают портянки! Километра не пройдешь, свалишься — и ноги в волдырях. Смотрите. Делается это так...

Быстро заложила один конец портянки направо, другой налево, обмотала вокруг ноги, подправила уголок на большом пальце.

— Вот и все. Готово. Теперь хоть на край света можно идти.

— Кто это? — зашуршали среди девушек вопросы.

— Я комиссар, девушки. Вместе будем служить. Зовут меня Евдокия Яковлевна.

— А где вы так наловчились?

— У пограничников. Как-нибудь расскажу... А сейчас вот что... Ходить в таком виде — только срамить армию. Я уже не говорю о том, что не годится ронять достоинство женского пола. Объявляется аврал.

— Война же,— неуверенно произнес кто-то.

— Причем здесь война? А кто сказал, что на войне девушки должны быть похожи на пугала огородные? Нет, так не пойдет!

Она помолчала, присматриваясь к одной из девушек, выглядевшей особенно несуразно.

— А ну-ка подойдите ко мне.

Евдокия Яковлевна начала вертеть, крутить попавшуюся в ее руки девчонку, одернула гимнастерку, затянула потуже ремень, завернула и подколола булавкой галифе.

Мешковатая фигура стала превращаться в ладного, подтянутого солдата.

— Вот так, кажется, лучше.

Удивленные неожиданным превращением, мы захлопали в ладоши. Рачкевич, склонив голову набок, рассматривала свое «произведение».

Комиссар действовала, как мать в большой семье, когда одежда старших переходит к младшим, когда приходится подгонять на юную фигуру широкое пальто или платье. Наверное, тогда и возникло ласковое прозвище, которое заглазно мы дали комиссару: «наша мамочка».

Евдокия Яковлевна вошла в жизнь летчиц и штурманов так легко и незаметно, как будто мы не один год служили вместе. Она хорошо понимала, что многие девушки решительно изменили свою жизнь, впервые покинули надолго родной дом, впервые столкнулись с суровым армейским бытом. Особенно это касалось штурманов, вчерашних студенток. Эту наиболее многочисленную группу в первую очередь и опекала Рачкевич.

«Сейчас, — писала матери Женя Руднева, — (час назад, так как в данный момент я сижу в столовой за ужином, о чем свидетельствуют пятна на бумаге) я показывала нашему комиссару твою фотокарточку, потому что она на тебя похожа — лицом не очень, но манерами, методом работы — она все время напоминает тебя. Хорошо поговорили мы сегодня о будущем, и она всем нам пообещала после войны прийти в гости. Говорит: «Познакомлюсь с вашими родными, с мужьями».— «А у кого мужа нет?» — «Найдем!» Ладно, надеюсь, мамулька, уж тогда ты хороший пирог сделаешь...»

С «нашей мамочкой» мы могли делиться любыми, самыми сокровенными мыслями, переживаниями. Мы доверяли ей все свои тайны.

Начальником штаба полка стала бывшая студентка четвертого курса механико-математического факультета МГУ Ирина Вячеславовна Ракобольская. В октябре 1941 года Ира Ракобольская, член университетского комитета ВЛКСМ, дежурила в комитете, когда позвонили из райкома комсомола и сообщили о наборе комсомолок в авиацию. Она тут же передала телефонограмму на факультеты и сразу же отправилась в ЦК ВЛКСМ. Ее, как хорошую спортсменку, парашютистку, безоговорочно зачислили в формирующуюся авиачасть.

«Меня назначили начальником штаба,— вспоминала

впоследствии Ракобольская.— Командир полка Е. Д. Бершанская ходила с орденом в звании старшего лейтенанта — и меня к ней начальником штаба! Я тогда еще не имела никакого звания, не имела даже представления, что должна делать. Помню, нужно было оформлять аттестации на звания, но, ввиду того, что это делалось впервые, пришлось переписывать их по пять раз. В приказе №1 было зафиксировано, что мы приступили к исполнению обязанностей. Вторым приказом утверждалось распределение по экипажам личного состава и назначение должностных лиц. Вначале мы чувствовали себя неловко: ведь совсем недавно все были на одинаковом положении, а тут вдруг я — командир. Вхожу в комнату — все должны встать, спросить разрешения и т. д. Не сразу удалось мне освоиться в новом положении, и далось это нелегко».

Ракобольскую назначили начальником штаба не случайно. Очень скоро Раскова и Бершанская заметили, что у вчерашней студентки есть несомненный организаторский дар, к тому же учитывался ее прошлый опыт комсомольского работника со стажем.

Бывший инженер Иркутской летной школы Софья Озеркова, талантливый, знающий свое дело специалист, была назначена на должность инженера полка. Она обучала техников прямо у самолета, была очень справедливой и требовательной, не допускала поблажек. Ведь от работы техника на земле зависит надежность машины в полете, а значит, и жизнь пилота и штурмана.

Знающими дело специалистами были инженер полка по вооружению Надежда Стрелкова, инженер по электроспецоборудованию Клавдия Илюшина, штурман полка Софья Бурзаева. Командирами эскадрилий назначили опытных летчиц, немало лет летавших на линиях Гражданского воздушного флота, Серафиму Амосову и Любу Ольховскую.

На первом собрании полковой комсомольской организации комсоргом избрали Ольгу Фетисову, в недавнем прошлом работника ЦК ВЛКСМ; она первой пришла в формируемую женскую авиачасть. Членами бюро стали Женя Руднева, Катя Рябова, Саша Хорошилова, Тоня Худякова, Маша Смирнова, Рая Маздрина.

Полк был сформирован, но учеба продолжалась. Учились летать в лучах прожекторов, осваивали искусство противозенитного маневра, бомбежку с малых высот.

Первое же учебное ночное бомбометание «по фонарям» Женя выполнила «на отлично». Крутова, пользуясь ее указаниями, точно вывела самолет на цель, и цель была «поражена». Выполнение этого задания стоило Жене многих трудов и волнений. Но потом, повторенные десятки раз, приемы становились привычны; вырабатывался автоматизм, необходимый профессионалу.

В самом конце февраля летчицы, штурманы, техники и вооруженцы успешно сдали экзамены по теории и практике. Раскова и Бершанская были удовлетворены. Напряженнейший труд четырех месяцев давал результаты — на их глазах выпускницы аэроклубов превратились в летчиц-ночников, студентки стали штурманами, а девушки, не имевшие представления о боевой технике,— авиамеханиками, вооруженцами. И было похоже, что все они (в большей или меньшей степени, конечно) сделались военными людьми. Научились четко подходить к командирам, обращаться и отвечать по-уставному, а главное — поняли необходимость в армии дисциплины, привыкли выполнять распоряжения.

2 марта пришел приказ о присвоении летчицам и штурманам первых воинских званий. Пока что звания были скромными: сержантские и старшинские. Женя стала старшиной, знаки различия — по четыре треугольника в петлице. В «каптерке» ей выдали восемь треугольников. Пожилой старшина отсчитал их ей в ладонь по одному, взглянул с усмешкой:

— Значит, дочка, мы с тобой теперь сравнялись. А за кубарями когда придешь?

Выдали новое, подогнанное по росту летное обмундирование, хорошо пахнувшее выделанной кожей, какими-то фабричными красителями.

С охапками одежды новоиспеченные сержанты и старшины прибежали к себе в общежитие, и тут началось истинно женское дело — примерка. Сначала в нежно-голубые петлицы ввинтили рубиновые треугольники и «птички», отчего петлицы показались еще привлекательнее. Потом натянули новые гимнастерки

и стали просить подруг, которые были заняты тем же, посмотреть, «как сзади?», и ответить: «Надо тут ушить или нет?»

Женя постаралась ровно посадить в петлице (еле уместила) свои треугольники, надела форму и сапоги, повернулась несколько раз перед зеркалом, в котором можно было увидеть себя только до пояса, и решила, что обмундирование сидит сносно. Но в этом она, пожалуй, заблуждалась.

После того как завершилась экипировка, случилось событие еще более важное: выдали пистолеты «ТТ». Повешанные в кобурах на пояс, они сразу потянули ремень вниз — пришлось затягиваться туже. Штурманы, помимо всего, получили свое особое снаряжение: планшеты с ветрочетами, специальные линейки, карты с маршрутами следования на фронт.

Первые дни после присвоения звания летчицы и штурманы ходили в полной амуниции, подчеркивая свою «военность». В столовой самым популярным местом стал угол, где стояло большое зеркало. Даже Женя Руднева не могла пройти мимо него — останавливалась, чтобы еще раз посмотреть на свои треугольники и кобуру на боку. Она чувствовала, что в душе ее произошла основательная перестройка. Все, что она делала теперь — прокладывала ли курс на карте, чистила ли свое личное оружие, забиралась ли на штурманское место в самолете,— все это было для нее так же естественно, как когда-то работать в обсерватории и записывать лекции любимого профессора.

В новой форме со знаками различия в петлицах девушки поспешили сфотографироваться. Женя послала карточки домой и нескольким самым близким друзьям в Москву.

«Получила ли ты мою мордашку, Идочка? Правда, на злого Бобика похожа? Это уж я постаралась быть серьезной, а то перед этим фотографировалась и вышла маленькой девочкой в военном костюме — такая детская улыбка получилась. Ну вот я и решила, что штурман должен быть серьезным, и немного пересолила... Женя (я тебе о ней писала, это моя летчица) утверждает, что фотограф преувеличил и что на деле я никогда такой серьезной не бываю...»

Женя Крутова была почти права.

Весна не мешкала. Днем, когда над головой в сплошной облачности появлялись прорехи, в них просвечивала голубизна, в них устремлялось солнце, и авиаторам на земле становилось жарко.

Окончательно утвердили состав экипажей, звеньев, эскадрилий. Ждали приказа об отправке на фронт. Он мог прийти со дня на день, и хотелось, чтобы этот день наступил скорее, потому что были уверены в своих силах. Зимнее затишье на фронте подходило к концу, на юге враг снова зашевелился, подбрасывал подкрепления, готовился к весенней кампании. В эти дни Гитлер заявил по немецкому радио, что Россия будет окончательно разбита весной. Русские будто бы одержали успех зимой потому, что стояли трескучие морозы. А весной, летом, когда этого не будет, немецкие танки окружат Москву стальным кольцом, и первомайского парада в Москве больше не будет.

Слышать такое было нестерпимо. Все мы тайно мечтали совершить подвиг. Подвиг (боевой или трудовой) мы привыкли ценить высоко, героев знали, любили, стремились им подражать.

Каждый день теперь мы повторяли подобно чеховским «трем сестрам» («В Москву! В Москву!») — «На фронт! На фронт!» И все ощущали, что долгожданный приказ где-то уже родился и вот-вот придет к нам в Энгельс.

...Объявлена важная и многозначительная весть: сегодня, в ночь на 9 марта, все экипажи вылетают последний раз на учебное бомбометание на полигон.

— Ты представляешь, мой милый звездочет, по фонарям лупим последний раз, значит, в следующий раз уже по фрицам! Ночь сегодня такая ясная, что сможем летать без приборов — валяй по своим звездам! Сможешь по одним звездам? — говорила Женя Крутова своему штурману, войдя в казарму и постукивая у порога сапог о сапог, чтобы сбить на пол последние снежные крошки.

Женя Руднева подняла глаза от книги, улыбаясь, нарочито легкомысленно ответила:

— Смогу, конечно.

— А я не позволю. Понятно? Отставить улыбочки и литературу, не относящуюся к делу. Собирайтесь, товарищ штурман.

— Слушаюсь, товарищ командир.

— Ой, Женя, кажется, дело в шляпе — дня через три на фронт!

Над летным полем небо высокое, с полумесяцем и изобилием звезд. Пока дошагали в толстых комбинезонах и унтах до самолетов, взмокли. Утешались тем, что сейчас заберутся в кабины, поднимутся, а там на высоте да на скорости будет совсем прохладно.

Встаешь на плоскость привычно («Могла ли я предположить еще полгода назад, что садиться в самолет будет для меня совсем обычным делом. Ведь это я летаю!»), переносишь ногу в уютную кабину, опускаешься на сиденье — все как будто на месте. Вот рукоятки бомбосбрасывателя... Мирные шарики, а дернешь — вниз летит смерть.

Крутова запустила мотор, разбег и — уже в воздухе. Совсем не так лихорадочно, как в первые полеты, Женя Руднева следит за курсом. Летчица и штурман негромко напевают: «Там, где пехота не пройдет...» Все отлично, просто чудесно!

Погода резко изменилась при подходе к полигону: не стало звезд, не стало полумесяца, облака спустились совсем низко, повалил снег.

— Следи за курсом. Как идем?

— Слежу. Как будто точно. Помнишь, как летали вслепую под колпаком? Снег за шиворот забивается.

— Пропади он пропадом, твой снег!

Исчез горизонт, нет ни неба, ни земли. Снег покрывает плоскости. Куда летит самолет — могут сказать только приборы, контролировать курс по наземным ориентирам невозможно. Внизу мелькают какие-то огоньки, но выясняется, что это блестят снежинки. А ведь еще несколько минут назад на белом фоне хорошо видны были деревни, рощицы, даже овраги. На сердце тревожно: приборы приборами, но когда не видишь, где небо, где земля... Учили: «верь приборам», но и приборы могут соврать. Только бы не спутать землю с небом...

— Ну как?

— Скоро, три минуты осталось.

«Хорошо, что я с моей Женей, с ней совсем не страшно, почти не страшно», — думает Женя Руднева.

Дошли, отбомбились в расчетное время, но как там внизу — погасли огни или нет,— это тайна.

— Куда угодили, что поразили — знать не можем, сказать не можем,— невесело говорит Крутова.

— Не выполнили мы задания, я уж чувствую.

— Подожди «чувствовать», а вдруг повезло.

— Что ж, так и на фронте будем?

На аэродроме вовсю горели прожектора. Машины садились одна за другой; летчицы в снежных эполетах подходили к озабоченной Бершанской с рапортом. Евдокия Давыдовна считала про себя машины и вслушивалась в далекие звуки. Приехала Раскова и тоже молча стояла на летном поле, тоже считала: «Осталось пять, теперь четыре, три... Три, осталось три...»

Три экипажа на аэродром не вернулись, ждать дольше не имело смысла.

— Возможно, сели где-нибудь в степи,— Раскова сказала это нарочно громко, чтобы слышал «весь ее народ», тревожно и выжидательно смотревший на них с Бершанской.

— Наверное,— согласилась Бершанская.

Из трех исчезнувших ночью экипажей повезло только одному. Летчица Ира Себрова и штурман Руфа Гашева пришли на аэродром залепленные снегом, смертельно усталые, подавленные аварией и одновременно счастливо изумленные своим чудесным спасением. В густом непроглядном снегопаде они потеряли пространственную ориентировку, возникли ложные ощущения — стало казаться, что самолет кренится вправо, но на самом деле крен был левым. Этот обман чувств заставил их пренебречь показаниями приборов. Выправляя якобы правый крен, летчица подала ручку управления влево, увеличился истинный крен, и машина по спирали пошла к земле. Удар был страшным, но ни Ира, ни Руфа практически не пострадали. Ошеломленные, они выбрались из разбитой машины, еще не соображая, как они очутились на земле и почему в состоянии стоять и двигаться. Последнее было совсем неясно — ведь самолет развалился на куски.

После этой аварии Ира и Руфа прошли с полком весь его боевой путь, не раз попадали в отчаянно трудные положения, но везенье не прекращалось. Домой они вернулись Героями Советского Союза.

Утром разыскали Лилю Тармосину, Надю Комогор-

цеву, Аню Малахову, Машу Виноградову. Они точно так же потеряли контроль над пространственным положением, но чуда не произошло. Один самолет лежал на боку, указывая в небо двумя плоскостями, хвост отломился; другой уткнулся носом в небольшой холмик. Снег на скорую руку прикрыл обломки и кровь.

Всех четверых положили в зале Дома культуры. Рядом лежали две белокурые девушки — Лиля и Надя, вместе, как в самолете, темно-русые — Аня и Маша. Бесшумно сменялся почетный караул. Никогда еще за все четыре месяца, проведенных в Энгельсе, у всех сразу не было так тяжело на душе. Никто из девятнадцати-двадцатилетних девчонок еще ни разу не видел смерть своих сверстников. Было известно, что умирают пожилые и старые люди, но ведь девятнадцатилетние бессмертны!

— Не могу представить, что это правда,— тихо сказала Женя Кате Рябовой, выйдя в коридор из зала, где стояла в почетном карауле.— Подумай, как нелепо погибнуть, так и не вылетев на фронт. Ведь они могли бы... Ах! Да что говорить, сколько они могли бы! Помнишь, как нам говорил тот майор из комиссии в Москве: «Вы можете погибнуть, еще не успев сделать ни одного выстрела, не убив ни одного врага». Тогда я не понимала, как это страшно, именно страшно ничего не сделать для нашей победы и погибнуть. А Надя вчера была такая веселая — два письма получила сразу...

— Я у нее вчера выиграла в навигационной зарядке,— печально сказала Катя.

По утрам минут десять-пятнадцать штурманы соревновались в решении навигационных задач с помощью линейки — кто быстрее: это называлось «навигационной зарядкой». Главными соперниками были обычно Катя Рябова и Надя Комогорцева, обе совсем недавно — студентки мехмата МГУ. Соревновались они азартно и упорно, не уступая друг другу титула абсолютной чемпионки полка; успех принадлежал им попеременно.

— А помнишь, как мы ее прорабатывали? — спросила Катя, задумчиво глядя в окно.— И даже кричали, что она позорит весь наш университет. Пересолили мы тогда, что ни говори.

Они вспомнили то собрание, на котором студентки университета «судили» двух своих подруг, гулявших после обеда со знакомыми мальчиками. Одна из «провинившихся» была Надя.

— Как мы тогда на нее накинулись,— с горечью сказала Женя.— Наши первые потери. Одной из наших нет. Когда умер Дельвиг, Пушкин писал в письме кому-то из лицейских друзей: «В наших начали постреливать». Вот и у нас...

Они стояли у окна и старались смотреть только во двор; у обеих на ресницах дрожали слезы.

Катастрофа 9 марта имела для всех нас серьезные последствия. О вылете на фронт 1 апреля 1942 года, как предполагалось раньше, не могло быть речи. Нам самим это было понятно. Учились мы добросовестно, но все же недолго и теперь увидели, что трудным умением летать ночью полностью не овладели. К тому же мнению пришла комиссия Приволжского военного округа. Мы получили программу дополнительной подготовки, рассчитанную еще на два с половиной месяца. И снова тренировки, тренировки, полеты ночью, бомбометание над полигоном.

Весна взялась за дело основательно. Преобладавший повсюду на земле белый цвет исчез — его сменил зеленый. Мелкая живность, замершая, оцепеневшая в холоде, под снегом, зашевелилась, полетела, зажужжала, зазвенела. В мае на аэродроме нас стали нестерпимо донимать комары. Мы старались их игнорировать, но получалось это плохо. Машинально чесали руки, шею и расчесывали кожу до крови. У многих распухли носы и щеки. У Жени Рудневой тоже. Но она стойко переносила это и, когда кто-нибудь сочувствовал ей, говоря: «Женечка, как они тебя отделали!», улыбалась своей неизменной милой улыбкой и отвечала: «Я к ним равнодушна. Вот прошлым летом в совхозе они меня здорово волновали, а теперь я к ним охладела».

С каждым днем комаров становилось больше. Мы смачивали лицо и руки одеколоном, но это не помогало. Разжигали костры — думали испугать их дымом, но ведь не будешь сидеть все время у костра. Однажды все-таки средство противокомариной защиты мы

нашли, правда, только «местного действия», но все же...

— Товарищ командир, — обратилась как-то к командиру звена Жене Крутовой механик Вера Дмитриенко, — объявите химтревогу.

— Это еще зачем?

— От комаров, сил нет!

Женя Крутова рассмеялась и объявила тревогу. Все звено надело противогазы, потом отвернули гофрированные трубки и так продолжали работать. Теперь страдали только руки. В других звеньях поступили так же...

Приказ о вылете на фронт пришел именно тогда, когда мы его ждали. Срок вылета назначался на 23 мая. Мы ликовали, бегали возбужденные, работали увлеченно и даже досадовали, когда приходилось отрываться от дела, чтобы идти в столовую. На аэродроме техники проверяли материальную часть, штурманы засели за изучение маршрута, штаб приводил в порядок документы, без остановки стучала пишущая машинка.

Итак, прошло семь месяцев с того хмурого октябрьского дня, когда мы вошли в Энгельс неровным строем, смешные маленькие фигурки в нахлобученных на нос больших шапках. Теперь мы понимали, что учились не зря, не зря часами просиживали в классах, не зря отрабатывали строевой шаг. Об этом Женя Руднева писала в одном из своих писем: «Идти (на фронт.— *М. Ч.*) с голыми руками и пустой головой только ради того, чтобы идти — на это командование нас не пошлет. Да и не нужны такие люди на фронте. Мы пойдем, чтобы увеличить потери фашистов и завоевать победу. Правда, в первые дни мы думали, что поучимся несколько недель... но наука о том, как успешно бомбить врага, очень сложна».

Утром 23 мая мы последний раз завтракали в столовой летной школы. Курсанты-мужчины поглядывали в сторону некоторых девушек с явной тоской. Что и говорить, хоть и было принято зимой строгое решение до победы не давать волю своим чувствам, но выполнялось оно не слишком тщательно. К тому же молодые летчики о нем ничего не знали, да если бы и знали, то вряд ли приняли бы его всерьез. О предстоящей разлуке догадывался и наш полковой пес

Дружок. Он всегда бежал рядом, когда мы шли строем, поджидал нас на крыльце столовой, пока мы завтракали или обедали, и ждал не напрасно. В то утро он тревожился, повизгивал, даже не доел блинчик с мясом (начинку съесть он все же успел) и бросился вслед за нами.

Солнце царствовало безраздельно, ни одно облачко не решилось запятнать яркую голубизну неба.

Мы выстроились на свежей траве летного поля, в комбинезонах, в портупеях, при оружии, подравнялись и привычно застыли, повинуясь команде «Смирно!». Подошли Раскова, начальник гарнизона полковник Багаев, неизвестные нам командиры. Мы ждали, внутренне собравшись, чтобы, заслышав «Здравствуйте, товарищи!», произнесенные негромко, обычным человеческим тоном, с охотой откликнуться громогласным, принадлежащим всем нам отзывом, в котором теряется твой собственный голос, «Здравия желаем, товарищ...». И дело не в том, что мы формально обменялись приветствиями — мы перебросили друг к другу первые мосты взаимопонимания, мы настроились на общую волну.

Митинг краток. Говорил Багаев, говорили Раскова, Бершанская, Женя Руднева. От волнения Женя порозовела, расстегнула пуговицу на вороте гимнастерки, но тут же спохватилась, что поступает не по уставу:

— Совсем недавно мы съехались сюда, в Энгельс, с разных сторон нашей родной страны. Мы были просто штатские девушки. Многие из нас ни разу в жизни не летали на самолете, мы жили на земле и только восхищались нашими героями-летчиками, которые были для нас идеалом храбрости и мужества. Даже ходить в ногу мы не умели. И вот теперь мы — полк. Нам доверены машины и смертоносное оружие. Все, чему мы научились здесь, наше умение бросать бомбы мы клянемся использовать в борьбе за свободу нашей страны. Каждую бомбу в цель! Для этого мы здесь учились, и теперь наш долг помочь тем, кто вот уже почти год сдерживает натиск озверевших фашистов; тем, кто отстоял нашу дорогую Москву. Мы должны встать на место убитых...

Я слушаю ее несильный голос и снова чувствую: как симпатична мне эта добрая и нежная девушка,

чувствую, что говорит она очень искренне, ни одного фальшивого слова, и то, что говорит она,— это и мои мысли.

Женя замолчала, взглянула на Бершанскую и неожиданно мягко улыбнулась.

Звучит команда: «По самолетам!»

До чего же весело бежать по траве к своей машине.

НЕОБЫЧНОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Полк летел на Южный фронт. Звено за звеном проходило в небе, по зеленой земле скользили тени, ПО-2 равномерно и долго гудели в воздухе. Женщины, работавшие на полях, прикрыв ладонью глаза от света, смотрели на маленькие самолетики, не ведая, что летят бомбардировщики. Степь было видно далеко и вправо и влево, солнце еще не успело сжечь ее, не успело утвердить бурое единообразие, и всякий цветок пока еще был самим собой: красным, голубым или желтым.

— У нас в Лосинке,— заговорила Женя,— в мае я каждое воскресенье собирала большой букет, а мама всякий раз восхищалась, все не могла понять, где я нахожу столько разных цветов. Она в лес ходит редко, почти совсем не ходит и думает, что там только трава да деревья. Я больше всего люблю незабудки, особенно когда их много. Они в сырых местах растут, где-нибудь около болотца или просто в низине. Соберешь только одних незабудок, и так замечательно получается.

— Эй, штурман, возвращайся с земли на небо, взгляни, как там идут ведомые,— сказала в переговорное устройство Женя Крутова, которая командовала звеном.

— Все в порядке, здорово идут,— от удовольствия, которое доставлял ей полет, Женя засмеялась, в стеклах ее больших очков сверкнуло солнце.— Ты ощущаешь, что мы летим на фронт? Внизу так хорошо, так мирно, даже не верится, что война совсем близко. Правда?

— Отсюда до фронта 200—250 километров.

Через полтора часа один за другим легкие бипланы пошли на посадку. Сели на луг возле небольшого хутора. Летчики и штурманы попрыгали с плоскостей на землю и побежали к командирской машине, на ко-

торой летели Раскова и Бершанская. Обе летчицы стояли рядом и улыбались. По этим улыбкам девушки сразу поняли, что первый перелет прошел организованно.

— Ну, как себя чувствуете на пути к боевой славе?— спросила окруживших ее девушек Раскова.

— Здорово, товарищ майор!

— На большой!

— Летели, как на параде, правда?

— Подождите хвастать — это еще не самое трудное из того, что нам предстоит,— заметила Бершанская.

— Сегодня здесь переночуем, а завтра утром дальше,— объявила Раскова.— Передохните, скоро будем обедать.

— Да мы не устали,— хором возразили девушки.

Полет — вещь прекрасная, но после того, как просидишь почти неподвижно полтора часа в тесной штурманской кабине, так хорошо размять ноги, пройти по твердой земле, да еще среди цветов. А еще лучше лечь в эти цветы и тихо полежать, глядя в небо.

Полежать в траве и подумать Жене не удалось — из хутора набежали мальчишки и девчонки, принесли букеты сирени, окружили самолеты. Самые смелые полезли на плоскости, стали разглядывать и расспрашивать «тетенек-летчиц».

К Жене подбежала худенькая большеглазая девочка, присела рядом на корточки и молча протянула цветы.

«Вот умница. Только ведь я этого вовсе не заслужила»,— улыбнулась Женя.

Она взяла букет, встала на колени, чтобы с девочкой быть одного роста, и растроганно поцеловала ее в щеку.

— Спасибо. Как тебя звать?

— Лена,— без смущения ответила девочка.— Вы на фронт летите? Там страшно.

— Ну, все-таки не очень.

— Очень,— убежденно сказала девочка.— Там папу убили.

Женя обняла девочку и крепко прижала к себе.

«Ох, и набросаю я на их проклятые головы! За все, за все и за эту девочку»...

На следующий день перед стартом были поставлены задачи летчицам, штурманы получили от Софьи Бурзаевой, штурмана полка, данные о силе и направлении ветра, заданы высота полета и курс. На картах от пункта к пункту проведена красная линия. Она проходит через Сталинград и упирается в конечную точку маршрута — поселок «Труд горняка». Раскова взмахнула рукой: «По самолетам!»; и снова ПО-2 уходят в небо.

До Сталинграда долетели вполне благополучно, приземлились, заполнили горючим бензобаки, пообедали. Здесь уже нет сомнений, что фронт близко — на аэродроме то и дело садятся боевые машины, люди торопятся, вокруг вырыты траншеи, противотанковые рвы, установлены «ежи».

И вот на последнем отрезке пути, когда казалось, что весь полет прошел благополучно, случилось происшествие, подорвавшее с самого начала репутацию женского полка. Неожиданно быстро оправдалось предостережение Бершанской: «Подождите хвастать...»

Экипажи шли четким строем, строго соблюдая равные интервалы, и благодушествовали, радуясь чистому небу и своему мастерству.

Все выше, выше и выше
Стремим мы полет наших птиц...

Женя Руднева напевала, плохо слыша себя за шумом мотора, и рассматривала карту. Когда она привстала, чтобы лучше разглядеть наземные ориентиры и посмотреть направо, то внезапно почувствовала во всем теле холодную слабость: наперерез курсу с запада неслись истребители. В долю секунды вспомнилось, что в прифронтовой полосе возможны встречи с вражескими самолетами:

— Женя, смотри!

— Думаешь, фашисты?

Сомнений не оставалось: соседнее звено рассыпалось и стало снижаться. Крутова покачала крыльями, предлагая ведомым повторить ее маневр, и пошла над степью на бреющем. На фоне желто-зеленой степи заметить камуфлированные машины было теперь трудно.

«Погибнуть, как те четверо, не долетев до фронта...»

Потом обе Жени признались друг другу, что у каждой мелькнула в тот момент эта мысль.

Истребители с воем унеслись вдаль, сделали боевой разворот и вновь устремились на беззащитные бипланы. Странно было только то, что ни один из них не стрелял.

— Психическая атака! Понимаешь? — крикнула в переговорное устройство Крутова.— А теперь держись — будут расстреливать.

И зло выругалась.

От волнения ни летчица, ни штурман не взглянули на опознавательные знаки истребителей.

Минут через пять из-за горизонта, с той же стороны, выскочила новая стайка истребителей. На этот раз Женя Руднева успела увидеть у них на фюзеляжах красные звезды.

— Ура! Наши! Прогнали гадов,— крикнула она.— Живем, Женечка, давай догонять своих.

— С боевым крещением тебя, штурман.

— И тебя.

Они поднялись выше, догнали свою эскадрилью, ведомые тоже вскоре пристроились сзади.

«Вот и я могла бы не долететь до фронта,— подумала Женя.— Было страшно. Пожалуй, «очень», как сказала девочка. Значит, я боюсь за свою жизнь? Сначала победить страх во что бы то ни стало!»

Но никаких вражеских самолетов не было. Это выяснилось на аэродроме. Под Сталинградом полк встретили истребители, выделенные для его прикрытия. Летчики, зная, что летят необстрелянные «птички», решили проверить их выдержку.

После их «атак» приземление было совсем не таким радостным, как в первый раз. Весть о случившемся разнеслась по всей воздушной армии генерала К. А. Вершинина, остряки получили благодатную пищу для новых шуток...

Поселок «Труд горняка» находится рядом с Краснодоном, в красивой, непохожей на заволжскую степь, местности: поля, перелески, овраги. После ровной пустынной степи, где взгляду не за что зацепиться, было приятно очутиться под деревьями, которые только что обзавелись ярко-зелеными листьями.

Женя сорвала три крепких листочка и, как когда-то в детстве, прилепила на нос и на щеки.

— Вон комполка идет, покажись ей, пусть полюбуется на штурмана,— смеясь сказала Женя Крутова.

— Мы в школе весной все лицо обклеивали листочками. На лоб, на щеки лепили и так бегали по двору. Очень уж здорово они пахнут. Я так люблю весну! Самое лучшее время. Весной, наверное, всюду хорошо, даже в пустыне. Я где-то читала, что весной пустыня тоже расцветает, появляются какие-то маленькие желтые и голубые цветы, цветет колючка и получается даже красиво. Да, «весна была весной даже в городе». Помнишь, как это у Толстого в «Воскресении». А тут: «весна была весной даже на фронте».

— Что-то не очень похоже, что мы долетели до фронта. Ничего не слышно.

— Затишье, должно быть, а вернее всего, дело в ветре. Ветер с востока, вот и не слыхать взрывов.

— Ох, и грамотный у меня штурман! Ладно, хватит лирики, давай маскировать машину.

Самолеты закатили под раскидистые деревья и поставили так, чтобы в любую минуту можно было запустить мотор, вырулить на взлетную площадку и подняться в воздух. Командиры эскадрилий проверили маскировку и остались довольны.

Когда в Энгельсе готовились к отлету на фронт, многие думали, что теперь придется жить в землянках, а может быть даже просто в окопах. Короче, внутренне девушки были готовы принять суровый военный быт. Но полк разместили в беленых, чистых хатах, кровати были застелены свежим бельем, на столах стояли в вазочках цветы. Хозяйки встретили своих постоялиц радушно, говорили по-южному быстро, старались чем возможно услужить необычным «солдатикам», таким красивым, молоденьким, но и, видать, серьезным: в ремнях, с сумками справа и слева, с большими пистолетами.

Обе Жени поселились вместе в совсем небольшой, низкой синевато-белой хатке. В комнате было прохладно, хорошо пахло травами. Над одной из кроватей висела картина, писанная, видимо, местным художником: над синими волнами идет девица в розо-

вом, а за ней плывет белый лебедь, с очень крутой шеей.

— Ну, ты какую койку берешь?— спросила Женю Рудневу Крутова.

— Я тут лягу, а ты, как командир, ложись под картиной.

— Нет, картину уступаю тебе, ты у нас интеллигенция, смотри и наслаждайся.

— Ладно, принимаю твою жертву.

Женя Руднева села на кровать под картиной, стащила свои сапожищи и с удовольствием пошлепала маленькими ступнями по свежевымытому полу.

— До чего же хорошо. Так бы и ходила и в самолете так же летала бы. Знаешь, очень похоже на Бердянск. После войны я тебя обязательно повезу в Бердянск.

Скинув гимнастерки, босиком летчик и штурман вышли во двор, с удовольствием ощутили под ногами теплую землю. Умылись привычно по-солдатски; немного косящая одним глазом хозяйская дочка сосредоточенно и уважительно поливала им из ковша на тонкие незагоревшие под волосами шеи. Потом пообедали и всласть выспались. Но вечером близкая война снова напомнила о себе. Притихшие девушки внимательно слушали Евдокию Яковлевну Рачкевич и других политработников полка — Марию Рунт, Ольгу Фетисову, Ирину Дрягину, Ксению Карпунину. Оперативные сводки за последние дни были неутешительны. Тяжелые бои шли в Донбассе, вражеские войска оккупировали Крым, угроза нависла над Севастополем.

На следующий день утром 588-й полк выстроился на аэродроме, предстояло знакомство с командованием дивизии. Бершанская обошла строй, требовательным взглядом оглядела каждую, негромко приказала подравняться. Отошла в сторону и еще раз оглядела своих девчат: они ей понравились — отутюженные, затянутые, бодрые.

Командир дивизии полковник Дмитрий Дмитриевич Попов прилетел на самолете вместе с Расковой. Широким шагом подошел к шеренге, хмуро выслушал рапорт Бершанской, хмуро поздоровался, молча про-

шел вдоль строя, так же молча осмотрел самолеты, повернулся и пошел назад к своей машине. Раскова и Бершанская недоумевали: все как будто было в порядке, и новые машины, и подтянутый личный состав. Уже у самого самолета, нарочно громко, чтобы слышали девушки, Раскова, стараясь говорить весело, спросила:

— Ну что, товарищ полковник, берете женский полк?

Попов повернулся, чуточку помедлил и кивнул головой:

— Беру. Пришлю план дополнительной тренировки,— ступил на плоскость, солнце сверкнуло в начищенном голенище.

Этот смотр оставил у всех в душе неприятное чувство: понять не могли, что произошло, но видели, что радости прибывшее пополнение у командира дивизии не вызвало.

— Ничего, девочки, не вешать носы. Что ж, недоверие вполне понятно,— сказала Раскова, когда полковник улетел.— Ведь вы — первая женская летная часть, такого еще наша армия не знала. Надо, обязательно надо доказать, что наши женщины могут летать и бить фашистов не хуже «сильного пола». Докажем?

— Докажем!— не очень стройно и не очень уверенно прозвучало в ответ.

— Я верю, мои скромные «ночники», вы еще будете гвардейцами!

Все-таки тогда Расковой не очень-то поверили. Ясно же — утешает.

Позже, несколько месяцев спустя после первого знакомства с полком, командир дивизии признался Евдокии Давыдовне Бершанской:

— Сначала, когда из штаба армии мне сообщили, что дают легкобомбардировочный полк, я обрадовался. А потом узнаю — полк-то женский, целиком из одних женщин. Как это услышал, радость будто рукой сняло — ну и пополнение, лучше уж без него обойтись. Начнутся, думаю, «женские капризы», истерики, еще чего доброго. Приехал, посмотрел и совсем засомневался. Ну куда это годится: молоденькие девчонки, прямо дети некоторые, да еще на этих тихоходах учебных. Вот тебе и бомбардировщики, «ночники»! Что

мне с ними делать? Погубит их сразу фашист, а ты отвечай.

Если учесть, что Попову было уже известно, как полк успел себя «зарекомендовать» — шарахнулся от собственных истребителей,— можно понять его реакцию при первом знакомстве. Да и в самом деле, никогда еще такого не было, чтобы женщины служили в бомбардировочной авиации, и к тому же без единого мужчины, без единого кадрового военного.

Прошло два дня, привыкли к белым хатам, к посиделкам в сумерках у какого-нибудь плетня; привыкли к своим постоялицам хозяйки, громко окликали их по имени от крыльца, иная с гордостью сообщала соседке, что ее Сима командир эскадрильи, на что соседка презрительно отвечала:

— Тю, большая персона! Моя так аж командир звена. В каждой петличке справа и слева по четыре красненьких уголка.

Через два дня провожали Раскову. На прощальном митинге всем было заметно, что Раскова волнуется. Она то опиралась руками о стол, то выпрямлялась, взявшись за ремень... Чувствовалось, что ее тревожила мысль о расставании с полком, который она так долго пестовала, что ей очень не хочется оставлять свой «замечательный народ». Глаза у нее блестели, щеки раскраснелись:

— Не скрою, мне не хотелось бы с вами расставаться, но меня ждет другой женский полк — дневных пикирующих бомбардировщиков, который готовится к отлету на фронт. Я назначена командиром этого полка. Вам, товарищи, предстоят большие дела! Держите высоко знамя своего полка, докажите, что умеете защищать Родину наравне с мужчинами, наравне с вашими братьями! Желаю вам боевой удачи!

На своего кумира девушки смотрели как всегда, с восторгом, и в мыслях была даже растерянность: «Сможем ли мы без нее?»

Раскову провожали до самолета. На прощанье она обняла Бершанскую, что-то ласково шепнула ей на ухо. Встала на крыло, энергично помахала рукой. Ей долго смотрели вслед, не расходились, пока ПО-2 был

еще виден в небе. Не думали мы, что видим ее в последний раз...

Фашисты рвались к Дону — последней водной преграде на пути к Сталинграду и Кавказу. Ожесточенные бои шли в южной части Донецкого бассейна, на реке Миус, на подступах к Таганрогу. Вражеские дивизии устремились к переправе через Дон у станиц Константиновская, Раздорская, Мелеховская. Задача армии, в состав которой вошел полк, состояла в том, чтобы как можно дольше задержать фашистские войска, не дать им переправиться на левый берег Дона, обеспечить планомерный отход советских соединений на новые оборонительные рубежи.

— Прежде чем начинать ночные вылеты, нам нужно как следует узнать район боевых действий,— сказала Бершанская летчицам и штурманам, собравшимся в столовой поселка.— Необходимо тщательно изучить карту. Читать карту нужно уметь на память, уметь воспроизвести в уме весь район, все, что на ней есть: горы, возвышенности, реки, озера, населенные пункты, шоссейные и железные дороги, станции. Запомните все до мелочей, до мельчайших подробностей. Вам предстоит запомнить оперативные данные о переднем крае, запомнить пароль своего приводного маяка на данную ночь, то есть сколько оборотов и в какие промежутки времени он будет давать, чтобы не спутать его с другими маяками, расположенными в районе действия дивизии. Припомните снова технику бомбометания, потренируйтесь в расчетах, проверьте оборудование пилотской и штурманской кабин, бомбосбрасыватели. Готовиться будем серьезно. Видимо, завтра или послезавтра из дивизии прилетят опытные летчики, с которыми каждая из вас слетает за линию фронта, чтобы иметь представление о противнике.

Летчицы и штурманы уселись парами рассматривать и запоминать карты района боев. Техники и прибористы тихо копошились в машинах, зато шумели вооруженцы. Маленькие девчушки тренировались в подтягивании и подвешивании тяжеленных фугасных бомб, покрикивали друг на друга, упрекая в медлительности, громко вскрикивали, когда бомба оказывалась в критической позиции, угрожая шлепнуться на землю.

Опытные летчики из дивизии прибыли на другой день. Они оказались совсем молодыми парнями, но уже с орденами и медалями, что в значительной степени защитило их от девичьего ехидства. На первых порах они разговаривали с «птичками небесными» снисходительно, грубовато, но быстро позабыли о своем «превосходстве» и стали добросовестно учить новых коллег всему, что умели и знали сами. Вместе с ними девушки летали по маршрутам, приучались распознавать с воздуха укрепленные пункты противника, его огневые точки. Осваивали полеты в свете прожекторов, приемы выхода из лучей, из-под «зенитного обстрела».

Наступила очередь Жени Рудневой лететь к линии фронта. Как обычно, она забралась в свою штурманскую кабину, но впереди на этот раз сидела не ее Женечка, а незнакомый летчик. Ночь была светлая, лунная, и различить наземные объекты не составляло труда.

Летчик попался словоохотливый и, видимо, добродушный. Он занимал Женю рассказами о своей жизни на фронте, весело сообщил, как его дважды сбивали.

— Чувствуешь, какой боковик задул? Давай, штурман, учитывай-рассчитывай,— крикнул он в переговорную трубку.— А вот и линия. Прожигай землю взглядом и не дрейфь.

Внизу видна была черная линия траншей. Та же земля, наша советская земля, а хозяйничают на ней враги. Сильно пахнет гарью. «Вот и фронт, вот я и на фронте. Фронтовичка! Притаились, проклятые».

— Ну, как картина? Станцию различаешь — мы ее долбанули тут на днях, да, видать, еще придется. «Эх, раз, еще раз, еще много, много раз...»

«Этим уж теперь займемся мы»,— подумала Женя. Летчик словно угадал ее мысли:

— Теперь это будет ваша работенка. Не знаю только, справитесь ли — все-таки бабы как-никак.

Женю его замечание неприятно резануло, но она никогда не могла ответить резко кому бы то ни было, даже если это было оправдано.

— Какая самонадеянность,— сказала она негромко; за шумом мотора летчик ее слов не расслышал. Весь

обратный путь Женя молчала и думала, как неприятно встречать нетактичных людей, а еще хуже то, что сами эти люди о своей нетактичности не подозревают.

Перед началом боевых вылетов в полку прошло партийно-комсомольское собрание. Оно запомнилось всем особой торжественностью и значительностью. Выступали коротко, но убежденно и даже запальчиво. Это, наверное, потому, что на собрании присутствовал командир дивизии полковник Попов.

— Все, наверное, почувствовали на себе, с каким недоверием относятся к нам в дивизии,— сказала Женя Руднева. — Мы во что бы то ни стало должны, просто обязаны опровергнуть это мнение. Ни слез, ни «охов», ни «ахов» от нас здесь не дождутся.

— Правильно!— закричали с мест.

В резолюции записали: «Партийно-комсомольское собрание требует от коммунистов и комсомольцев своей самоотверженной работой добиться того, чтобы полк стал одним из лучших на Южном фронте».

Услышав текст этой резолюции, командир дивизии усмехнулся, изумленно мотнул головой:

— Ничего себе! Ну, а вообще-то так и надо.

12 июня 1942 года полку в первый раз предстояло показать, на что он способен...

Ночь без луны, без ветра, только звезды разнообразят темень. В природе тишина, тихо на аэродроме. Три машины заправлены еще днем, засветло подвешены бомбы. Женя Руднева стоит на летном поле среди подруг, ждет, когда выйдут с КП комдив, комполка, комиссар, комэски. Время от времени она поглядывает на небо, узнает знакомые созвездия, но они ее сейчас не занимают. Около темных самолетов помигивают, как сказочные болотные огоньки, карманные фонарики неутомимых техников. Полк ждет — предстоит первый боевой вылет.

На поле появляются командиры.

Бершанская летит первой, с ней штурман полка Софья Бурзаева.

— Прежде чем посылать на задание своих людей,

я должна слетать за линию фронта сама,— сказала Евдокия Давыдовна, когда пришел приказ из дивизии

Следом поднимутся в воздух еще два экипажа, командиры эскадрилий Серафима Амосова и Любовь Ольховская, с ними штурманы Лариса Розанова и Вера Тарасова. Пока только три самолета.

В темноте заметны лишь силуэты, по росту, по манерам можно догадаться, кто есть кто. Один силуэт, высокий, прямой, протягивает руку другому, поменьше. Слышен мужской голос:

— Ну что ж, товарищ Бершанская, желаю вам удачно открыть боевой счет полка. Желаю самого большого успеха.

— Спасибо, товарищ полковник.

— Ждем, будем очень ждать.

Силуэт Бершанской стал неразличим.

— Контакт!

— Есть контакт!

Трах-трах-трах. Два, три раза повернулся винт и закружился вовсю — ясно по звуку. Стронулась большая тень, сверкнул бортовой огонек, подрагивая, подпрыгивая, самолет двинулся, и уже ровный шум мотора слышен сверху.

С интервалами в пять минут вылетели комэски.

— А мы завтра,— шепнула Женя Крутова своему штурману и обняла ее за плечи.— Волнуешься?

— Да, за сутки вперед.

Молча стоявшие девушки постепенно разговорились, кое-кто прилег на траву.

— Ну, что, полуночницы, спать хочется?

— Запомни, мы «ночники» — можем летать всю ночь. Комдив услышит, решит, что только полночи можем работать. Опять нам минус.

— Виновата, исправлюсь, товарищ командир.

Полковник Попов ходит по полю взад и вперед, заложив руки за спину. Чувствуется: все происходящее для него необычно. Этих девчонок ему, честно говоря, порою становится жалко. Кажется, что вышли все сроки, и он то и дело поглядывает на светящийся циферблат часов.

Женя сидела на траве, вслушивалась в далекие звуки, пытаясь различить характерный рокот мотора ПО-2.

«Какая теплая ночь. Где-то в Москве мои. Как все это странно: среди ночи, далеко от дома, в двадцати километрах от фронта я сижу без мамы и без папы и дожидаюсь своего командира. Это я, которая по ночам спала, как сурок».

— Летит! — прозвучало радостно. Кто-то, у кого слух самый совершенный, услышал самолет первым. Разговоры прекратились. А шум все нарастал, приближался и вдруг сделался глуше.

— Пошла на посадку.

Дробно застучали шасси на сухой земле, обороты винта стали реже. Постреливая отработавшими газами, к линии предварительного старта медленно подрулил первый самолет.

Ждали молча, никто не кинулся навстречу, хотя и очень хотелось. Сдерживало присутствие командира дивизии, который остался стоять на месте, не шелохнулся.

Наконец послышались шаги, и снова возник знакомый силуэт. За Бершанской шла Соня Бурзаева. Поравнявшись с Поповым, Евдокия Давыдовна вскинула руку к виску, доложила:

— Товарищ полковник, задание выполнено.

Попов протянул ей обе руки. По голосу можно было понять, что он улыбается.

— Поздравляю, от души поздравляю с первым боевым вылетом.

В сердце Жени ликование. Как это прекрасно — строгий и недоверчивый полковник так тепло поздравляет женщину, их командира! Жене очень захотелось захлопать в ладоши, как привыкла в школе и в университете, но вовремя сдержалась.

Бершанская рассказывала не спеша, видимо желая, чтобы каждое ее слово достигло ушей подчиненных.

Фашистские зенитчики обстреляли самолет. Маневрируя по курсу, Евдокия Давыдовна вывела свой ПО-2 к намеченной цели, к штабу врага, и отбомбилась на высоте около 600 метров. Следом за ней сбросил бомбы экипаж Амосовой. Обстрел усилился. На плоскостях появились дыры, их было видно в свете прожекторов, к счастью, ни один осколок не попал в мотор.

Снова возглас:
— Летит!
Вернулись Амосова и Розанова. У них тоже все в порядке, ждут третий экипаж.
И повторяется та ночь, 9 марта.
Ольховскую и Тарасову ждали долго, даже тогда, когда уже по всем расчетам у них должно было иссякнуть горючее. Стало светать, видны лица всех, кто стоит, сидит, лежит на летной площадке. Часто поглядывая на часы, без нужды поправляя сзади гимнастерку под поясом, шагает командир дивизии. Меркнет радость, которую доставили своим появлением два первых экипажа.
— Как ты думаешь, могли они где-нибудь сесть?— тихо спросила Женя Руднева свою летчицу, прижавшись к ее плечу.
— Могли, конечно.
— У наших?
— Хорошо бы.
Полковник останавливается возле Бершанской.
— Надо искать.
Самолеты, летавшие на поиски пропавшего экипажа, вернулись ни с чем...
Женя Руднева и Женя Крутова сидели в своей хатке на кроватях друг перед другом. Можно бы ложиться спать, но спать не хочется, на душе неспокойно.
— Мне все-таки кажется, что Люба и Вера найдутся,— сказала Женя Руднева.
— Эх, Женюра, ведь это война. Забыла разве — мы на фронте.
— Я думаю иногда, что будет с мамой, если я погибну, как она это перенесет — ведь я у нее одна. Вот если тебя кто-то любит или любил и ты тоже любила, то, наверное, и погибать легче. Или хотя бы если есть сын, ну, вообще, ребенок, как у Бершанской. Мне хотелось бы, чтобы дома сейчас у мамы росла моя дочь.
— А я за мальчишку.
— Вот про нас в дивизии говорят: «несерьезная авиация», а гибнут и здесь по-настоящему.
— Да брось ты, еще, может быть, дня через два они объявятся. Сама же говоришь, что не веришь в их

смерть. А вообще-то запомни: на войне без потерь не бывает.

— Это справедливо, но не утешает.

— Потери в рядах противника — хорошее утешение.

Ни через два дня, ни через месяц Люба и Вера в части не появились. Спустя много лет после войны со слов местных жителей удалось восстановить, и то далеко не полную, картину происшедшего в ту ночь.

Люба Ольховская и Вера Тарасова выполнили задание, затем попали в плотный зенитный огонь. Осколками снаряда девушек тяжело ранило. Истекая кровью, Люба Ольховская посадила ПО-2, но выбраться из кабины ни она, ни Вера не смогли. Утром жители поселка «Красный луч» нашли их обеих мертвыми.

На следующий день после завтрака Женя присела на завалинку, положила на колени книгу и принялась за письмо родителям:

«Здравствуйте, мои любимые!

Сегодня восемь месяцев с того времени, как я в армии. А помните, ведь я даже на два месяца полностью никогда из дому не уезжала! Кроме сознания, что я защищаю Родину, мою жизнь здесь скрашивает еще то, что я очень полюбила штурманское дело. Вы, наверное, очень беспокоитесь с тех пор, как я в армии, тем более что теперь вы знаете мою профессию. Но вы не очень смущайтесь: моя Женечка — опытная летчица, мне с ней ничуть не страшно. Ну, а фронтовая обстановка отличается от нашей учебной работы только тем, что иногда стреляют зенитки. Но ведь я тоже, как и вы, хорошо помню бомбежки Москвы — сбить самолет очень трудно. В общем не беспокойтесь. А уж если что и случится, так что ж: вы будете гордиться тем, что ваша дочь летала. Ведь это такое наслаждение — быть в воздухе!

С особенным восторгом я переживала первые полеты. Но не могла поделиться с вами своими чувствами, потому что не хотела вас волновать сообщением о своей профессии. Поэтому и аттестат долго не высылала.

Получили ли вы деньги по нему за июнь?

Пишите подробно, как живете. Прошу, пишите через день.

Целую вас крепенько.

Женя».

Днем стало известно, что в экипаже Крутова — Руднева произошли изменения: Женю Крутову назначили дежурной по части. У Жени Рудневой был такой обескураженный вид, когда она об этом узнала, что ее летчица тоже расстроилась.

— Женечка, да ты прямо сейчас заплачешь,— сказала Крутова.

— Как же я полечу без тебя? Ведь первый боевой, а мы врозь. Мы же с тобой единый экипаж, а тут...

— А мне, думаешь, хочется дежурить?

— Нет, это очень нехорошо, что в первый раз я лечу без тебя. Наделаю еще глупостей...

— Мы с тобой обязательно полетим завтра. Все будет замечательно. Ты же у нас умненькая-разумненькая, а Распопова хороший пилот...

Машина под номером семь на старте. Надо идти. Прежде чем сесть в кабину, Женя вынула из планшета тетрадь, вырвала листок и написала: «Хочу идти в бой коммунистом. Клянусь до последнего дыхания, до последней капли крови громить фашистских оккупантов».

Сложила листок пополам, молча протянула парторгу полка Марии Рунт.

Подсвечивая фонариком, Женя заглянула под плоскости, проверила, как подвешены бомбы — четыре больших железных баклажана, начиненных взрывчаткой, притаились под крыльями. Обошла машину со всех сторон, провела рукой по фюзеляжу, по хвосту.

— Все в порядке, можешь не сомневаться,— сказала за ее спиной техник Саша Радько.— А мотор работает как часы.

— ...с боем.

— Почему «с боем»? — недоуменно спросила Саша.

— «Бой» под плоскостями висит.

— Это точно.

Нина Распопова уже забралась в кабину. Женя быстро устроилась у нее за спиной. «Ну и теснота в моей штурманской светелке».

Во второй кабине, если штурман полностью снаряжен для боевого вылета, повернуться трудно. На боку у штурмана тяжелый пистолет, с другой стороны висят планшет с картой района бомбометания и ветрочет. Когда садишься, все это тоже надо устроить рядом. К тому же в кабине в специальном кармане лежат ракетница и ракеты, их возят, чтобы подсвечивать землю в случае вынужденной посадки. Занимают место ручки управления (на ПО-2 управление дублированное) и трубка переговорного аппарата. И в довершение ко всему штурман берет с собой три САБа (светящаяся авиационная бомба), которыми перед бомбежкой освещает цель. В полете САБы приходится держать на коленях...

— Ну как, готова? — спросила Нина.

Женя пристегнулась привязным ремнем, поспешно ответила:

— Готова, трогай, Нинок...— И тотчас поправилась: — К полету готова, товарищ командир.

Самолет пошел. Подбросил несколько раз на выбоинах, зарокотал громче, рванулся в небо.

«И час настал...» — подумала Женя.

Восемь месяцев она ждала этого дня. Теперь надо бить и бить! Вспомнилось: счастье — это процесс достижения великой цели... Усмехнулась. «Цель» — крупный немецкий штаб — не так уж велика, но поразить ее — все-таки счастье.

Через 12 минут подошли к фронту. Фронт «работал» в полной темноте: то там, то здесь вспыхивали красно-белые всполохи разрывов, тянулись и обрывались светящиеся цепочки трассирующих пуль. Трассы сходились, пересекались, появлялись в новых местах — на запад и на восток летели смертоносные светлячки. Тысячи людей противостояли внизу друг другу.

«Семерка» Распоповой — Рудневой пересекла линию фронта, что шла по реке Миус, незамеченной, дальше все земное укрылось во тьме — фашисты тщательно маскировались. Наземные ориентиры — поселки выделялись еле угадываемыми пятнами. Женя привстала и перегнулась через борт. Ничего не видно! Еще несколько секунд — только бы не сбиться, — мелькнула серая полоса на черном фоне.

— Ура! Вижу проселочную дорогу,— крикнула Женя.

Нина ее не услышала. По переговорной трубке Женя предупредила:

— Внимание, Нинок. Пересекли проселок, подходим.

Теперь до цели — шахта, где разместился фашистский штаб, — осталось три минуты. Это хорошо, что близко — у Нины устали руки. Вести самолет нелегко, так как вся тяжесть бомб передается на руль. Но в то же время «близко» означает, что вот-вот встанут в небе светлые столбы, начнут раскачиваться, потом ударят по самолету, и тут же начнется обстрел.

Они еще не дошли до цели, когда впереди вспыхнула ярко-белая точка и начали бить зенитки.

— Вера повесила САБ, видишь?

— Вижу, Ниночка. Держи курс на цель.

На земле взметнулось пламя, еще и еще раз... Передний экипаж отбомбился.

Осталась минута... Женя облизала губы — хочется пить и чуточку дрожат руки. Приготовила одну светящуюся бомбу, остальные сложила рядом, чтобы не мешали.

— Ну, держись,— произнесла Нина возбужденно.— Сейчас начнут нас искать.

— Боевой курс! — голос у Жени осекся, она откашлялась.

На земле услышали шум их мотора, начался обстрел. Но прожектора не зажигались.

Женя бросает САБ. Внизу, в белом свете,— крыши, черные тени от строений...

— Так, хорошо идем, хорошо,— Женя прицелилась, дернула вытяжные шарики бомбосбрасывателя, ПО-2 вздрогнул...

— За Родину! За Любу, за Веру!

Взрыв, взрыв, взрыв! Бьют зенитки — разрывы над головой, справа, слева. Ах, досада — бомбы легли рядом с целью. Женя высунулась за борт, смотрит. Надо было не все бомбы бросать разом, нужен еще один заход, да не с чем! Над головой хлопнуло, разорвался снаряд. Инстинктивно втянула голову в плечи, в груди на секунду острая тоска.

— Уходим,— говорит Нина.

— Промазала я.

— Ничего, другие добьют.

— А взрывы сильные, правда? Может, куда-нибудь все-таки попала.

Зенитки не затихают. Нина уходит от разрывов «змейкой», как учили в Энгельсе, но тогда этот маневр осваивали без зениток.

— Отверни вправо! — кричит Женя в переговорную трубку.— Еще, еще!

Что-то свистнуло (кажется, над головой) и улетело ввысь. Снова хлопнуло, совсем близко. Сильно пахнет пороховой кислятиной.

«Какие же мы тихоходные. Ну же, быстрее, быстрее, самолетик, миленький!»

А самолет несет их тем временем во весь опор, во всю свою 110-сильную мощь, но больше 130 километров в час он никак дать не может.

Мышцы и нервы напряжены. Теперь все зависит от умения летчицы. Рывок вправо, рывок влево. От резких поворотов в голове будто что-то сдвигается, немного тошнит. Женя молчит, поглядывает на разрывы, теперь они далеко от машины.

— Все, ушли,— облегченно говорит Нина.

— Все-таки мы их пуганули, правда? Это тоже важно. Они уже спать легли, а тут пожалуйста — сыплется с неба. А если так всю ночь, значит, не выспятся, соображать утром будут паршиво, наделают ошибок, какой-нибудь полк не туда зашлют, а наши его накроют. Вот и польза от нас. А прожекторов у них нет, наверное.

В душе ликование, Жене хочется говорить и говорить...

— Первый боевой, я тебя поздравляю, — сказала Нина. — Ну как тебе зенитный огонь? Погано, правда? — И нервно засмеялась.

— Очень противно,— призналась Женя.— А ты молодец — здорово от них уходила. У меня даже голова закружилась, прямо будто сотрясение мозга получила. Смотрю по сторонам и не соображу: где небо, где земля. Замечательную болтанку устроила.

— А сколько мы были под обстрелом?

— Минуты четыре, наверное. Казалось, очень долго. А тебе?

— Мне тоже. Вроде бы плоскости целы.

Возбуждение улеглось, и захотелось помолчать. Женя почувствовала усталость. Если бы можно было вытянуть ноги! Она сдвинула очки на лоб, потерла глаза. Как хорошо в тихой темноте. Таинственно, зеленовато светятся приборы. И вдруг ей представилось, как один из многочисленных осколков, пролетавший совсем недавно мимо самолета, ударил в борт кабины и вонзился ей в бок. Железо с зазубринными краями в беззащитное человеческое тело... Страшно придумано: железо против человека без лат, без кольчуги, какие носили в средние века. Оружие стало совершеннее, и человеку пришлось отказаться от личной брони. И все же он идет против железа, не боится его. На земле, когда бойцы поднимаются в атаку, враг стреляет почти в упор, а они идут. Им труднее, чем нам в небе. Значит, люди крепче железа? Не крепче, но иначе нельзя. Иначе... не будет ничего, ни дома, ни счастья, не будет Родины. Иначе будет рабство, унижение. Испугалась злых твердых осколков? Испугалась. Страшно, конечно, что люди карают друг друга железом, но только какие же они люди, те, кто начали эту войну? Мы им отвечаем тем же, по-другому мы не имеем права, обязаны бить еще сильнее. Где, интересно, воюют теперь мальчишки? Вот бы встретить здесь кого-нибудь из школы или университета! Они — военные с автоматами, и я тоже — с бомбой и пистолетом. А цель, однако, не достигнута, в немецкий штаб не попала. И если счастлива, то лишь потому, что избежала смерти. Но задача не в том, чтобы уцелеть, а в том, чтобы, уцелев, нанести урон врагу...

— Женя, где мы?

— Сейчас, Нинок, сейчас... Фронт перелетели, это точно, но где аэродром... По времени должен быть вот-вот. Ну и темень, ну и маскировочка!

— Ну как?

— Пока не знаю.

Пролетели еще минуту, но ничего не увидели.

— Ну вот, проскочили, — сказала Нина.

— Да, неважнецкий я штурман. Надо поворачивать.

Женя смотрит вниз. Глаза слезятся от ветра — очки она подняла на лоб, так виднее. Что-то мелькнуло, какая-то искорка, нет, это ей кажется.

— Ура! Наш маяк! Он, точно он! Видишь, Нина, видишь его?

Она, штурман, увидела приводной маяк первой — хоть какое-то утешение.

Сели хорошо, но, что заблудились на обратном пути, не давало покоя. По тому, как невесело звучал голос Распоповой, когда она докладывала о выполнении задания, Бершанская поняла: экипаж «семерки» переживает свою промашку.

— Молодцы,— сказала она по своему обыкновению негромко.— Вылет был успешный, и незачем убиваться. Мастерство, всякое, в том числе и летное, приходит с опытом. Поднакопите опыта и будете находить свой полк с закрытыми глазами, одним нюхом. А сейчас выше голову! Все в порядке. Живы и здоровы.

Жене после этого стало немного легче. Когда же к ней подошла Евдокия Яковлевна Рачкевич и обняла ее, неудача стала казаться не такой уж значительной. «Все-таки — я еще мамина дочка»,— подумала Женя.

— Поздравляю тебя, деточка,— сказала Евдокия Яковлевна.— Подышала порохом? Волновалась?

— Волновалась, товарищ комиссар, но чувствовала себя хорошо. Вела ориентировку, следила за воздухом, а цель сразу узнала. Даже сама удивилась. Только промазала я. Так обидно!

— Для первого раза совсем неплохо. Им с земли в тебя попасть трудно, но и с неба точно ударить по цели тоже нелегко. А может, все же и попала куда-нибудь. Даже если в машину...

Женя сделала несколько шагов в сторону Бершанской, чтобы услышать рапорт только что приземлившегося экипажа, и в это время кто-то невидимый и неслышный обхватил ее сзади и «страшным» театральным шепотом проговорил:

— Попался, мой неверный штурман!

— Женечка!

— Пуганула какого-то слабонервного фрица и загордилась. Забыла, что я твой командир.

— Ты, Женюра, ты, только ты!

— Почему не докладываешь, как слетала? Зенитки здорово лупят?

— Мне показалось, что здорово, но бомбить можно, вполне можно. Хотя, конечно, страшновато. А на-

зад шли — так хорошо было, и Сириус сегодня отлично виден, только опозорилась я...

— Самокритика — это вещь! Завтра будешь исправляться.

Следующие вылеты — теперь уже с Женей Крутовой — были спокойнее: зенитки не стреляли и ориентировку она не теряла. Женя тщательно прицеливалась, и две сотни килограммов железа и взрывчатки летели вниз; два раза вспыхивали пожары — это был значительный успех. Возвращались в хорошем настроении. Летчица пела, а когда она замолкала, штурман читала ей в переговорную трубку стихи:

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил...

— Правда, здорово: «Хоры стройные светил»?

— Еще читай, читай дальше,— просила Женя Крутова, завороженная мелодией лермонтовского стиха.

— На земле почитаю, а то залетим куда-нибудь не туда.

...В ночь на 22 июня 1942 года Крутова и Руднева трижды вылетали бомбить фашистов. Дергая шарики бомбодержателя, Женя приговаривала:

— Вот вам, получайте! Год назад, как воры, подкрались к нам,— теперь держите, что заслужили...

Днем почтальон привез в полк полную сумку писем. На долю Жени Рудневой досталось шестнадцать. Никогда еще она не получала так много писем одновременно. Женя устроилась на крыльце столовой, рассортировала конверты по датам отправки и стала распечатывать по очереди.

— Обширная корреспонденция — сразу видно, что имеем дело с профессором, не то, что у меня, скромного сержанта,— притворно вздохнул рядом кто-то из подруг.

— Посмотрите, какое огромное письмище прислал мне мой папочка.— Женя приподняла за кончики большой лист, плотно исписанный с обеих сторон.

— Это тебе простыню прислали, а заодно решили кое-что написать на ней.

— Да нет, просто материальчик на сарафан папочка подкинул. Узнал, что у нас жарко, что паримся в гимнастерках, вот и достал мануфактуру из довоенного сундука.

— А туфли на французском каблучке тебе заодно, случаем, не прислали?

— Вы вот смеетесь, а мама в самом деле жалеет, что я не взяла с собой туфли, спрашивает, в чем я хожу,— улыбнулась Женя.

— Напиши: «В изящных сапожках 41-го размера с загнутыми вверх, по последней моде, носами».

ПУТЬ К СВОИМ

День 22 июня, начавшийся для Жени вполне удачно, закончился огорчением. Экипаж Крутовой — Рудневой снова разделили, Жене предстояло некоторое время летать на задания с Диной Никулиной.

Это назначение Женю испугало. Дина — одна из самых опытных летчиц полка, перед ней нетрудно было и опозориться.

Евдокия Никулина (мы почему-то звали ее Диной) была на четыре года старше Жени. Она родилась на следующий день после Великой Октябрьской революции в многодетной крестьянской семье в деревне под Смоленском. Детство у Дины было трудное, бедное, так как родители ее рано умерли. После школы ФЗО Дина стала лаборанткой на Подольском цементном заводе. В это же время она поступила в Подольский аэроклуб, а уже через несколько месяцев, в 1934 году, вместе с другими работницами подала заявление в комсомольскую организацию завода о направлении ее в летную школу. Сначала все шло удачно. Дина получила направление, приехала в Балашовскую авиационную школу, и тут ей чуть было не пришлось возвращаться назад — не прошла по возрасту, шестнадцатилетних не брали. В конце концов все уладилось, Никулину зачислили на техническое отделение, а через два года она перешла на летное. Потом училась в Батайской летной школе под Ростовом-на-Дону и в 1938 году закончила курс летчиком четвертого разряда.

И вновь Дина оказалась в родных смоленских краях. Выполняла самую различную работу: с воздуха опрыскивала поля ядохимикатами, доставляла срочную почту, перевозила больных.

В день начала войны она с утра летала над полями, занималась подкормкой льна, а когда вернулась

к аэродрому и зашла на посадку, ее с земли обстреляли. Правда, очень скоро огонь прекратился. Первое, что она услышала от подбежавшего техника, было слово «война». С этого момента ее задания стали иными. Никулину посылали в ночную разведку — установить и нанести на карту линию боевого соприкосновения с противником, поручали эвакуацию ценностей, важных бумаг. В октябре 1941 года Дина получила направление в Энгельс.

Среди неопытных летчиц и штурманов, а то вообще непричастных к авиации вчерашних студенток, такие авиаторы, как Никулина, Амосова, Ольховская, выделялись несомненным летным умением. Они были для нас «взрослыми», вызывали уважение, мы их даже немного побаивались. Дину полюбили в полку за радушие, веселость и твердость характера. Она никогда не позволяла себе «раскисать», хотя поводов было предостаточно. В 1941—1942 годах один за другим погибли на фронте три ее брата, письма от сестер, как правило, приходили грустные. Ей очень не хватало родственной поддержки из дома, это чутко заметила ее подруга комэск Сима Амосова и назвала Дину своей сестрой. Мать Симы, Евгения Емельяновна Амосова, стала писать ей письма как своей дочери.

Женю назначили в экипаж к Никулиной временно, однако летать вместе им пришлось долго. Конечно, опытной летчице ее новый штурман вовсе не казался безупречным знатоком аэронавигации.

— Какой же из меня штурман эскадрильи? — недоумевала Женя, когда они с Диной Никулиной вышли с командного пункта, разместившегося в конторе совхоза.

— Во-первых, начальству виднее, а, во-вторых, это значит, что теперь ты должна быть раз в десять внимательнее и собраннее,— ответила Дина и двинулась вперед широкими шагами.

«Опозорюсь, вот тогда будете знать. Даже неудобно как-то. Разве я лучше других?» — думала Женя, с трудом поспевая за своим командиром...

Каждую ночь экипажи 588-го полка вылетали бомбить врага. Делали по два-три вылета. Менялись цели, некоторые были хорошо защищены зенитным огнем, и постепенно девушки стали на опыте узнавать, что

такое массированный артиллерийский обстрел с земли. Экипаж Никулиной — Рудневой не однажды попадал в очень сложные ситуации, но каждый раз мастерское маневрирование летчицы спасало им жизнь. Особенно яростным был обстрел 28 июня 1942 года, когда бомбили станцию Покровскую близ Таганрога. В ту ночь прожектора держали самолет целых три минуты и все три минуты не замолкали зенитки. Три минуты стоял непрекращающийся грохот, снаряды рвались вокруг машины с интервалом в незначительные доли секунды, в нескольких местах уже были пробиты крылья, и следующий снаряд или осколок мог врезаться в кого-нибудь из них — шансов остаться в живых было немного. Но они вернулись на аэродром — молчаливые, смертельно уставшие. Заснуть долго не могли.

В боевом донесении об этом вылете сказано скупо и строго:

«...В ночь на 28 июня 1942 года экипаж Никулиной — Рудневой производил бомбометание по мотомехчастям и живой силе противника в п. Покровское, в результате чего экипаж был обстрелян зенитной артиллерией и схвачен шестью прожекторами. Умелым маневром пилотирования вышли из лучей прожекторов и зенитного обстрела, прямым попаданием поразили цель, вызвав три очага пожара».

И летчицу, и штурмана этот вылет сделал намного опытнее.

А однажды случился диковинный курьез. Дина с Женей вылетели на бомбежку немецкой переправы. Под нижними плоскостями подвешены две стокилограммовые бомбы. Прорвавшись сквозь зенитный огонь, вышли к переправе. Женя тщательно прицелилась и дернула «шарики» бомбосбрасывателя. Внизу блеснула вспышка... Одна. Другая бомба не упала. Сделали второй заход. Женя дернула «шарики» — бомба на месте. Попробовали третий раз — бомба точно когтями вцепилась в плоскость. Стало ясно — отказал бомбосбрасыватель. Не помогли ни крутые пике, ни виражи... Домой возвращались с чувством обреченности. При посадке, когда самолет колесами касается земли, получается толчок... В этот момент бомба может сорваться, тогда — взрыв и неминуемая гибель. Обидно умирать ни за грош, от своей

же бомбы, на своем аэродроме. Женя достала тетрадку и описала, что с ними случилось,— может быть, взрывной волной отбросит тетрадь, ее найдут и прочтут. Неподалеку от аэродрома они встретились с «мессершмиттом». Дина резко спикировала, очереди «мессера» прошли мимо, немец потерял их из виду. Зашли на посадку. Летчица, мобилизовав все свое мастерство, посадила самолет так, что Женя почти не ощутила толчка. Пробег был закончен. Мотор замолк, только продолжает мелькать бесшумно вращающийся винт. Некоторое время Дина и ее штурман сидели неподвижно, еще не веря в спасение. Затем Женя выбралась из кабины, осторожно встала на плоскость, плавно, чтобы не раскачать машину, спрыгнула на землю. Заглянула под крыло — бомбы не было. Решили, что сорвалась, когда шли на посадку.

С рассветом техники, вооруженцы, бойцы БАО (батальона аэродромного обслуживания), а так же Дина с Женей принялись за поиски неразорвавшейся бомбы. Прочесали всю прилегающую к аэродрому местность — бомбы нет, как не бывало. «Куда же она могла провалиться? — спрашивала себя Женя. — Куда?»

И вдруг она увидела колодец.

— Девочки, а если она в колодец... провалилась?

— Да ты что?..

Все же в колодец в бадье опускается с шестом парнишка, солдат из БАО. Техники медленно раскручивают цепь, весело стращают парня:

— Не удержим, искупаешься.

— Плавать-то умеешь? Слышь, Степа?

— Я вам дам! — глухо и тревожно звучит из колодца.

— Сейчас раскрутим и завтракать пойдем. Поднимать не будем.

— Ну зачем так, девочки? — укоризненно говорит Женя.

Техники хохочут. Руки у них в ссадинах и царапинах, но крепкие, удержат, конечно, и вытащат. Им смешно, что Степа боится.

— Без бомбы тащить не будем. Ну как там?

И вдруг снизу доносится:

— Есть! Тут она!

Техники ошеломленно смотрят на Женю:
— Нашел.
— Ты что, целилась?
А Степа тем временем дергает цепь:
— Тащите.
Весь день полк веселится по поводу «удачного» попадания в колодец. Жене не дают прохода, требуют написать заметку в боевой листок, поделиться опытом.
— Значит, ты и Гитлеру в темя попасть сможешь? Хлопни ты его, чтобы не встал.
Женя смеется вместе со всеми, что-то отвечает, обещает прочитать лекцию: «Как попасть бомбой в колодец».
Слух о поразительном случае разносится по дивизии.

Погода нелетная. Трехслойные облака, напитанные влагой, грузно оседают, того и гляди, лягут на землю. Время от времени принимается моросить дождь, негромко шуршит по крыльям, как по крыше.
Мы дремлем под плоскостями, ждем погоды. Облака поднимутся в конце концов, но случится это ближе к рассвету. Ночь — время нашей работы — проходит зря.
Мы томимся от безделья и скуки. Я спрашиваю лежащую неподалеку Женю Рудневу:
— Штурман, когда ты полюбила звезды?
— Не знаю... Наверное, когда увидела впервые...
— Значит, еще в пеленках? — усмехнулся кто-то.
И снова слышен в темноте чуточку певучий голос Жени:
— Смешно, конечно. И вовсе не так... Меня занимало: как вообще человек осознал необъятность звездной Вселенной? Представляется: человек встал на ноги и взял в руки палку, чтобы попробовать дотянуться до звезд. Правда ведь, кажется, они рядом... Астрономия, пожалуй, древнейшая из древнейших наук. Индусы, китайцы, халдеи, египтяне, арабы... Главное из их научного наследия — математика и астрономия. В названиях созвездий — история и мифы. Жила такая царевна в древности. Звали ее Береника.



Женя Руднева. Летом перед поступлением в университет.



В Лосиноостровской лес был недалеко. С тетей Дусей.

Университетская бригада в совхозе осенью 1941 года. В верхнем ряду третья слева — Женя. Во втором ряду первая справа — Катя Рябова, в первом ряду третья слева — Дуся Пасько.



Организатор женских авиационных полков Герой Советского Союза Марина Михайловна Раскова.





Командир 46-го гвардейского Таманского полка Евдокия Давыдовна Бершанская.

Комиссар полка Евдокия Яковлевна Рачкевич.





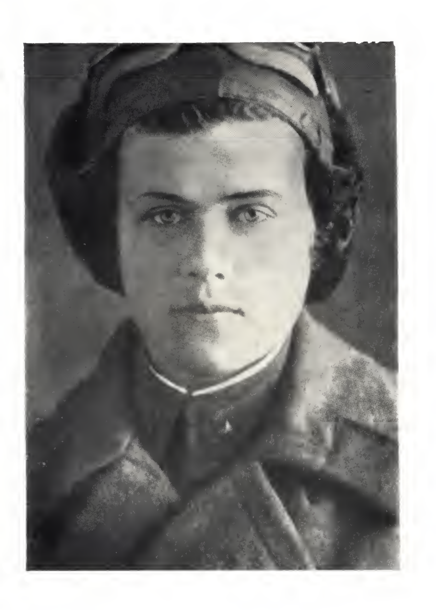
Парторг полка Мария Ивановна Рунт.

Люба Ольховская, командир эскадрильи.



Вера Тарасова, штурман эскадрильи.

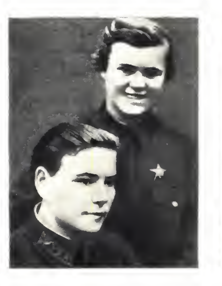
«Старшина фронта» — ПО-2.



Женя — штурман эскадрильи.
Конец 1942 года.

1942 год. Летный состав полка. Четвертая в третьем ряду — Женя, слева от нее — автор книги Марина Чечнева.

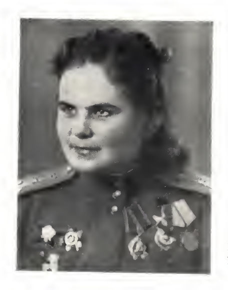
Штурман Глаша (Ира) Каширина (справа) и летчица Маша Никитина.



Женя Руднева и ее первая летчица Женя Крутова. 1942 год.



Герой Советского Союза Евдокия Пасько — университетская подруга Жени.

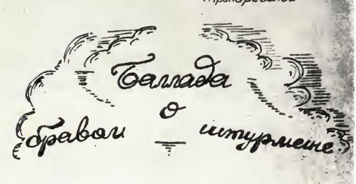


Герой Советского Союза Екатерина Рябова, университетская подруга Жени.

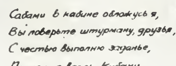


Полк получил гвардейское знамя. Ивановская, июль 1943 года.

Гвардии лейтенант Меклин.
Рисунки гвардии мл. лейтенанта
Тропаревской



Штурман бравый — это буду я
Вы меня послушайте, друзья!
Шум и гам стоит на старте,
Я смотрю маршрут по карте —
Отвезу подарок фрицам я!



Сабами в кабине обложусь я,
Вы поверьте штурману, друзья, —
С честью выполню заданье,
Пролечу я вдоль Кубани,
Переправу в щепки разнесу я!



Прямо вам скажу, ничуть не скрою,
Я давно обижен злой судьбою, —
Я сижу - вокруг листовки,
Словно связан я веревкой,
Шевелить мне трудно головою!

Страницы из литературного журнала эскадрильи гвардии капитана Е. Никулиной «Баллада о бравом штурмане». Написала балладу Наташа Меклин, рисунки — Нади Тропаревской.



Мало кто умел так хорошо смеяться, как Женя. В саду на Кубани.

Слева направо. Ксения Карпунина, Наташа Меклин, Женя Руднева.



На обороте этого снимка, подаренного Дусе Пасько, Женя написала: «Моей Дусе — Женя Руднева. Когда мы вчера, стоя у знамени, держались с тобой за руки, я подумала: «Если бы все пришлось начать сначала, то на вопрос: «Пойдем воевать, Дуся?» ты бы опять ответила: «Пойдем!» 11.VI.43 г.».



Дина Никулина и Женя Руднева, Кубань, 1943 год.

Герои Советского Союза на приеме у командующего Четвертой воздушной армией К. А. Вершинина. Слева направо: Наташа Меклин, Надя Попова, Женя Жигуленко, К. А. Вершинин, Катя Рябова, Ира Себрова.



У памятника Жене Рудневой. Памятник установлен 25 декабря 1975 года на средства пионеров и школьников в г. Керчи возле средней школы № 15.



В 1969 году ветераны полка приехали в Керчь на встречу с пионерами средней школы № 15 имени Жени Рудневой. В президиуме: Лариса Розанова-Литвинова, Зина Радина, Мери Жуковицкая, Тоня Розова.

Ее очень любил фараон. Но вот она неожиданно умерла. Возлюбленный ее был неутешен. Тогда жрец-астроном открыл новое созвездие и назвал его — «Волосы Береники». Легенда. А какая красивая! И сколько их!

Хотелось сказать: «Рассказывай, рассказывай, милая, добрая душа, Женечка! Рассказывай, нам от этого легче».

Может быть, и правда, так чуточку поспокойнее.

— Откуда она все это знает? — спрашивает меня недавно пришедшая в полк молодая летчица.

— Наша Женечка много чего знает, это наш звездочет, наш «ученый муж».

Вдали мелькает луч фонаря — к нам кто-то идет. Над головой раздается голос Иры Ракобольской, начальника штаба:

— Полетов не будет, можно идти спать. Командиры эскадрилий к командиру полка.

Началась горькая пора отступления. Фашисты собрались с силами и попытались окружить всю группировку советских войск, находившуюся в районе Среднего Дона. Войска Южного фронта, глубоко охваченные противником с северо-востока и востока, оказались в тяжелом положении. Ставка приняла решение оставить Донбасс и организовать оборону на левом берегу Дона. Красная Армия отступала с боями. В течение месяца противник выдвинулся в большую излучину Дона, непосредственная угроза нависла над Сталинградом и Северным Кавказом.

Вместе с наземными войсками отступала авиация. Напряжение возрастало. Перед «ночниками» командование поставило задачу: интенсивными бомбовыми ударами по переднему краю противника задерживать его продвижение. Но фронт неумолимо сдвигался к югу, и поэтому чуть ли не каждый день после нескольких боевых вылетов 588-му авиаполку приходилось снова, часто в светлое время, подниматься в небо и, рискуя попасть под удар немецких истребителей, перелетать на новое место базирования. Спать удавалось урывками, два-три часа в сутки, болела голова, от недосыпа у девушек вокруг глаз появились черные круги, молниенос-

ные сновидения посещали чуть ли не на ходу. Хуже стало с питанием. Батальон аэродромного обслуживания едва успевал развернуться, как снова приходил приказ сворачиваться и уходить дальше. Основным блюдом в рационе стала кукуруза. Кукуруза на завтрак, кукуруза на обед, она же на ужин. Когда-то, в мирные дни, эти золотые початки казались такими привлекательными! Идет по пляжу толстая тетка и кричит: «Пшенка, пшенка, горячая пшенка!» Почему-то в Одессе кукурузу называют пшенкой. Лежишь на камнях, разомлев под южным солнцем, и ждешь, когда тетка дойдет до тебя, и чувствуешь неожиданный голод, и представляешь, как возьмешь два, нет, три теплых початка, вотрешь в них соли побольше и будешь вгрызаться в мягкие зерна, а кочерыжку, прежде чем выбросить, хорошенько обсосешь. Теперь же один вид этого деликатеса наводил тоску. Замученные опостылевшей кукурузой, некоторые из нас стали поговаривать о неприкосновенном запасе или бортовом пайке, который выдается каждому экипажу на случай вынужденной посадки. Те, кто желал посягнуть на НЗ, выдвигали, на их взгляд, весьма солидные резоны:

— Вынужденных у нас не бывает, а если и сядем у фрицев и не пробьемся к своим, то все равно живыми не сдадимся. Так что пропадет НЗ. А пока он очень мог бы пригодиться — глядишь, лучше бы фрицев били.

В те летние дни нашего отступления реальной стала опасность вынужденно приземлиться на территории, занятой врагом. На этот случай мы договорились: если отремонтировать мотор невозможно, стреляем в самолет из ракетницы — от ракеты он вспыхивает как бумажный — и пробиваемся через линию фронта к своим. Если придется отстреливаться, то расстрелять все патроны, кроме последнего — последний в себя. Мы знали, что ждет нас в немецком плену, именно нас — девушек, летчиц, коммунисток и комсомолок. Теперь стали историей страшные гитлеровские лагеря для военнопленных, гестаповские кровавые застенки. А тогда, в 1942 году, это было реальностью. Поэтому смерть мы предпочитали плену.

В мае, когда полк прилетел на фронт и нас раз-

местили по хатам, удивленно, даже возмущенно говорили друг другу: «На перинах спим — фронт называется». Но в июле довелось нам, что называется, через край хлебнуть фронтового быта. Где придется спать днем после вылетов, даже предположить не могли. Часто засыпали на краю аэродрома, в высокой траве, расстегнув только ремень и сняв сапоги. Бывало, что спали под плоскостью самолета. Крылья ПО-2 прикрывали нас от дождя и от солнца. Правда, передвигаться за солнцем они не умели, поэтому, время от времени, разбуженные раскаленным зноем, мы переползали в тень и тотчас опять засыпали. В два часа нас будили, кормили ненавистной кукурузой. А потом, случалось, засветло поднимались в воздух либо для того, чтобы установить очертания линии фронта, либо перебросить за несколько десятков километров офицеров связи.

Квартировали и в коровниках, и в овинах, подложив под себя солому. Такие места мы не любили — по ногам шныряли крысы и мыши, девушки вскакивали в ужасе, выбегали наружу и назад уже не возвращались.

Иногда дня на три, на четыре мы задерживались в станицах, снова спали на кроватях, с восторгом рассказывали подругам замечательные сны, которые приснились в мягкой постели. Но приходил срочный приказ перебазироваться, мы поднимались по тревоге, кулаком протирали глаза, привычно укладывались. В такие минуты мы испытывали нестерпимый стыд, на пригорюнившихся станичных женщин старались не смотреть. Особенно больно было слышать вопросы детей:

— Мам, а, мам, они насовсем уезжают? А нас они возьмут с собой?

Мы бросали их, бросали тех, кто принял нас, как родных людей, оставляли их врагу, прославившемуся своей жестокостью. Настроение было отвратительное, злились на себя и оттого часто раздражались. Мы уходили со своей земли, покидали беззащитных детей и теперь могли понять наших товарищей, которые отступали в 41-м. У отступающих солдат появляется чувство обреченности и бессилия. В такой момент очень важно, чтобы это чувство не победило, важно, чтобы верх взяла ненависть к врагу, чтобы сила

этой ненависти удесятерилась. Только это может спасти.

Замысел противника нам был ясен: выйти к Волге, перерезать путь, по которому шла нефть с Кавказа, а потом захватить и сами источники кавказской нефти. Если бы это случилось, наша страна лишилась бы большей части потребляемого топлива, а немцы, постоянно испытывавшие нехватку жидкого горючего, стали бы во много раз сильнее и мобильнее. Об этом нам говорили наш комиссар, парторг, политработники дивизии.

Однажды днем нас выстроили на аэродроме. Вперед вышел начальник штаба дивизии и начал читать приказ Верховного Главнокомандующего, обращенный к войскам Южного фронта. Это был жесткий, требовательный приказ. Главнокомандующий приказывал: «Ни шагу назад!» Мы должны были осознать, что отступать не имеем права.

— Итак, все предельно ясно,— заключил от себя начальник штаба.— Стоять насмерть! Могут, правда, сказать: «Мы, мол, авиация, мы отступаем потому, что отступают наземные части». Это не так. Мы еще плохо помогаем нашим полевым войскам, наши удары часто неточны, враг остается невредим и теснит наши армии. Значит, виноваты и мы, авиация. Значит, приказ касается непосредственно и нас.

После этого приказа мы почувствовали особенно остро, что несем персональную ответственность за судьбу всей Родины. Мы поняли, что воевать вполсилы — значит намеренно пасовать перед врагом, совершать предательство. Впрочем, это не совсем правильно. Новое сознание появилось не автоматически сразу же после того, как мы услышали приказ Сталина, оно рождалось постепенно на партийных и комсомольских собраниях, в беседах с нашим комиссаром. В эти дни озабоченностью и тревогой звучали статьи в газетах.

«Железная воинская дисциплина — основа воинской организации. Без дисциплины не бывает боеспособной армии,— писала «Правда».— Советские воины! Ни шагу назад! — таков зов Родины... Советская страна велика и обильна. Но нет ничего более вредного, как думать, что раз территория СССР обширна, то можно отходить все дальше и дальше, что можно и без пре-

дельного напряжения сил уступать заклятому врагу хотя бы клочок советской земли, что можно оставить тот или иной город, не защищая его до последней капли крови...»

У многих из нас за линией фронта, «под немцем», остались пожилые родители, младшие братья и сестры. Значит, говорили мы себе, если мы позволим фашистам победить себя, отбросить за Урал, мы навсегда разлучимся с близкими, мы оставим их в страшной беде, а сами изведемся тоской и позором.

Мы определенно повзрослели за месяцы отступления. В конце мая, когда к нам в полк во второй или третий раз прилетел командир дивизии полковник Попов, его неприятно поразила нефронтовая обстановка на нашем аэродроме. Около самолетов он не увидел охранения, на траве, уткнувшись носом в землю, беззаботно загорали летчицы и штурманы. Теперь, постоянно находясь в напряжении, мы смеялись над нашей недавней штатской беспечностью. Заметно опытнее стали командиры, научились не терять присутствия духа в сложных ситуациях.

Самой собранной, выдержанной и неутомимой была Евдокия Давыдовна Бершанская. И мы, глядя на нее, слушая ее негромкие, лаконичные распоряжения, успокаивались, меньше суетились и в результате работали намного слаженнее. Именно в эти месяцы, когда фашисты продвигались вперед, ломая нашу оборону (часто случалось, что мы взлетали из-под носа противника), мы научились работать без паники, в считанные минуты собирать полковое имущество, научились маскировать и рассредоточивать самолеты, быстро разбивать старт. В эти месяцы мы по-настоящему учились воевать, успевали тщательно разбирать полеты, анализировать свои ошибки. Отступая к предгорьям Кавказа, полк становился закаленной частью. То, чему мы научились летом 1942 года, помогло нам выдержать все три последующих военных года; приобретенный в это время опыт многим спас позже жизнь.

А враг нас боялся. В августе мы узнали, что фашистское командование пообещало награждать «железным крестом» своих зенитчиков и летчиков за каждый сбитый ночной бомбардировщик ПО-2.

Мы пользовались у врага особой «популярностью». Рядом на таких же машинах воевал братский мужской полк майора Бочарова, но все, что удавалось сделать «братцам», немцы приписывали нам. Слабосильные тихоходы, умеющие повиснуть над целью, превратились для врага в кошмар. «Ночные ведьмы» — так называли нас фашисты — лишали их сна каждую ночь и своими бомбами, и ожиданием бомбежек. Все это повышало наше самоуважение.

Немецкая пропаганда осыпала нас оскорблениями, но оскорбления врага нас не оскорбляли, а над глупыми сказками мы смеялись. Точно так же относились к измышлениям фашистских пропагандистов и в других частях. После войны мне довелось услышать рассказ бывалого фронтового шофера о том, как немцы пытались издеваться в своих листовках над нашей техникой.

«Листок был разделен на две части,— рассказывал он.— Справа изображался лихой немецкий солдат за рулем красивого грузовика. Внизу вторая картинка. Тот же солдат открыл капот — ищет неисправность. Третья картинка: возле неисправного грузовика остановилась аварийная машина, мастера копаются в моторе, ставят новые скаты, а водитель покуривает рядом. На четвертой картинке тот же лихой шофер продолжает путь, радостно улыбается. Слева тоже было четыре рисунка. На первом изображен советский боец в кабине старой полуторки, у которой того гляди отвалятся колеса. На втором он сидит в унынии перед развалившимся грузовиком. Третий рисунок: солдат догадался — кабину, кузов, колеса связал веревками, примотал проволокой. И на последнем — снова наш солдат за баранкой, едет дальше.

Хотели показать свое техническое превосходство, а получилось наоборот: польстили нам. Выходит, что русский солдат смекалистый и технику знает — ведь, в конце концов, он все равно едет на своей полуторке. Хорошо, конечно, когда аварийная выручает, а если по дороге к тебе она попала под бомбу? Что ж, так и сидеть, когда в кузове у тебя снаряды для передовой? Фрицы, видать, сидели и ждали, пока аварийка прикатит. Вот и еще одна причина, почему войну проиграли».

2 августа 1942 года с наступлением темноты маленькие бомбардировщики один за другим с интервалом в пять минут вылетали из хутора Воровского бомбить передний край противника, его укрепления, артиллерийские позиции. Самолеты пробивались сквозь зенитный огонь, бомбили цели и снова шли за грузом бомб.

Второй и третий вылеты оказались намного сложнее первого. Зенитки били так остервенело и так отчаянно мельтешили по небу лучи прожекторов, что начинала кружиться голова. В третий вылет штурман 1-й эскадрильи Женя Руднева сбросила сначала только одну бомбу, прицелиться еще раз не дали зенитки. Тогда мгновенно летчица и штурман приняли решение: уйти в темноту, на территорию противника, зайти с запада, откуда их никак не ждали, и ударить по цели всеми оставшимися бомбами. Так и сделали — маневр блестяще удался. Немецкие зенитчики спохватились, когда на земле взметнулись бело-багровые взрывы.

С момента сброса бомб прошло минут десять. Обстрел хотя и стал менее интенсивным, но не прекращался. По расчетам получалось, что они уже перевалили за линию фронта и летели над своими.

— Пехота сегодня совсем обалдела,— крикнула в переговорную трубку Дина Никулина.

— Не признают. Постараюсь ракетами выяснить отношения!— откликнулась Женя.

Но и несколько белых ракет, прочертивших в черноте ночи крутые дуги, не вразумили наземников.

И тут у Жени мелькнула догадка...

— Дина, это не наши,— сказала она.

— Уже поняла,— мрачно ответила летчица.

«Наши отступили»,— подумала Женя и почувствовала, как неприятно ослабели руки.

Вполне могло быть, что их аэродром занят врагом и теперь немцы поджидают там последние машины полка, чтобы захватить их вместе с экипажами. Кто там сейчас хозяин, без рации не узнаешь, а ведь готовились, сколько сил ушло на радиодело.

— Что предлагаешь?— подала голос Дина.

— Не знаю.

— Ладно, проведем разведку.

— Как?
— Увидишь.

Посадочные огни показались Жене тусклыми, еле заметными, как будто в тумане.

— Будешь садиться?— с тревогой спросила Женя.

Дина не ответила. В тот же миг летчица выключила мотор и машина плавно и бесшумно пошла на снижение. Замерли в различных положениях поршни, и только еще жил пропеллер. Винт пожужжал недолго и тоже застыл. На аэродроме было тихо, и это успокаивало. Сели, как показалось Жене, совсем незаметно, притаились. На всякий случай Женя расстегнула кобуру, потрогала пистолет — ощущение оружия придает уверенность.

Сидели и молчали. В любой момент Дина была готова запустить мотор. Долго ждать не пришлось. Послышались шаги, из темноты знакомый голос спросил:

— Никулина, ты?

— Мы, товарищ командир.

— Все перебазировались на другую точку. Видели, что делается? Ждала только вас. Собирайтесь, даю пять минут, берите техника и за мной.

Столь поспешно менять аэродром приходилось впервые, но к этому были готовы. Заранее уложенное в вещмешке личное имущество, по-солдатски немногочисленное, и самолетные чехлы за пять минут погрузили в фюзеляж, привязали к нижним плоскостям. Взлетели втроем — третьей в кабину к Жене села старший техник эскадрильи Зина Радина.

— Ты тут одна вольготно жила, а теперь мы тебя уплотним,— сказала Зина, забираясь на крыло.

— Новый жилец, да еще с вещами! Без ордера на вселение не пущу,— в тон ей ответила Женя.

— Ордера нет.

— А билет есть?

— И билета нет.

— Ладно, заяц, забирайся, но сиди тихо, а то летчик выбросит тебя на ходу.

Аэродром возле хутора Воровского опустел. Вскоре рассвело. На взлетной площадке остался только один самолет, он стоял у самой дороги, без винта. В эту ночь «десятке» здорово досталось, осколками снаря-

дов побило крылья и фюзеляж, срезало свечу на одном из цилиндров, раскололо лопасть винта. Старший инженер полка Соня Озеркова и техник Глаша Каширина уже заканчивали чинить мотор, и теперь оставалось поставить новый винт — его ждали, привезти обещали винт и летчика, который отогнал бы самолет в тыл для капитального ремонта.

Ждали около часа и напрасно. Мимо по дороге прошли отступавшие части — угрюмые почерневшие лица, на гимнастерках окопная земля, легкораненые хромают, зло сплевывают. Беженцы шли нервно, торопливо и так целеустремленно, будто твердо знали, куда идут.

Соня Озеркова подошла к обочине, собираясь спросить, далеко ли немцы, но ее самою окликнул какой-то командир:

— Эй, девушки, вы что тут загораете? Немец рядом. Уходите сейчас же!

Ничего не оставалось, как сжечь самолет, который они почти вернули к жизни за последние несколько часов.

— Глаша, открывай бензокран,— приказала Озеркова.

— Товарищ инженер, давайте подождем, ну хоть немножечко!

— Вот как раз еще «немножечко», и фрицы будут здесь. Слышала?

Хлопнул выстрел — ракета впечаталась в залитый бензином борт, пламя ухнуло, рванулось вверх. Лучше было отвернуться и не смотреть.

Долго ехали на полуторке, принадлежавшей ПАМу (передвижные авиамастерские), несколько раз попадали в «пробки». Тогда водители, заражаясь один от другого, начинали гудеть, вылезали на подножку и с надеждой смотрели вперед, некоторые забирались на кабины и комментировали происходившие на дороге события. Нервничали, то и дело поглядывали на небо, каждую секунду ждали крика: «Воздух!»

Во время одного из таких стояний Соню и Глашу нашел писарь инженера дивизии и передал его приказ сжечь самолет без винта.

— Не очень же ты торопился. В Воровском, поди, уж немцы,— выговорила писарю Озеркова.

— Оставили?!

— Сами догадались.

В конце концов, пришлось съехать на боковой проселок; машин там было меньше, но и двигаться по нему оказалось совсем нелегко — грузовичок подбрасывало на колдобинах, Глаша и механик из ПАМа с усилием удерживались в кузове, ухватившись за борт. Авария, которую все четверо ждали, случилась к вечеру. Повозившись с полчаса, водитель установил, что лопнул промежуточный валик. Съели по куску хлеба и задремали в кузове.

Найти валик в ближайшем совхозе не удалось; оставалось сжечь и эту автомашину.

— Вот что значит отступление,— горько вздохнула Соня.— Сами губим технику.

— Не от богатства губим, а от нужды,— заметил, как бы оправдываясь, шофер, молодой белобрысый паренек.

— Это-то и страшно,— сказала Озеркова.

Двинулись налегке, невыспавшиеся, голодные.

На шоссе, куда они снова вышли, было совсем тихо и совсем пустынно. Пробки рассосались еще ночью, на асфальте остались следы гусениц, раздавленный навоз, в кювете валялась разбитая фура — видать, задел ее танк или тягач.

— Все прошли, товарищ инженер,— сказала Глаша, оглядываясь.

— Выходит, мы замыкающие, — невесело усмехнулся памовец.

И они пошли по шоссе, не зная точно, где фронт, где свои, где враг. Гул моторов услышали издалека, гремели гусеницы. Они перемахнули через кювет, затаились в кустах. Грохот нарастал, наполняя душу тревогой и тоской. Они лежат совсем на виду, в советской военной форме, со всеми документами, и стоит кому-нибудь из немцев (дай бог, чтобы были не немцы!) заскочить в эти самые кусты...

«Я среди них одна член партии. В плен невозможно. Застрелюсь. Оленька будет сиротой? Если и отец тоже...» Соня закрыла глаза, опустила голову на руки.

Шофер тихонько толкнул ее в бок:

— Гляди, товарищ лейтенант, немцы, так и есть. Задери их...

— Первый раз вижу их живьем,— сказал памовец.

— Лучше бы вовсе не видеть, — проговорила Соня.

Танки шли полным ходом, проплывали огромные страшные кресты, выхлопной чад солярки относило ветром в их сторону. Прогрохотали тягачи с гаубицами, прошли грузовики, полные солдат,— их не заметили. Сидеть в придорожных кустах бессмысленно и небезопасно. У Глаши оказалась карта, по ней решено было двигаться на восток, пробиваться к своим. Первым встал высокий памовец и тут же пригнулся, сел на корточки.

— Ты чего?— спросил шофер.

— Немцы!— прошептал памовец.

Невдалеке, у съезда на проселочную дорогу, стояли два немецких регулировщика с автоматами.

— Заметили?— встревожилась Глаша.

— А шут их знает. Не должны вроде.

— Как же быть? А, товарищ инженер?— спросила Глаша.

— Подожди.

Прошла еще одна колонна машин и танков, наступило затишье. Регулировщики сели на мотоциклы и укатили. Только тогда по одному они перебежали дорогу и зашагали к ближайшей станице. В станице немцев пока еще не было. На улицах мирно бродили куры, женщины неторопливо несли на коромыслах полные ведра, победно кричал петух. Здесь их в одном доме накормили и устроили спать.

Укладывались на полу в сумерки. Мужчины и Глаша заснули в один миг. Соня не спала. В любой момент в станицу могли войти немцы. Найдут спящими, схватят — не успеешь проснуться. До рассвета она боролась со сном, и все же сон победил. К счастью, ночь прошла благополучно.

И день, и два, и три шли по проселкам, сверяясь с картой, расспрашивая встречных о своих и немцах. Самыми осведомленными оказались подростки. Они хорошо знали, где засели враги, где можно было безопасно переночевать, охотно провожали к себе в дом, настойчиво уговаривали мать, деда или бабушку, чтобы пустили, если те боялись и отговаривались теснотой. Питались чем придется и когда удастся. Кто даст кусок хлеба, кто сухарей, иная хозяйка вынесет один-

два огурца, другая подсолнух. Рвали фрукты в колхозных садах, несколько раз добывали на бахчах еще не созревшие арбузы. «Голодали, конечно, но терпимо»,— рассказывала потом Соня Озеркова.

На третий день пути, в сумерках, все четверо вошли в большую станицу. Попробовали устроиться на ночлег в одной, в другой хате — неудачно. Станичники легли спать, свет погасили, выглядывали из окон испуганные спросонья и пустить чужих людей отказывались.

— Ходить по домам бесполезно,— сказала Озеркова.— Да и не стоит, чтоб вся станица о нас знала.

— Точно. Вон наша крыша,— показал рукой на небо шофер.

— Мы ведь фронтовики,— согласилась Соня.

Устроились в огороде за домом, последним из тех, где им отказали. Заодно и поужинали огурцами, луком, морковью.

— Эх, а все-таки голодно,— вздохнул мастер из ПАМ.— Каши с мясом съел бы сейчас котелка два, нет, три, пожалуй. И маслом каким угодно заправляй, хоть тавотом — все одно съем.

— Выходит, нутро у тебя, как у танка, а вот скорость развиваешь мизерную, на малых тянешь,— съязвил шофер.

Памовец обиделся:

— Я человек, меня кормить нужно.

— Верно, Коля, требуй каши и про добавку не забудь. А то совсем разбаловались на кухне, и куда только начальство смотрит,— невинным тоном сказала Глаша, укладываясь спать на соломе, возле небольшого сарайчика.

Утром Озеркова проснулась первой оттого, что на нее кто-то смотрел. Над нею стояла пожилая женщина, глядела грустно.

— Да ты, милая, не бойся, свои мы. Это, значит, вы ночью стучались? А я смотрю — отряд стоит, и сробела. Уж теперь-то вижу: двое девчат да хлопцы. В хату заходите, поди, не емши шагаете.

Насколько неприветливой показалась им хозяйка вечером, в темноте, настолько радушно она повела себя при свете дня. Сварила им картошки, дала хлеба, молока и, самое главное,— предложила переодеться в штатское.

— Не дойдете, нипочем не дойдете, стал быть, так вам нельзя,— приговаривала хозяйка, доставая из сундука брюки, серые косоворотки, юбки. Вещи были ношеные, не раз стиранные, аккуратно залатанные.

Соня и Глаша переоделись (военную форму хозяйка куда-то спешно унесла) и превратились в загорелых станичных девушек. Новая одежда одной Озерковой оказалась совсем впору. Высокому парню-памовцу и брюки, и рубаха были малы. Глядя на него, Глаша прыснула, вспомнила, какими появились девушки в Энгельсе.

— Ты, Николай, уж лучше дальше один иди,— сказал шофер,— а то сам попадешься, и мы через тебя пропадем.

— Да мало ли по станицам таких долговязых недотеп! Придурись маленько — за блаженного сойдешь, — рассудительно сказала хозяйка.

Все расхохотались.

— Ему и придуриваться не надо,— пробормотала под нос Глаша.

— Ну, а как же?! Военная хитрость,— оправдываясь, сказала хозяйка.— Ну идите с богом. А если кто из фрицев спросит: «Кто такие?», — говорите: «С окопов идем». Тут у нас много люда проходило, что окопы рыли. Вот и вы вроде из тех. Ничего, мол, не знаем, идем с окопов.

Теперь идти было спокойнее. Переоделись они вовремя. В тот же день, часа через три, им на дороге повстречались немцы на мотоциклах, посмотрели подозрительно, но задерживать не стали.

— Прямо сердце остановилось,— призналась Глаша.— Забыла совсем, что не в форме. Здорово все-таки я к ней привыкла.

— Рыжий оглянулся даже,— сказал памовец, нервно хихикнув.

— Спасибо, что женщины,— проворчал шофер.— А то в сапогах мы все в одинаковых, армейских, на мысли наводит. Как бы не вернулись, а, товарищ лейтенант? От греха, может, сойдем с большака?

Они свернули в пшеничное поле и долго шли по тропе, часто поглядывая в сторону дороги.

Миновало еще несколько дней. Раз им пришлось ночевать в селе, занятом фашистами. Получилось так

потому, что расспросить по дороге никого не удалось, никто не встретился.

В хате, куда они попросились переночевать, старик сказал, что в станице немцы: небольшой отряд на машинах въехал незадолго до их прихода и расположился в центре станицы.

— Надо уходить,— поднялся первым шофер.

— Подожди, сядь, — приказала Озеркова.— Куда мы пойдем?

— Товарищ лейтенант, лучше уж подальше от них,— попросила Глаша.

Услышав Глашино обращение, старик внимательно посмотрел на Озеркову, видимо, сообразил, в чем дело, но расспрашивать не стал.

— А была — не была!— легкомысленно махнул ручищей памовец.

— Да не в этом дело,— сказала Соня.— Выйдем и в темноте напоремся на их посты. Тогда уж наверняка возьмут. Лучше с рассветом двинемся дальше. Властей немецких у вас тут еще нет, дедушка?

— Откуда им быть? Я ж говорю: до вас часа за два прикатили. По станице прошли, в овчарни, в хаты заглянули, взяли, что надо, и успокоились,— теперь в школе сидят. Пьют-гуляют аль дрыхнут — уж не знаю.

— Может быть, завтра уедут,— предположила Соня.

Хоть и очень устали, но Глаша и Соня спали плохо — ворочались, просыпались, было душно, мешал храп шофера. Среди ночи Озеркова вышла на крыльцо.

Над станицей висела полная луна, звенели неутомимые цикады, изредка вскрикивала какая-то ночная птица. В той стороне, где остановились фашисты, было тихо.

«Прилетели бы сейчас девочки да стукнули по их машинам так, чтобы все здесь остались!— подумала Соня. — Хоть бы десяток уничтожили, все нашим было б легче. Гонят нас немцы, просто гонят и гонят. Когда только мы остановимся?»

Утром, как и предполагала Озеркова, гитлеровцы снялись с места и уехали. Путники простились с дедом, он вышел за ограду их проводить.

— От обувки от вашей бензином попахивает,— ска-

зал он напоследок. — Ну, да, бог даст, вороги не учуют. Это у меня нос больше к скотине приспособлен, а они сами на машинах да на танках. Авось обойдется. Ступайте с миром.

Снова шли по жаре, в пыли. Плохо было с водой — мучила жажда. У шофера настроение вконец испортилось, он ворчал, бранил немцев, бранил и наших за то, что быстро отступают — не догонишь.

«И то верно,— думала Соня Озеркова, — больше сотни километров отмахали, идем уже десятый день, а наших нет и нет. Видно, отходят без боя. В этой степи и закрепиться негде, а немцы наступают на пятки, наседают на плечи. Неужели до самого Кавказа придется идти?»

Долго шагали молча, через каждые 45 минут — через час присаживались передохнуть. Особенно трудно давалась дорога Глаше: в больших сапогах портянки сбивались и натирали ноги. Когда после короткой передышки Озеркова командовала: «Подъем!»— Глаша вставала последней и на лице у нее появлялось ожидание муки. Она стала отставать, шла, облизывая сухие губы, на привалах сразу ложилась в сухую траву, закрывала глаза. Заметив, что Глаша отстала, Соня тоже останавливалась, просила подождать мужчин. Долговязый, обросший бородой памовец садился на корточки и смотрел в землю, будто занятый сложными мыслями. Глядя в сторону приближающейся Глаши, шофер говорил, ни к кому в отдельности не обращаясь:

— Совсем плохая стала девка. Не дойдет, помрет, должно быть. А, Николай?

Николай не отвечал, упорно рассматривал траву и дорожную пыль.

Ни разу не упало ни одной дождевой капли. Солнце пылало ровно, раскаляясь, казалось, с каждым днем все больше: в степи укрыться от него было негде. Изредка попадалось «одиноко стоящее дерево» (так обычно пишут в легенде к топографической карте), и тогда они спешили в его тень, большей частью жидкую, похожую на кружево с крупными светлыми ячеями. В пустом небе слабо посвистывали стрижи, часто с ревом проскакивали на бреющем, будто взявшись за руки, тройки истребителей. Глаша грустно говорила:

— Не наши.

В тот день чуть было не случилась беда. Они сидели на обочине, рассматривали карту и не услышали подъезжавшей повозки — колеса, видать, густо смазали, а подковы в пыли не цокают. Спохватились, когда совсем рядом услышали голоса. Соня Озеркова быстро пригнулась и сунула карту за пазуху, хорошо еще, карта была развернута не целиком. И шофер тоже вовремя сориентировался: не оглядываясь, разломил круг подсолнуха, из которого до этого вылущивал семечки, и роздал по куску остальным. Все четверо принялись усердно выковыривать из гнезд еще белые, недозревшие семена, делая вид, что только тем и были заняты.

В повозке на мешках, свесив ноги через борта, сидели четыре немца, все, кроме возницы, клевали носом.

Завидев на обочине русских, возница сказал о них своим приятелям, те повернули головы, стали смотреть. В тот момент, когда повозка поравнялась с путниками, один солдат неожиданно соскочил на землю, подошел. Глаша нагнула голову, чтобы не смотреть на него, не выдать волнения и ненависти. Шофер тихо выругался.

— Кажись, влипли,— прошептал памовец.

Немец рассматривал их в упор, громко сообщил свои наблюдения остальным солдатам, удалявшимся на повозке. Что-то им крикнул, с повозки ответили сразу двое, он рассмеялся и тяжело побежал за лошадью.

— Шут гороховый,— облегченно сказала Соня.

— Чего это он вылупился на нас?— спросил Николай.

— Вид у нас дикий — все в пыли, ребята обросшие,— сказала Соня.— А как незаметно подкрались! Хорошо еще, громко болтали.

— Выбросить бы эту карту,— неожиданно заявил памовец Николай.

На одиннадцатый день путники остановились на ночлег порознь: Соня и Глаша в одной хате, мужчины — в другой. Хозяева охотнее пускали ночевать двоих, чем четверых. Договорились утром встретиться под деревом у околицы и идти дальше, но мужчины в условленное место не пришли.

Соня и Глаша ждали долго, наконец поднялись с камня и двинулись в путь. Искать своих спутников по хатам они не решились, чтобы не привлечь внимания.

— Товарищ инженер, как вы думаете: это они нарочно или что-нибудь случилось?

— Думаю, сознательно. Хозяйка, может, подходящая попалась, самогоном угостила, вот и решили пожить. Свои, мол, все равно далеко.

— А вдруг насовсем остались? Ведь это дезертирство, правда?

— Конечно. А возможно, просто захотели от нас отделаться. Думают, двоим легче. Ничего, Глашенька, мы и без них выйдем к своим.

— Это из-за меня. Плохой я ходок.

С каждым днем Глаша слабела. Она заболела, и Соня подозревала дизентерию. Техник Глаша Каширина превратилась в маленькую исхудавшую девчушку с больными запавшими глазами. Да и была она еще девочкой — двадцати не исполнилось. Озерковой удалось раздобыть для Глаши кое-какие лекарства, немного ваты и бинтов. Смазывала мазью волдыри и раны у нее на ногах, перебинтовывала ступни, в домах, где они останавливались, варила для нее отвары. Глаша еле-еле брела, на привалах ложилась на траву, впадала в полузабытье. Соня стала бояться за ее жизнь и даже подумывала: не лучше ли оставить Глашу на попеченье какой-нибудь сердобольной станичной женщины. Она сказала о своих мыслях Глаше, но та отрицательно замотала головой:

— Нет, одна я полк потом не найду.

В некоторых домах они слушали радио и знали, что наши войска продолжают отступать и что идти им еще долго. Бывали мгновения, когда Соню охватывало отчаяние, ей казалось, что они участвуют в какой-то нескончаемой погоне за призраками. Иногда в селах им сообщали страшные слухи, будто наша армия на Южном фронте окончательно разбита и фашисты беспрепятственно занимают Кавказ. Такие сообщения действовали угнетающе, но Соня упрямо повторяла про себя: «Чепуха, вранье. Мы догоним своих, другого выхода просто нет».

— Еще недолго, и фронт стабилизируется,— говорила она Глаше и станичникам.— В предгорьях Кавка-

за их остановят. Нефть они не получат, это невозможно.

На шестнадцатый день случилось удивительное событие.

Среди дня Соня и Глаша подошли к овечьему загону и овчарне; овец там не было, их угнали при отступлении.

— Глашенька, живем! Смотри, какой сарай замечательный! Передохнем часок, а там и жара спадет.

Сначала в большой овчарне показалось очень темно. Они постояли несколько секунд, глаза привыкли. Сена внизу было немного, но для них достаточно. Сели, стали устраиваться удобнее и тут же вскочили: в дальнем углу шевельнулось что-то большое. Приглядевшись, увидели лошадь темной масти. Тут же стояла фура.

— Вот так соседство! Значит, и хозяин появится,— сказала Глаша.

— Ничего, полежим немного. Вряд ли это немцы.

Они легли, уставшие ноги и тело сладко заныли. Вдруг с потолка что-то гулко рухнуло. Обе вскочили одновременно. Глаша вскрикнула: со сна ей показалось, что рухнула крыша.

Перед ними стоял человек, счищал с себя сухие травинки и сенную труху.

— Спокойно, девушки, без паники,— сказал человек.

На нем была советская военная форма, пистолет в кобуре, в петлице по шпале. Капитан отряхнулся, поправил гимнастерку, установил на голове пилотку по-уставному, подошел ближе.

— Так. Давайте знакомиться: капитан Муратов. Кто будете, далеко ли путь держите?

— Это ваша лошадь?— спросила Глаша.

— Наша. Кто ж, значит, такие? Как оказались в расположении нашего подразделения? — капитан улыбнулся. В солнечном свете, проникавшем в проем ворот, было различимо его лицо: очень светлые голубые глаза, выступающие скулы, большие усы.

Соня медлила с ответом.

— Бдительность на войне необходима,— сказал капитан серьезно, поняв их состояние. Из нагрудного кармана достал свое удостоверение.

Документы Сони и Глаши он рассматривал долго и придирчиво.

— Ясно, лейтенант Озеркова. Наступаете на своих, а они отступают. Как и мы, значит?

— Вы не один, товарищ капитан?— спросила Соня.

— Мои вооруженные силы сны разглядывают, думают голод обмануть. Ну что ж, лейтенант, вливайтесь со своим отрядом в состав нашей части. Живем мы, сами понимаете, как птицы небесные: жир подкожный, корм подножный.

Для Глаши эта встреча была удачей. Теперь она передвигалась на повозке. Днем отсиживались где-нибудь в хате или в сарае, а ночью ехали. Всего их было шесть человек: Глаша, Соня, капитан и три его бойца.

За четыре дня, вернее, ночи, удалось добраться до Моздока. В городе пока были наши, но его уже готовили к сдаче. День и ночь над Моздоком висели немецкие бомбардировщики. Переждав очередной налет, осыпанные красной кирпичной пылью, они явились в комендатуру.

В пути Соня и Глаша находились двадцать два дня, прошли пешком и проехали в повозке более четырех-сот километров.

В конце августа полк остановился в станице Ассиновской, недалеко от Грозного, в заросшей кустарником долине Терека. Маленькие ПО-2 прекрасно поместились под фруктовыми деревьями, и сверху различить их было невозможно. Спелые груши, яблоки и сливы падали прямо в кабины летчика и штурмана. Днем на аэродроме паслись коровы. С наступлением темноты на их место выруливали самолеты.

Из Ассиновской полк летал бомбить сильно укрепленную оборонительную линию немцев Моздок — Ищерская — Прохладная — Дигора — Ардон — Эльхотово. Наткнувшись на возросшее сопротивление Красной Армии, фашисты перешли к обороне. В предгорьях Кавказа развернулась ожесточенная битва, в которой активно участвовала наша ночная авиация. Задача состояла в том, чтобы непрерывными налетами и бомбовыми ударами уничтожить переправы противника,

склады с горючим и боеприпасами, изматывать вражеские части.

24 августа после напряженной боевой ночи девушки спали в прохладных комнатах, закрыв от света и мух ставни.

Они проснулись незадолго до обеда от криков и топота на улице.

— Наши вернулись!

— Ура! Вернулись!

Быстро одевшись, как по тревоге, летчицы, штурманы и техники выскочили на улицу. Встречали Соню Озеркову, она приехала в полк одна — Глашу оставили в госпитале. Исхудавшая, в стареньком черном платье, она стояла среди восторженных подруг, которые, толкаясь, целовали ее, наперебой расспрашивали, обнимали и плакали от радости — все сразу, одновременно. С того момента, когда началась война, это был самый счастливый для Сони день. Ей выдали новую форму, оружие, снова она стала старшим инженером своего полка, снова осматривала самолеты, выясняла у техников, как ведут себя моторы.

И вдруг, когда, казалось, жизнь ее вошла в нормальную колею, Озеркова была арестована по обвинению в шпионаже. Свинтили у нее с петлиц кубики, отобрали пистолет и ремень. Следователь ставил ей в вину долгое пребывание на территории, оккупированной врагом, где она якобы согласилась работать на гитлеровцев. Допросы продолжались три месяца. Соне грозил расстрел. В это время в полк вернулась Глаша Каширина, которая тоже после болезни несколько недель была под арестом и следствием, но ее выпустили, признав невиновной. Глаша горячо защищала Озеркову, убеждала представителей Смерша, что та вела себя все двадцать два дня мужественно, что спасла ее, Глашу, от смерти. На следствие, однако, Глашины заявления влияния не оказали. В полку не могли поверить, что Соня Озеркова — предатель. Ее арест взбудоражил всех, о нем говорили на земле и в воздухе, за нее переживали до слез.

Дело решил командующий 4-й Воздушной армией генерал Вершинин. Он обстоятельно во всем разобрался, понял, что обвинения необоснованны, и потребовал освободить Соню Озеркову из-под стражи. Соня вернулась в полк поздней осенью. И снова ее встреча-

ли с таким же восторгом, как в первый раз. А она плакала.

Несколькими днями позже Глаша Каширина подарила Соне свою фотографию с надписью: «Я никогда не забуду август 42-го года и все, что Вы для меня сделали в те дни».

Старший инженер, гвардии капитан Софья Ивановна Озеркова вместе с полком дошла до Германии, была награждена пятью боевыми орденами и несколькими медалями.

«ИХ НАДО ОТВЛЕКАТЬ...»

Солнце садилось. Между алым раскаленным диском и линией горизонта оставался совсем узкий просвет. Если отвести глаза, а потом через две-три минуты снова взглянуть на солнце, видно, что этот просвет уменьшился. Вечер тихий, тихий, до полетов еще час.

Женя Руднева сидела в первой кабине в машине Ларисы Розановой, которая учила ее управлять самолетом (пока на земле), старалась плавно передвигать ручку-штурвал, не торопясь нажимать на ножные педали. Жене очень хотелось повторить все движения Ларисы в точности.

— Вот смотри,— говорила Лора,— если ты двинешь так ручкой в полете, машина сразу же пикнет. Понимаешь?

— Угу. В пике мы не хотим.

— Ну-ка, давай еще раз.

И вдруг сильный голос дежурной по старту, Жени Крутовой:

— Весь состав — на КП!

— Ну ладно, пока хватит,— преподавательским тоном сказала Лариса, спрыгивая с крыла на землю.— Пошли.

— Старшина Руднева, ко мне!— крикнула издалека Женя Крутова.

Женя подбежала к Крутовой, улыбаясь, отрапортовала:

— Старшина Руднева по вашему приказанию явилась.

Крутова сделала строгое лицо и, стараясь сдержать улыбку, отчеканила:

— Товарищ старшина, поздравляю вас с присвоением звания младшего лейтенанта.

— Женечка!— неожиданно для себя пискнула Женя и, порывисто обняв свою летчицу, громко чмокнула ее в щеку.

Приказ о присвоении очередных званий читал сам командир дивизии. Первой была названа Евдокия Давыдовна Бершанская, которая получила звание майора. Полковник Попов снял две шпалы с петлиц одного из офицеров штаба дивизии и передал их Бершанской. При свете фонаря (сумерки уже сгустились) Сима Амосова прикрепила ей новые знаки различия. Почти все летчики и штурманы были повышены в званиях.

Через два дня случилось событие еще более радостное. Среди ночи после двух вылетов полк построили на летном поле. Зачитали приказ о награждениях. Сердце у Жени приятно замерло: «Штурмана эскадрильи младшего лейтенанта Рудневу Евгению Максимовну наградить орденом «Красной Звезды».

Ордена привезли в полк спустя три дня. К вручению готовились с утра, спали совсем мало. Маленький клуб убрали цветами, на сцене расстелили ковер, поставили стол под кумачовой скатертью. Долго готовились к церемонии, репетировали под руководством Евдокии Яковлевны Рачкевич, как подниматься по ступенькам на сцену, как поворачиваться, как отвечать.

— Смотрите не оступитесь,— предупредила комиссар напоследок,— и говорите громко, отчетливо: «Служу Советскому Союзу!» Понятно? Знаю вас — растеряетесь и будете бормотать себе под нос бог знает что. Отвечать надо четко, уверенно.

— Рады стараться, товарищ комиссар!— громко хором ответили девушки и рассмеялись.

— Вот так, так же весело, но только правильно, не перепутайте.

И наконец по полку пронеслось:

— Приехали!

Женя сидит во втором ряду с краю. Села так нарочно, чтобы легче выходить и не зацепиться за что-нибудь неуклюжими сапогами. Одну за другой называют знакомые фамилии, вот-вот она услышит свою. Внутри все напряжено, готова быстро встать, заслышав только первые звуки своей фамилии. Все ближе и ближе ее очередь. Ах, так уже бывало, так уже было, давным-давно было в школе, на выпускном, тогда аттестат... рядом сидела Ида, она раньше, она — Родкина...

— Руднева!

Сама испугалась — так загрохотали ее несносные сапоги.

И вот она уже снова сидит на своем месте с краю, держит в руках красную коробочку. «А повернулась, кажется, все же не через то плечо...»

— Дай посмотреть,— шепчет кто-то рядом.

До чего приятно рассматривать эту красивую рубиновую звездочку и знать, что она твоя!

— Поздравляю, орденоносец! Дай лапу,— слышит Женя за спиной, пожимает чью-то руку.

— А теперь все приглашаются в столовую на банкет. Правильно я вас понял, товарищ Бершанская?— спросил вручавший награды командир дивизии.

Загромыхали стулья, сразу стало по-молодому шумно и радостно.

Когда в столовой расселись за праздничными столами вместе с летчиками из полка майора Бочарова, Женя осмотрела весь зал и неожиданно для себя сказала коренастому черноглазому «братику», оказавшемуся справа:

— Правда, у нас все девушки красивые? А с орденами особенно.

— Если так считает моя соседка, значит, это и мое мнение,— галантно склонил голову «братик».

— А вы, оказывается, еще и дипломат! Раз вы так разносторонне одарены, я готова отдать вам свою водку.

— Нет, ни в коем случае — это великая жертва.

— Ничуть, я не могу ее пить.

— Никак нельзя. Полковник сейчас произнесет тост, все встанут, начнут чокаться, а вы будете стоять с пустыми руками. Если уж вы так щедры, то отлейте вашему недостойному соседу полстакана, и он возблагодарит ваше широкое сердце.

— Охотно.

После первого тоста за столами разговорились, усталые лица девушек порозовели, сделалось весело и легко. У Жени голова чуточку закружилась, но все равно хорошо. Она смеялась шуткам своих соседей, чувствовала, что черноглазый штурман разговаривает с ней со значением, и это ее приятно волновало. Совсем забылось, что идет война, которая каждый день отнимает жизнь у таких, как они, молодых, здоровых людей.

Штурман-«братец» проводил Женю до общежития и долго держал ее руку в своей, не отпускал.

— Нет, вы мне точно скажите, что такое методическая погрешность высотомера и как ее определить? — настаивал он.

— Опять вы меня экзаменуете. То, о чем вы говорите, иначе называется температурной погрешностью. Проходили, помню.

— Ну так как же? Летом он, к примеру, как врет? Занижает или завышает?

— При более высокой температуре воздуха высотометр будет показывать высоту меньше действительной, а зимой больше. Физическая сущность явления объясняется тем, что более холодный воздух имеет большую плотность, и поэтому давление в нем изменяется с высотой быстрее, чем в стандартной атмосфере, а в теплом воздухе — наоборот.

— Точно,— с почтением вымолвил черноглазый штурман.

— А вот вы мне скажите: какие созвездия в это время года видны на кавказском небе?

Штурман озадаченно молчал. В это мгновение кто-то хихикнул в темноте, по коридору затопали сапоги. «Ой, девчонки, я думала, они целуются, а они задачки решают»,— услышала Женя. Разом стало жарко, будто горячим паром обдало.

— Спокойной ночи, я пошла,— бесцветным голосом сказала Женя.

— Нет, постойте. Я вас не отпускаю. Кто из нас старший по званию? Это шутка, конечно. Звание и власть женщины я бы приравнял к генеральскому чину. Даже, пожалуй, к маршальскому. Правильно я говорю?

— Не знаю.

— Тогда порядок. Послезавтра ждите в гости. Будем с Аркадием в 16.00. У него тут тоже имеются дела, так сказать, необходимо уточнить обстановочку.

Штурман ушел, а Женя постояла недолго у окна в коридоре и снова вышла на улицу, присела на крыльце. «Смешной: «Красный рубин вам к лицу, к вашим глазам, но и Золотая Звезда тоже вам пойдет». Потрогала орден: «Перед вами сейчас выступит орденоносец Евгения Руднева. Звучит! На гимнастерке

орден выглядит лучше, чем на платье. На цветастом никогда не буду носить».

Через несколько дней она узнала, что штурман, экзаменовавший ее у крыльца общежития, погиб.

Летать над горами трудно, осенью особенно. Нежданно-негаданно наваливается облачность, прижимает самолет к земле, вернее к горам, приходится лететь в ущельях или над разновысокими вершинами. Тут каждый незначительный поворот, малейшее снижение грозит катастрофой. В ущельях темно, определить расстояние до ближайшего хребта удается не всегда, к тому же вблизи горных склонов возникают неожиданные восходящие и нисходящие потоки воздуха, которые властно подхватывают машину. В таких случаях от летчика требуются недюжинные хладнокровие и мастерство, чтобы удержаться на нужной высоте.

В мирное время многие из тех полетов, которые мы выполняли осенними ночами 1942 года, считались невозможными. Но на войне человеческие возможности неизмеримо возрастают. Поэтому мы работали и в дождь, и при низкой облачности, с каждым полетом становясь только опытнее, увереннее.

В ненастную осеннюю пору нам приказали бомбить аул Дигора у подножия Казбека. Там фашисты сосредоточили много танков и большое количество различной боевой техники.

Задача оказалась нелегкой. Мало того, что враг простреливал все подходы, сам аул был расположен неудобно — на дне глубокого ущелья. Тут и днем развернуться сложно, того и гляди, врежешься в скалы, а ночью — и говорить нечего.

Фашисты все это понимали и чувствовали себя в ауле спокойно. Их успокоенность и должна была стать нашим главным козырем в предстоящей операции. Еще Суворов говорил: там, где пройдет олень, пройдет и солдат, а где пройдет один солдат, там пройдет и армия. По тому же принципу решило действовать наше командование: где пролетит один самолет, может пролететь и звено, а коли звено, то и эскадрилья, и полк. Но погода, как нарочно, все ухудшалась. Мы лежали под крыльями самолетов в спаль-

ных мешках, дремали, просыпались, взглядывали на низкое небо и снова забывались в полусне. Среди ночи облачность стала расползаться, поднялась выше, в разрывах засветились звезды. И тотчас зарокотали моторы, самолеты один за другим покатили к старту.

Как мы и предполагали, наше появление над Дигорой застало фашистов врасплох. Зенитные установки молчали. И как на ладони видны были вражеские мотоколонны, двигавшиеся из Дигоры по единственной дороге к узкому ущелью. У меня мелькнула мысль ударить по головным машинам, чтобы запереть вход в ущелье и задержать колонну до подхода других эскадрилий. Для этого требовалось подойти к цели на малой высоте, что из-за близости гор было небезопасно.

— Как ты думаешь, стоит рискнуть?— спросила я у своего штурмана Оли Клюевой, сообщив ей свой план.

— Давай попробуем,— без колебаний согласилась она.— Игра стоит свеч.

Но пробовать нам не пришлось. Почти в то мгновение, когда я приготовилась к снижению, впереди в самом узком месте ущелья один за другим взметнулись четыре взрыва. Судя по времени, это сработал экипаж нашего комэска Амосовой, вылетевший первым. Она сбросила бомбы в гущу остановившейся колонны. А следом подходили другие эскадрильи полка...

На другой день наземная разведка доложила о полном разгроме мотомеханической колонны гитлеровцев.

Такие сообщения звучали для нас как прекрасная музыка, настроение поднималось, мы шутили за обедом, громко пели в короткие свободные минуты. В наших летных книжках появились новые записи, которые мы перечитывали, как перечитывают хорошие стихи.

Из книжки Жени Рудневой: «5 ноября бомбила скопление мотомехчастей и живой силы противника в п. Гизель. Несмотря на сильное зенитное заграждение и прожектора противника, экипаж Никулиной — Рудневой произвел 7 боевых вылетов за ночь. Точным бомбометанием вызвано 4 взрыва и 2 очага пожара, что подтверждает экипаж З. Парфеновой.

24 ноября 1942 года экипаж Никулиной — Рудневой произвел 7 боевых вылетов на территорию противника в пункты Ордон и Дигора. Несмотря на сильный заградительный огонь, экипаж точным бомбометанием вызвал 2 очага пожара в п. Дигора и уничтожил железнодорожный эшелон в п. Ордон. Подтверждает экипаж Поповой — Рябовой».

Это были «ночи-максимум», когда мы находились в воздухе по восемь-девять часов подряд. После трехчетырех вылетов глаза закрывались сами собой. Пока штурман ходила на КП докладывать о полете, летчица несколько минут спала в кабине, а вооруженцы тем временем подвешивали бомбы, механики заправляли самолет бензином и маслом. Возвращалась штурман, и летчица просыпалась, но окончательно приходила в себя только в воздухе.

Однажды, когда уже поднялись в воздух, Дина Никулина спросила своего штурмана:

— Жень, а бензин у нас полностью?

— Не знаю, я не была у машины.

Дина развернулась, пошла на посадку. Женя проверила — все было в порядке.

— Ну, видишь, они свое дело знают. Устал мой командир,— сказала Женя, забравшись на крыло, и ласково погладила Дину по голове, по кожаному шлему.

— Они тоже спят, ходят во сне, бензин заливают во сне. «Доверяй, но проверяй», — проговорила Дина со вздохом, устало.

Мы ели среди ночи, не вылезая из машин. Что это было: поздние ужины или ранние завтраки — сказать трудно. Съешь последнюю ложку каши, котелок — технику и снова: «Контакт!» — «Есть контакт!» — и в черное небо, часто навстречу «фронтальной муре», как говорят летчики о сплошной облачности, навстречу опасностям, но с верой в удачу.

«Ночи-максимум» доставались нам огромным напряжением физических и душевных сил, и когда занимался рассвет, когда на сером фоне неба возникали черные пики гор, когда просыпались утренний ветер и горластое воронье, мы, еле передвигая ноги, осунувшиеся, шли в столовую, мечтая скорее позавтракать и заснуть. «У меня странная болезнь, — писала Женя в своем дневнике,— проснусь если через 3—4 часа

после того, как приду с полетов, больше уже не усну. Так было и сегодня». Сказывалось переутомление. Женя страдала бессонницей, другим снились мечущиеся лучи прожекторов — сон был тревожным.

В станице Ассиновской мы стояли долго, почти полгода, и жили в своем общежитии спаянной, дружной коммуной. Нас объединяли, в первую очередь, наша общая боевая работа, наше страстное желание прогнать врага с русской земли. Все мы были равны перед смертельной опасностью, которая грозила нам ночью в воздухе и днем на земле, когда мы спали (фашисты постоянно искали наш аэродром, несколько раз сбрасывали бомбы рядом). Ночные полеты в лучах прожекторов, в огне зениток, когда рядом нет никого, только твой штурман в задней кабине, или твоя летчица впереди, когда остается надеяться только друг на друга, такое, конечно, роднило нас. Мы дружили с нашими техниками и вооруженцами, от умения которых подчас зависела наша жизнь. Они это понимали, готовили машины к полету исключительно добросовестно и каждый раз с волнением ожидали нашего возвращения с задания. И когда мы, вернувшись, говорили, что мотор работал хорошо, для техника это было высшей похвалой.

Мы жили открыто и искренне переживали чужие горести. Если кто-нибудь из девушек плакал, ее утешали чуть ли не всем полком, уж, по крайней мере, всей эскадрильей, и также «сообща» радовались вместе с теми, у кого была радость.

Письма от родных читали вслух, обсуждали и знали домашние новости друг от друга, а там, дома, мамы и папы хорошо знали имена и судьбы наших однополчанок, сами писали им письма, присылали подарки. К командиру и комиссару наши родные мамы относились как к приемным матерям, взявшим на воспитание их дочерей: просили последить, чтобы Катя, Вера или Женя лучше укрывала горло, чтобы мыла фрукты перед едой, чтобы не курила.

Мы помнили дни рождения тех, с кем вместе летали, с кем дружили на земле. В эти дни обязательно дарили цветы, фрукты и по детскому обычаю надирали уши, чтобы раз и навсегда они были счастливы.

У каждой из нас тем не менее в полку была одна самая любимая подруга, с которой хотелось говорить чаще и дольше, чем с другими, которая лучше других могла понять и поддержать. Близкие подруги вместе сидели за столом, вместе селились в домах у хозяек, старались вместе летать, то есть вместе рисковать жизнью.

Мы были дружны и одновременно требовательны к себе и своим однополчанам. Сурово отчитывали на комсомольских собраниях оплошавших, совершивших служебный проступок, в стенных газетах, «боевых листках», а позже в полковом «Крокодиле» высмеивали тех, кто заблудился в облаках и не нашел свой аэродром или, увлекшись, переоценил результаты очередного бомбометания.

В полку была своя библиотека. Несколько десятков томов привезли с собою из Энгельса, а потом сдавали в общий фонд книги, полученные из дому, или те, что приходили в посылках с предприятий и учреждений. Пушкина, Лермонтова, Толстого, Некрасова, Маяковского, Горького мы перечитывали и находили в знакомых произведениях новые мысли и чувства, которые раньше оставались недоступными нашему детскому восприятию. Мы повзрослели в общении со смертью и научились понимать и ценить мудрость русской литературы.

Особенно увлекались поэзией. Стихи мы заучивали, переписывали в тетради и дневники, давали переписывать подругам. Стихи военных поэтов, наших современников, Алексея Суркова, Константина Симонова, Степана Щипачева были выражением наших собственных настроений и переживаний, мы их ждали, любили, повторяли.

Нам было по 19—20 лет, совсем недавно мы расстались с детством и подсознательно ждали от юности чего-то поразительного, захватывающе интересного. Наши души пробудились к любви, поэтому так дорога была нам поэзия, в особенности лирическая. Нам очень хотелось счастья, поэтому «грусть находила порывами, как разрывная облачность» (выражение Жени Рудневой), и тогда вспоминались стихи, говорившие о нас лучше нас самих. Хотелось не только читать, но и слагать стихотворные строки.

В полку имелись свои поэты. Им не хватало мас-

терства, но они умели удовлеворять наши «местные» нужды. Очень популярной была, например, «Поэма о полку» Глаши (Иры) Кашириной, ее читали целиком с нашей самодеятельной сцены, а наиболее удачные строфы зажили самостоятельно, сделавшись нашими крылатыми выражениями. Мы часто повторяли:

Пусть скажет отец, что гордится он дочкой,
Не только сынами гордиться должны.

Или:

Да, немцы не знают, что девушки эти,
Веселые, стройные, «кровь с молоком»,
Что больше всего дорожат они в свете
Своим первым в мире женским полком.

Это была наша гражданская поэзия, рассчитанная на публичное прочтение, но она не затеняла интимных стихов, которые появились в дневниках. Их сначала разрешалось читать только лучшей подруге, а потом как-то незаметно они распространялись по полку, даже будто бы анонимные. Так бывало, конечно, со стихами, созвучными настроениям многих.

Где же ты, друг мой? Опять ты далеко,
Сокол мой ясный. И вновь я одна.
В сердце невольно вползает тревога,
Жалит змеей ядовитой она.

Хочется знать, о чем ты мечтаешь,
Хочется слышать, как ты говоришь,
Видеть хотя бы, как ты пролетаешь
В небе широком. Да ты не летишь!

Если б могла я своею любовью
Скрыть твое сердце от пуль и огня!
Пусть моей кровью и жизни ценою,
Лишь бы ты счастлив был, гордость моя.

Галя Докутович посвятила это стихотворение своему любимому, летчику-истребителю, но ведь не только она одна любила, жила в долгой разлуке, тревожилась и ждала — так бы выразили свою любовь и другие девушки.

После пяти месяцев непрерывной ночной работы, после месяцев тяжкого отступления женский авиаполк окончательно признали в дивизии. Летчики других полков стали относиться к нам как к своим коллегам. У них большой удачей считалось приехать в женский полк по служебным делам и провести

у нас несколько часов. Ребята часто говорили нашим девушкам: «После войны к вам в полк жениться прилетим». Нас называли «дочерьми майора Бершанской», и желающих стать «зятьями майора Бершанской» было немало. Даже песню сочинили: «Было у Бершанской пятеро зятьев...» Но, видимо, главными претендентами на наше внимание считали себя «бочаровцы», «братики» из полка таких же легких ночных бомбардировщиков К. Д. Бочарова. Иногда мы базировались на одном аэродроме, получали одни и те же задания, вместе вылетали бомбить. С «братиками» мы соревновались и ревниво следили за их успехами, как и они за нашими.

Однажды в октябре мы получили от штурманов-бочаровцев послание (его сбросили нам на аэродром), развеселившее нас на несколько дней. В столовой мы обсуждали ответ, мнения делились. Экстремисты убеждали дать отпор зазнайкам, умеренные их успокаивали и предлагали ответить в том же веселом ключе, только еще остроумней (мы себя считали образованнее и остроумнее «братцев»). Ира Каширина вызвалась написать ответ в стихах, но так и не собралась.

Наши «братцы» писали:

«...Мы очень рады вашим боевым успехам. С какой радостью мы встречаем ваши имена в печати. Это нас немного подзадоривает. Не думайте только, что мы уступим вам первенство... Нет. Знайте, подруги, что мы имеем все основания быть впереди вас, и мы будем. Это мы заявляем вам авторитетно. Так что давайте поднажмите в своей работе. Мы знаем, что вы за первое место в дивизии будете драться крепко, а победителями будем все же мы.

Нам почему-то кажется, что эта чисто товарищеская переписка, которая доставляется «воздушными» почтальонами, выльется в нечто большее когда-нибудь, так как некоторые из нас заинтересованы вами, а это о чем-то говорит!

...Вы знаете, девочки, нас интересует одно явление (искусственное или естественное?): почему, пролетая над населенным пунктом Ассиновская, у штурмана начинает стремительно вращаться компас, точно глобус, резко пущенный рукой рассерженного преподавателя географии? Неужели это место можно сравнить с Курской магнитной аномалией?

Приходишь на зеленое поле аэродрома, получишь задачу, запустишь моторы, летишь на задание, и хочется почему-то, чтобы ветром снесло на ваш аэродром, чтобы одним хотя бы глазком взглянуть с воздуха, что делают наши сестрички. Но несмотря на желание, наш долг прежде всего выполнить боевое задание, поэтому мы редко нарушаем курс и залетаем к вам. Ну, ничего, будет такое прекрасное время, когда сама жизнь будет благоприятствовать нашей встрече...»

Главная цель действий полка — Моздок, укрепленный район вражеской обороны. Видимо, здесь гитлеровцы создают плацдарм для дальнейшего наступления на Кавказ. ПВО здесь сильнейшая. Мы это начинаем «ощущать на себе»: из каждого полета привозим на теле машины множество пробоин. Вывод ясен: мы для фашистов перестали быть загадкой, они знают нашу высоту бомбометания, нашу скорость, наши основные приемы. Надо менять тактику. Думаем, спорим за столом, обсуждая различные варианты, но пока ничего толкового в голову не приходит.

В один из дней мы сидим в своей «светелке» на нарах, объявлен подъем. Трем глаза, кто-то уже топает ногою — утрамбовывает газеты в носке сапога. Женя Руднева всунула руку в один рукав гимнастерки и на этом приостановила одевание, застыла:

— Мне сон приснился, а может, это и не сон вовсе, наверное, я думала об этом...

— Новую сказку придумала?

— ...в общем, их надо отвлекать.

Теперь в недоумении замерли остальные, смотрим на нее,— кто в одном сапоге, кто с ремнем в руке. Женя натягивает гимнастерку, разъясняет свою мысль:

— Прожекторы и зенитки надо отвлекать.

В комнате поднимается шум — Женина мысль понята, мы ее развиваем. Не заходя в столовую, идем к командиру полка и выкладываем новую идею полетов парами, с тем, чтобы первый экипаж отвлекал огонь прожекторов и зениток на себя, а второй бомбил, а потом наоборот. Бершанская выслушивает нас сдержанно, так же сдержанно соглашается, уточняет наш план, и в окончательном виде получается следующее: первый экипаж на полном газу проносится над

целью, вызывая весь огонь на себя и отвлекая противника, а второй, следующий с интервалом в полторы-две минуты, планирует на объект с приглушенным мотором и сбрасывает бомбы. Если враг переключается на ведомого, то тогда, развернувшись, цель атакует ведущий.

— Но учтите: самое важное — взаимодействие, четкость и слаженность! — Бершанская смотрит испытующе.

Испробовать новый прием приказано двум экипажам — Наде Поповой со штурманом Катей Рябовой и нам с Олей Клюевой. Принят во внимание наш опыт неоднократных совместных полетов с Надей Поповой.

Перед вылетом мы вчетвером раскладываем на нижней плоскости самолета карту, изучаем район бомбометаний — предстоит уничтожить переправу через Терек возле Моздока. Места эти нам знакомы, приблизительно знаем уже, сколько там прожекторов, как работают вражеские зенитки. Что и говорить: объект не из легких, в лучах прожекторов там держат цепко и бьют остервенело.

— Они сейчас, как бешеные, трясутся над своей переправой, — говорит Катя озабоченно.

— Тем более следует раздолбать, чтобы не создавать у врага напрасных иллюзий,— смеется Надя.— Не будет переправы, и волнения отпадут.

— Еще попасть надо,— резюмирует Оля.

Для большей наглядности чертим на земле реку с переправой, огневые точки. Маленькая Катюша, не поднимаясь с корточек, по-воробьиному перескакивает на другую сторону чертежа, дорисовывает зенитные батареи. Несколько раз проигрываем наш полет: распределяем роли, рассчитываем время.

— Все предусмотрели, а чего не предусмотрели, станет ясно над целью, — заключает Надя.

Небо давно без солнца, закатный румянец тоже сходит. Снежные вершины почернели, над ними уже сверкают звезды, серые пуховые облака, кажется, остановились. В станице мычат коровы, назойливо блеют овцы.

Бомбы подвешены.

— Смотрите, не промажьте,— предупреждает мастер по вооружению.

Сверяем часы.

— По самолетам! — командует Евдокия Давыдовна. Сегодня она сама выпускает нас в воздух и заметно волнуется, дважды переспрашивает: все ли мы проверили. Некоторое время что-то обдумывая, стоит около нашей машины:

— Ну ладно, пошел! Ждем.

Мы с Олей вылетаем первыми, наша задача — вызвать огонь на себя. Мотор работает как часы, инженер Соня Озеркова сегодня возилась с ним полдня. Внизу совсем темно, скоро так же будет и вверху.

Вот и знакомые ориентиры. Слабо мерцает река — самый лучший ориентир. Терек вьется, будто «змейкой» уходит от прямых попаданий. Линию фронта пересекаем на высоте 1200 метров.

— Подходим к цели,— говорит в «переговор» Оля. По голосу чувствую напряжение. Я тоже волнуюсь, пожалуй, больше, чем вчера и позавчера. Очень важно, чтобы у нас все получилось удачно, тогда и другие поверят в новую тактику и будут действовать уверенно.

По времени мы должны быть над целью. Пора! Даю ручку от себя, прибавляю газ, несемся на замаскированную темнотой цель. Внизу ни огонька и полное молчание. Представляю, как хорошо слышен наш мотор немцам. Скорей бы уж начинали! Ведь знаю: подпускают!

Сколько раз мне приходилось лететь, схваченной несколькими лучами сразу, идти рывками, из стороны в сторону, уходить от разрывов и «змейкой» и «горкой», обнаруживать новые и новые дыры в плоскостях, порою совсем близко к кабине, видеть разлетающиеся в стороны огненные шары прямо перед собой по курсу, каждую секунду ощущать приближающуюся опасность! В такие моменты волнение и страх уходят на задний план, остается упрямое желание сманеврировать еще резче и точней (особенно хорош был прием «скольжение на крыло»), обмануть врага, вырваться из его лучей. Привыкаешь ко всему, что таит в себе явную опасность. Но невозможно побороть давящее чувство ожидания опасности. Сколько я ни летала, в какие переплеты ни попадала, для меня всегда было страшнее предчувствие опасности, чем сама опасность.

Кровь в голове отстукивает секунды, во рту слюна, руки взмокли, а они молчат и молчат. Не выдержали! Рядом встала «березовая роща» лучей, рявкнули зенитки. Началось! Но теперь по крайней мере знаешь, что делать.

— Очнулись, гады!

Мой штурман тоже освободилась от тяжести ожидания. Самолет мечется по небу, в свете мелькают куски облаков. Хорошо бы, не поймали! Нет, все-таки прилипли, схватили, повели. Огонь пушек становится прицельнее, от прямого попадания снаряда в плоскость самолет подбрасывает. Ну и дыра! «Только бы не в мотор, только не в мотор», — твержу про себя; о том, что может ранить, даже думать не хочется.

— Уходим вниз, — командует штурман.

Резко ухожу к земле, теперь разрывы над головой, светящиеся трассы пулеметов тоже скрещиваются где-то в высоте, а прожекторы держат. Это даже хорошо, ведь моя главная задача подольше «поводить» прожектористов и отвлечь их от Нади и Кати.

— Как там? — кричу в трубку.

— Пока ничего.

И буквально через две секунды:

— Ура! Сработали! Долбанули, что надо! Жми быстрей!

Слышу взрывы, четыре, один за другим. Лучи тотчас отлипли, вокруг полная темень, ни одной вспышки. До чего замечательно!

И я «жму». Набираю высоту, разворачиваюсь и планирую на цель с тыла. Теперь фашистов отвлекает Надя Попова. Там, впереди, лучи кромсают небо, упираются в облака. А мы подкрадываемся к переправе.

— Держать боевой курс,— раздается в «переговоре».

Пока прожектористы азартно гоняются за вторым самолетом, Оля спокойно прицеливается (переправа хорошо видна на мерцающей реке), и все четыре бомбы летят вниз.

— Точно, Марина, угодили точно!

Мой штурман ликует, даже подпрыгивает. Я ее поздравляю.

— Видишь, как мы прицельно бьем, когда нам не мешают,— кричит Оля.

— Надо бы им листовку сбросить, написать: «Не мешайте работать!»

И тут все начинается сначала. Опять нас ловят, за нами охотятся, зенитки бьют чуть ли не очередями, но совсем неприцельно, растерялись и. остервенели фрицы!

Мы уходим, сектор газа отжат до отказа. Самолет на 200 килограммов стал легче, и маневрировать теперь проще. Курс на аэродром.

— Получилось, правда? — говорю, когда пушки замолкают и как по волшебству исчезает частокол лучей.

— Вот и остались без переправы. А здорово мы подходили — культурно, спокойно, как над полигоном.

— Новую построят.

— Ничего! Плюнем в новую раз шесть-восемь — и начинай все сначала.

«Какие мы оптимисты! А в общем — правда»,— думаю я.

В ту же ночь вылетели на бомбежку парами еще несколько экипажей. В их числе летали на Моздок Дина и Женя. Их четвертый вылет был особенно удачным: первой же бомбой Женя погасила прожектор. Новый прием полностью себя оправдал.

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

Дела в полку шли благополучно, потерь не было, машины с заданий приходили потрепанные, но после ремонта снова поднимались в небо. Люди хорошо сработались, не стало суеты на старте, в паузах между полетами штурманы перестали бегать за вооруженцами, перестали кричать: «Вооруженцы, бомбы!» — да и вооруженцы поняли, что к вылетам у них все должно быть наготове, короче, каждый солдат уяснил свой маневр. И вдруг объявление в столовой: «Комсомольское собрание. Повестка дня: разбор персонального дела»...

Возле объявления разговор:

— Кто же это отличился?

— Главное, чем?

— Машину, наверное, грохнули.

— Если б грохнули, было бы известно.

— Машины все целы, а те, что в ремонте, не по нашей вине.

— Может, самоволка?

— А кто, кто?

— Вот именно: «кто, кто?» То же самое у тебя могу спросить.

— Ты же все знаешь, ты ведь наше «справочное бюро».

— Будет вам, девчонки.

За обедом все выяснилось. Две девчушки, два новых вооруженца, распотрошили светящуюся авиабомбу, чтобы добыть маленький парашют и сделать из него подшлемники. По правде сказать, подшлемники им ни к чему, потому что кожаные шлемы технический состав не носит, вооруженцам полагаются только пилотки и береты, но им хотелось хоть в этом походить на летчиц и штурманов,— в полку почти все воору-

женцы и техники мечтали получить летные специальности. Подшлемник к тому же не только отличал пилота, как планшет и большие очки, он был украшением. Белые подшлемники красили в разные цвета акрихином, красным стрептоцидом и даже чернилами, всем, что красило и было под рукой, причем нужно было так подобрать красители, чтобы цвет подходил к глазам. Занимались этим всерьез, хорошо знали разнообразные рецепты и добивались самых различных оттенков. И на войне, в конце концов, девушки оставались сами собою и даже в строгой военной форме хотели выглядеть как можно изящнее.

Собрались в столовой после обеда. Вернее, остались сидеть, как сидели, только вперед, ближе к двери вынесли стол для президиума. Все уже знали, что покусившихся на САБ будут судить строго. Интуитивно чувствуя, как худо у них на душе, девушки не шутили и говорили негромко.

Потрошительницы САБов — маленькие, светловолосые, одинаково стриженные под мальчишек, сидели в дальнем углу. Бросались в глаза их огромные сапоги. Эти сапоги выглядели волшебными, и казалось, девчушки залезли в них, чтобы стать невидимками, но то ли сапоги не сработали, то ли они ошиблись — взяли не те. Обе испуганно и напряженно следили за тем, как ставили и накрывали красной скатертью стол президиума, как грузная официантка в странной бесформенной меховой шапке, тяжело грохая каблуками (отчего слабо позвякивали стекла в окнах), пронесла через весь зал на подносе большой графин с водой и пять стаканов, как комсорг полка Саша Хорошилова, деловито хмурясь, раскладывала перед собою бумаги, как к ней подошла комиссар и что-то шепнула на ухо... Все это имело для них определенный угрожающий смысл, поскольку делалось из-за них. Такого ни с одной за все их девятнадцать лет, прожитых на свете, ни разу не приключилось.

Наконец, Саша Хорошилова поднялась, постучала карандашом по графину. Когда объявили повестку и избрали президиум, обратили наконец внимание и на тех, ради кого собрались.

— Садитесь поближе, не стесняйтесь,— не обеща-

ющим ничего доброго тоном пригласила их Хорошилова.

Они встали ни на кого не глядя, обреченно направились к красному столу. Лицо той, что казалась младше, покрылось розовыми пятнами.

«Бедные девчонки,— подумала Женя,— как два кота в сапогах, вернее котята. Глупые котята!»

Наступил момент держать ответ. Говорить о том, что им, вооруженцам, захотелось сшить подшлемники, оказалось самым стыдным — поэтому не говорили, а бормотали, потупясь.

— Вы отдавали отчет, что уничтожили бомбу, которую можно сбросить на врага? Отдавали? — нажимала Хорошилова.

«Глупые котята» молчали, каждая ожидала и надеялась, что ответит другая. Наконец, более смелая неуверенно прошептала:

— Она же плохая.

— Сами определили, спецы?— прозвучало от столов.

— Да они же академики! Прямо из академии — и к нам!

Хорошилова постучала карандашом. После ее слов (она говорила первой), после того, как она сказала, что «они совершили тяжкий проступок», настроение собрания изменилось не в пользу маленьких вооруженцев. А Жене их было жалко острой жалостью, и ее подмывало встать на защиту: «Посмотрите на них, они же просто глупые девчонки, совсем глупые и маленькие, их учить надо, они — не преступницы». Нет, не имела права она это говорить.

Не поднимая глаз, «потрошительницы» сидели перед своими обвинителями. Одна упорно рассматривала рассохшийся пол, другая вертела звездочку на берете, обломала ее и с ужасом смотрела на свежий излом — явную улику своего нового преступления.

Предложение было только одно: исключить из комсомола и передать дело в суд чести. Голосовали в тишине все разом. Женя тоже подняла руку, рука казалась чугунной.

— Против нет, воздержавшихся тоже, единогласно.

В тишине раздались всхлипывания. Одинаково согнувшись, уткнув лица в колени, вооруженцы рыдали, лопатки у них подрагивали, а на склоненных головах

от стола президиума видны были еле просвечивающие сквозь волосы две розовые макушки. Собрание растерянно молчало. Ира Каширина выбежала из-за стола и, сама чуть не плача, присела перед ними на корточки.

— Вы же осознали, правда?

Она говорила и, казалось, надеялась, что решение еще можно изменить, что все еще можно поправить.

— Осознали, да?

— Осо-зна-ли,— по-детски растягивая слова и продолжая всхлипывать, проговорила одна. Вторая, не поднимая лица, мелко закивала головой, будто билась лбом о колени.

«Что же мы делаем? Ведь САБ вправду негодный,— ясно и страшно увидела свою мысль Женя.— Мы же их губим». И жестко сама себе ответила: «Мы на фронте. Враг у Сталинграда».

Через неделю в полк приехал Вершинин. Ему рассказали о проступке двух вооруженцев, о решении комсомольского собрания, о намерении суда чести отправить их в штрафной батальон. Вершинин запротестовал: «Ну, уж это вы хватили! Девчонок в штрафбат?!» Он был намного старше и мудрее своих подчиненных. Генерал смотрел на девушек и с грустью думал, что война заставила их одеться по-солдатски, и это не маскарад, что их юность, их самые прекрасные годы проходят под неусыпным надзором смерти, посягающей на них ежесекундно. Он понимал, как им хотелось быть привлекательными, любить и быть любимыми. «Танцевать бы им сейчас, кружиться, хохотать да целоваться»,— думал он.

Вечером перед полетами командующий ВВС фронта выступил на партсобрании:

— Вы — самые красивые девушки в мире, потому что истинная красота заключается сейчас не в накрашенных ресницах и губах, не в модной прическе, а в том благородном душевном порыве, который подвигнул вас на борьбу за счастье и независимость нашей Родины! И в этом никто с вами не может сравниться...

Странное дело, к глазам у многих подступили сча-

стливые слезы. Перед отъездом генерал сказал Бершанской, как бы продолжая мысль, высказанную на партсобрании:

— И тем не менее, товарищ майор, твои «ночные красавицы» одеты плохо. Они же, черт возьми, молоденькие барышни, а носят немыслимые галифе и сапоги. Женщина и на войне должна быть красивой. Это и твое и наше упущение. Постараемся исправить.

Вскоре Евдокия Давыдовна получила из штаба фронта письмо:

«Тбилиси.

т. Бершанская!

И все твои бесстрашные орлицы, славные дочери нашей Родины, храбрые летчицы, механики, вооруженцы, политработники!

Приветствую и крепко жму руку.

1. Посылаю некоторое количество, хотя и не предусмотренных «по табелю», но практически необходимых принадлежностей туалета.

Кое-что имеется в готовом виде, а часть в виде материала, то есть необходима индивидуальная пошивка. Я думаю, с последним справитесь.

Распределение сделайте своим распоряжением.

Получение прошу подтвердить.

2. Материал на присвоение полку звания Гвардейского — на подписи. Заслуги полка у всех вызывают единодушное одобрение. Заботу о всех вас проявляет лично генерал армии т. Тюленев.

3. Приказы по индивидуальным правительственным наградам подписаны в отношении вашего полка — без изменений.

Искренне поздравляю награжденных и желаю всем вам боевых успехов.

4. В отношении двух девушек, допустивших ошибку — не нарушайте товарищеской обстановки. Дайте им возможность спокойно работать, а через некоторое время возбудите ходатайство о снятии с них судимости. Я уверен, что в конце концов они, так же как и все остальные, будут достойны правительственной награды.

5. При возможности прошу сообщить, какие у вас есть нужды и просьбы.

Будьте здоровы!
Желаю успеха в боевых делах!
Командующий ВВС фронта
К. А. Вершинин».

К празднику 7 ноября в полк привезли новенькую, сшитую по меркам военную форму — шерстяные гимнастерки и юбки, и самое главное — прекрасные хромовые сапоги. На них девушки не могли наглядеться и нарадоваться.

— Девчонки, а ведь мы теперь ничего! А?

— И даже очень ничего. Кое-кто весьма удивится и даже может получить головокружение.

— Ну генералы, форменные генералы, только без лампасов.

— «Братцы» решат, что попали в полк, где только одни генералы.

— Их удивишь, как же!

— Ой, девчонки, как здорово!

Женя переоделась, взглянула в зеркало и осталась собой довольна. Миловидная девушка, вполне армейский вид, орден на новой гимнастерке — загляденье!

— Ну а с этими что будешь делать?— спросила Женю Дуся Пасько, кивнув на ее старые неуклюжие сапоги.

— Мои милые уродцы, я с ними не расстанусь, хоть и намучилась в них. Помнишь, какими чучелами мы приехали в Энгельс? Все торчит, все топорщится. Хорошо, мы с Соней тогда сфотографировались, после войны уж насмеемся вволю...

За три дня до праздника спешно стали готовить самодеятельный концерт. Нужно было не только выучить стихи, песни, роли, но и сшить костюмы. Совершили налет на запасы полкового врача Оли Жуковской и убедили ее выдать часть бинтов и марли на нужды искусства. Но того, что получили, оказалось мало, и снова побежали к ней гонцы с требованием дать еще, а потом еще. Оля как могла сопротивлялась, пугала: «Ну, представь: тебя ранят, а я без марли!» Но этот довод почему-то не пугал, и упрямый посланец продолжал молить: «Оленька, ну, пожалуйста, ведь сам комдив будет! Пожалуйста!» В конце концов Оля пошла к «художественному руководителю»,

штурману полка Соне Бурзаевой, и стала умолять сама:

— Девочки, ради бога, не шейте таких пышных сарафанов. У нас все-таки не Большой театр и время военное — надо экономить.

— Театр у нас небольшой, но почти Малый, а там знаешь как с этим строго — все чтоб соответствовало эпохе. И потом, Оля, как ты не понимаешь: «Ars longa, vita brevis».[1] Так неужели тебе жалко бинтов?

Гости стали съезжаться задолго до начала концерта. Почти всем полком прибыли «братцы»-бочаровцы, отутюженные, в орденах, в начищенных до зеркального блеска сапогах, все «в одеколонном духе», с бритыми затылками,— словом, только что от парикмахера. Они радостно смущались, пожимали девушкам руки, невнятно произносили свои имена. Девушкам передавались их замешательство и радость, они без причины прыскали и убегали якобы по делам, а на самом деле для того, чтобы вдоволь насмеяться и обсудить с подругой важное явление: «Он так посмотрел и говорит...» В новой форме, в юбках и хромовых сапогах — фронтовой мечте многих — девушки показались летчикам-соседям истинными феями.

— Это уже не женский полк, а женский пол. Тут есть над чем подумать,— говорил признанный остроумец «братского» полка штурман Абуашвили, глядя на пробегающих мимо «сестричек».

— Вот на что способен начтыла и его военторг,— подхватывал кто-то из последователей Абуашвили.

— Творец живой и неживой материи.

— Как хотите, ребята, иду сейчас к Бершанской, повалюсь в ноги, буду проситься в зятья.

— Откажет, Коля, — матчасть плохо знаешь, да и прицельность у тебя не та...

— Просись к ним на кухню, глядишь, блинчиками да компотом завоюешь сердца. Точно говорю — самый верный путь. Полюбят, заласкают.

— Красивое чувство получится! Верное дело, Николай.

И наконец, за десять минут до концерта к штабу полка, короткими гудками попугивая возбужденных общей суетой ребятишек, оседая в рытвинах, подкати-

[1] Искусство вечно, жизнь преходяща *(лат.)*.

ла «эмка» командира дивизии, теперь уже генерал-майора Д. Д. Попова.

В маленьком клубе разместились тесно, сидели в проходе на ящиках, стояли у стен. Быстро не стало воздуха, открыли окно, и сразу на подоконник, обиженно переругиваясь, полезли мальчишки, а из-за их голов, встав на цыпочки, потянулись станичные женщины.

За белым занавесом из простыней ощущалось движение, слышался шепот, приглушенный смех, потом что-то упало и из-под занавеса побежал прозрачный ручеек.

— Действие первое: «Наводнение»,— громко и невозмутимо сказал кто-то из угла. Рассмеялись, а самые нетерпеливые застучали в ладоши. На сцене забегали, и стало ясно — сейчас начнут. В самом деле, обе части занавеса конвульсивно дернулись и, железно взвизгнув, расползлись рывками.

Ведущую Валю Ступину, одну из самых красивых девушек полка, голубоглазую, с пушистыми волосами, встречают счастливым гулом. Валя встает по стойке «смирно», значительно улыбается, в зале многие машинально улыбаются в ответ.

— Начинаем наш концерт. Первым номером...— замешкалась,— выступит... я.

Смех. Валя не смущается.

— «Давай закурим!» Южного фронта.

Бочаровцы бьют в ладони, будто стреляют из гаубиц.

После первой песни Валю не отпускают, хлопают требовательно, настойчиво. Она кланяется, снова улыбается чарующе — на щеках две ямочки,— поет «Землянку».

Потом долго аплодируют Рае Ароновой, которая исполняет русские народные песни, громко возмущаются ее аккомпаниатором-баянистом, не сумевшим вытянуть высокие ноты. «Тройку, тройку!» — звонко выкрикивают подружки после третьей песни. Попов, улыбаясь, смотрит на раскрасневшихся, взволнованных слушательниц и тоже с первого ряда весело кричит: «Тройку!»

Пляшет Дина Никулина, Женя влюбленно смотрит на нее из-за кулис. Следующая очередь ее. Занавес прыжками смыкается и расползается вновь.

Женя стоит у края сцены, медлит — надо справиться с дыханием. В зале тихо, крепко попахивает сапожной ваксой, в открытое окно издалека доносится визгливый женский голос: мать бранит сына. Прячет руки за спину, крепко сцепляет, начинает негромко, без обычного эстрадного пафоса, как будто вспоминает:

Есть женщины в русских селеньях...

Все слова, которые она произносит, знакомы ей с детства, но теперь они наполнены для нее иным смыслом, теперь она говорит о конкретных, известных ей женщинах, о погибших Ольховской и Тарасовой, о только что плясавшей Дине, о далекой Расковой, о своей милой Жене Крутовой, о Симе Амосовой, Соне Озерковой, Дусе Носаль, о тех, кто сидит сейчас на длинных деревянных скамьях в сельском клубе. В зале это чувствуют и аплодируют благодарно.

Женя спешит за кулисы, лицо горит, попадает к кому-то в объятья — это Дина.

— Молодец, Женюра, здорово. «Братцы» пускай мотают на ус, им полезно, для общего развития.

Женя садится на шаткий стульчик, просит воды. Ей дают стакан молока:

— Пей,— только для чтецов-декламаторов.

Проясняется, наконец, тайна медицинской марли — на сцену выбегает хохотушка Липочка («Свои люди, сочтемся») — Оля Голубева, на ней пышное, воздушное платье.

— Вон оно, твое имущество,— шепчет на ухо Ольге Жуковской сидящая рядом командир эскадрильи Таня Макарова.— Не печалься, после концерта конфискуем.

И наконец, гвоздь программы.

— «Фрески о наших буднях»,— объявляет Валя Ступина.— Исполняют сами авторы.

Выходят высокая Рая Аронова и маленькая Поля Гельман. В зале мало кто знает, что предстоит настоящий сюрприз, что эти «фрески» станут в полку любимыми, что их не раз еще будут читать и петь со сцены. Рая садится с гитарой на стул, начинает Поля:

Пройдут года. И ужасы войны
Изгладит время в памяти моей,
Но в дружеском кругу, за праздничным столом
Мы вспомним боевые
Будни наших дней.

Дальше куплеты под гитару поет Рая:

С моря ветер веет,
Развезло дороги,
И на Южном фронте
Все сложней летать.
Про бои в Моздоке
И у Малгобека
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем вспоминать.

Опять Поля:

И вспомним мы, как лунной светлой ночью
Летали мы над Тереком седым...
Большие делаем дела. Но... между прочим
Послушайте, о чем в докладах говорим:

Ночь светла. При луне
Терек виден вполне.
В эту ночь над рекой
САБы виснут толпой.

Темный лес, а в лесу
(видим мы с высоты)
Фрицы, гансы бегут,
Испугавшись, в кусты.

А есть и такие доклады,
Которым поверить бы рады,
Да слишком сомненье берет,
И думаешь: «Как она врет!»

И опять вступает Рая:

Смелых родила наша планета,
В этом ей выпала честь:
Есть бомбардиры, есть бомбардиры,
Есть бомбардиры, есть!

Если прожектор вдруг схватит друга,
Выход из этого есть!
Сверху кричит ему громко подруга:
— Кто иа рожон велел лезть?

Братик мой милый, тебе очень трудно,
Знаю, на помощь спешу
И с высоты в две тысячи метров
САБом тебе посвечу.

Если ж подруге приходится туго,
Братики выручат тут.
И с высоты в три тысячи метров
Очередь Шкассом дадут.

«Братики» довольны, им лестно, что их не забыли.

Командир дивизии наклоняется к сидящему недалеко майору Бочарову:

— Понял? Учитывай критику.

Прошел год с того дня, как Женя покинула дом и университет. Тогда, уезжая в армию, она испытывала новое чувство облегчения и отстраненности от прошлого, она решительно меняла курс своей жизни, порывала с привычным бытом, со всем, что было налажено, ждала встречи с неизвестным. Но вот и фронтовое ее бытие стало привычкой, стали обычными ночные вылеты, разборы полетов, дивизионные теоретические конференции по штурманскому делу. Поразительная история: она, Женя Руднева, ни разу за свои 20 лет близко не видавшая самолет, выступает теперь на этих конференциях с докладами, и ее слушают специалисты, штурманы-мужчины. И это тоже стало буднями. Она привыкла к своему армейскому состоянию, к тому, что она младший лейтенант авиации, орденоносец. Она привыкла к новым фронтовым условиям.

Теперь все чаще стали приходить на память эпизоды из ее беззаботной довоенной жизни. Самыми крупными ее переживаниями тогда были экзамены. Что и говорить: хорошо жилось до войны! В сущности теперь она рискует собою ради того, чтобы вернулось все мирное, чтобы самой возвратиться в университет, к любимой астрономии. Все, от чего она, разорвав, казалось, старые связи, уезжала год назад, теперь возвращалось к ней в мыслях, напоминало о себе самым неожиданным образом.

Как-то в газете она прочитала статью, где сообщалось о разгроме фашистами Пулковской обсерватории. В тишине общежития (все спали) взволнованная до крайности Женя села писать своему старому университетскому преподавателю, профессору С. Н. Блажко.

«19 октября 1942 года. Уважаемый Сергей Николаевич!

Простите, пожалуйста, что я к Вам обращаюсь, но сегодняшнее утро меня очень взволновало. Я держала в руках газетный сверток, и в глаза мне бросилось название статьи: «На Пулковских высотах».

На войне люди черствеют, и я уже давно не плака-

ла, Сергей Николаевич, но у меня невольно выступили слезы, когда прочла о разрушенных павильонах и установках, о погибшей библиотеке, о башне 30-дюймового рефрактора. А новая солнечная установка? А стеклянная библиотека? А все труды обсерватории? Я не знаю, что удалось оттуда вывезти, но вряд ли многое, кроме объективов. Я вспомнила о нашем ГАИШе (Государственный астрономический институт имени Штернберга. — *М. Ч.).* Ведь я ничего не знаю. Цело ли хотя бы здание?

Летаю штурманом на самолете, сбрасываю на врага бомбы разного калибра, и чем крупнее, тем больше удовлетворения получаю, особенно если хороший взрыв или пожар получится в результате. Свою первую бомбу я обещала им за университет,— ведь бомба попала в здание мехмата прошлой зимой. Как они смели! Но первый мой боевой вылет ничем особенным не отличался. Может быть, бомбы и удачно попали, но в темноте не было видно. Зато после я им не один крупный пожар зажгла, взрывала склады боеприпасов и горючего, уничтожала машины на дорогах, полностью разрушила одну и повредила несколько переправ через реки. Меня наградили орденом Красной Звезды. С сегодняшнего дня я буду бить и за Пулково — за поруганную науку. (Простите, Сергей Николаевич, послание вышло слишком длинным, но я должна была обратиться именно к Вам, Вы поймете мое чувство ненависти к захватчикам, мое желание скорее покончить с ними, чтобы вернуться к науке).

Пользоваться астроориентировкой мне не приходится: на большие расстояния мы не летаем.

Изредка, когда выдается свободная минутка (это бывает в хорошую погоду при возвращении от цели), я показываю летчику Бетельгейзе или Сириус и рассказываю о них или еще о чем-нибудь, таком родном мне и таком далеком теперь. Из трудов ГАИШа мы пользуемся таблицами восхода и захода луны...

Я очень скучаю по астрономии, но не жалею, что пошла в армию: вот разобьем захватчиков, тогда возьмемся за восстановление астрономии. Без свободной Родины не может быть свободной науки!

Глубоко уважающая Вас

Руднева Е.».

В начале декабря из Свердловска пришел ответ. Адрес на конверте был написан старомодным почерком, каким писали в середине прошлого века. Женя с удовольствием два раза перечитала письмо про себя, а потом прочитала его вслух девушкам своей эскадрильи. На другой день письмо ученого на общем построении полка читала Евдокия Яковлевна Рачкевич.

«Дорогая Евгения Максимовна!

Благодарю Вас за Ваше письмо от 19.X. Оно было для меня неожиданно и тем более приятно и дорого, а содержание его в особенности. Я Вас помню, заприметил с 1-го курса. И вот Вы уже полгода на фронте, и число боевых вылетов подходит к 300, а число ударов по врагу уж я не знаю сколько сотен. Браво, Женя Руднева! Браво! Я прямо был растроган до слез, читая Ваше горячее письмо. Поздравляю Вас с орденом Красной Звезды! Бейте извергов, бейте мерзавцев, и да сохранит Вас судьба для мирной работы после войны.

Хочу сообщить Вам об астрономии. Пулково разрушено, но большинство инструментов и большая часть библиотеки заблаговременно были вывезены и спрятаны под землей. Будем надеяться, что они сохранятся в целости. Часть работников выехала в Среднюю Азию для наблюдения солнечного затмения в сентябре 1941 года, несколько могли уехать позже, но некоторые умерли в Ленинграде. Московская обсерватория цела и неприкосновенна. Только в первые ночи войны упало около 50 зажигательных бомб, но они тотчас были потушены. 6.X. мы уехали из Москвы, забрав с собою все главные инструменты, кроме б. рефрактора и 7-мидюймовика (оптику взяли) и 10.X благополучно приехали в Свердловск. За октябрь была налажена служба времени, и 7.XI были пущены первые сигналы. Были построены павильоны баз двух пасс. инструментов и для экваториальной камеры, и с весны начались наблюдения. Тотчас по приезде были организованы работы для нужд Красной Армии (отчасти Вы знаете, какая работа)...

Прошлую зиму было достаточно тепло, нынче хуже. Но ведь это пустяки, если сравнить с тем, что на фронте. Поэтому жаловаться нельзя. Лишь бы скорее были разбиты и изгнаны изверги! В общем, я здоров и могу работать, как следует. Мне уже немного осталось

жить, а как хочется дожить до конца войны и прожить хоть несколько лет мирного строительства!

Ваше письмо мы опубликуем в нашей стенной газете «Владилены». Всего, всего, всего Вам лучшего. Правильно: «Без свободной Родины не может быть свободной науки!»

Глубоко уважающий Вас

С. Блажко».

ЖЕНСКИЙ ГВАРДЕЙСКИЙ

Низкая облачность, идет мокрый снег, метеорологи говорят — надолго. Полеты отменены, приказано спать. Летчицы и штурманы в полном снаряжении, в тяжелых унтах, наклонив головы, пряча лица от холодных прикосновений снежинок, молча возвращаются в общежитие. Там хорошо натоплено, уютно, но в душе досада: уже приготовились, что называется, выложиться до точки, летать и летать до утра, а тут — спать. Этому уюту, теплой своей постели цена была бы совсем иная, приди мы сюда на рассвете, после восьми-десяти вылетов, когда ноги передвигаешь машинально, когда голова без мыслей, а веки смыкаются сами собой.

Приказано спать, но не спиться. Улеглись, завернулись в одеяла, дежурная погасила свет. Ветер ломится в окна, свистит... Соседи тихо переговариваются, кто о чем. Больше — о доме, вспоминают всякое из довоенных лет. Само собою разговор заходит о любви. Решается проблема: что важнее в семейной жизни — любовь или уважение. Мнения расходятся, но никто не может привести убедительные доказательства, никто не может сослаться на свой опыт, поскольку опыта такового почти ни у кого нет. Все же среди обитательниц общежития — трое замужних. К ним и обращаются за «квалифицированным» ответом.

— Дуся, вот ты скажи: ты своего Григория больше любила или уважала, когда выходила за него?

Дуся Носаль одна из самых умелых и бесстрашных летчиц полка. Она решительная, порою излишне резкая, но твердая, волевая женщина. Она — взрослая. Судьба у Дуси тяжелая. Фашистская бомба попала в родильний дом, где она лежала, погиб ее только что родившийся ребенок. Муж Дуси тоже служит в авиации, но далеко, в другой воздушной армии. На приборной доске ее самолета всегда его фотография.

— Чудные вы, девчонки,— «любила, уважала». Да разве я так взвешивала, распределяла. Знаете, как у нас было?.. Вот до Григория был Анатолий... Вот его, теперь понимаю, больше уважала, чем любила. Мы с ним со школы дружили, лет, наверное, пять. Честный, добрый, а уж рассудительный — всегда знает, как надо, а как не надо: «Нет, мороженое я тебе не куплю — уже солнце село». Чего смеетесь? Заботливый, конечно. А я разозлюсь, нагрублю, руку вырву и бежать от него, а он не обижается. Говорит: «Я понимаю, что у тебя характер импульсивный». Потом однажды: «Давай, Дуся, распишемся». Я даже не удивилась, както уж сама решила, что так будет. А что еще надо: любит меня здорово, это точно, ни разу в сторону не взглянет, все со мной и со мной. Мама тоже в нем души не чаяла. Я говорю: «Согласна, только ведь знаешь, какая я: вспылю, будто нечистый вселился». Говорит: «Ничего, я сейчас психологией увлекаюсь, над характером будем работать». Я смеюсь. Ну ладно, раз так. Мама уже развернулась, по соседкам бегает, посуду собирает, они к ней — одна, другая, на кухне чего-то бормочут. Посмотришь — партизанки-подпольщицы, а они брагу уговариваются варить. В общем, подготовка, как перед прорывом фронта, не меньше. Смотрю на них, а самой как-то нерадостно, даже не скажу нерадостно, а безразлично, вроде не моя свадьба готовится. Другие невесты прямо расцветут от счастья, сами бегают, хлопочут, а я нет. Сейчас мне понятно отчего.

Тут как раз в нашем аэроклубе назначили вечер для учлетов, и нас, инструкторов, тоже пригласили. Мы с Анатолием пришли, почти уже как муж и жена. Танцуем. Музыка начнет — мы идем. Танцую и чувствую: смотрит кто-то в спину, ну знаете, девчонки, так чувствую, будто кто руку на плечо кладет, ну просто физически. Оглянулась — не пойму. Закончили танец, отошли в сторону, села я на стул, а тут вальс объявили, и не успели мы с Толей сообразить — идти нам или не идти, подходит он. Уж потом я спросила: «Это вы меня взглядом сверлили?» Высокий, глаза карие, ну да вы его знаете по карточке. «Разрешите,— говорит,— пригласить вашу девушку». Я про себя думаю: «Вашу невесту» надо бы сказать». Танцуем, говорим. Он тоже инструктор, только что пе-

ревелся к нам, но опыта у него побольше, да и подготовка получше. Посмотрит мне в глаза, а у меня внутри все так и замрет. Никогда так не было, честное слово.

Кончился вальс, подвел он меня к Анатолию, поблагодарил. Он отходит, а я в спину ему гляжу, и почему-то мне страшно, что он больше меня не пригласит. Анатолий смотрит на меня и вдруг говорит, и я понимаю — он знает, что мне страшно: «Знаешь, Дуся, этот человек встанет между нами». Я думаю: «Он прав», а вслух: «Вот еще, с чего ты взял?» — «Знаю,— говорит. «Это все твоя психология,— говорю.— Если читать медицинский справочник, все болезни найдешь у себя. Вот так и ты, неправильно применяешь знания. Короче: «Горе от ума». А сама себе не верю, знаю, что вру.

Григорий меня больше не пригласил, но следил, как я танцую. А я знала и злилась. Дома легла, и слезы от злости полились, реву и ругаю его. Потом спохвачусь: «Ну, при чем он? Потанцевал, и все, подумаешь, какое дело! Ты же замуж выходишь». И снова реву. А на следующий день я его на аэродроме увидела, остановилась, смотрю, как идет, и двинуться не могу. Потом вместе обедали, он меня подождал после полетов, пошли. Болтали, смеялись, все дела аэроклубные обсудили. Взгляну на него и просто не знаю, что со мною творится. Уж потом, когда одна осталась, стала думать: «Никогда такого не было. Толю увижу — радуюсь, конечно, но спокойно как-то. Иду на свиданье, а думаю о чем-нибудь другом. И с подругами так же». Засыпаю и говорю себе: «Приду завтра пораньше, может, он тоже догадается прийти». И представляете: догадался, минут 15 мы с ним посидели, и опять я сама не своя. Полетела с одним чудаком, размечталась, а он будто нарочно в этот день решил с собой покончить и меня угробить заодно. Ну нет, думаю, шалишь — мне еще трудный вопрос решить надо!

А через три дня Гриша меня поцеловал — я уж не знаю, как это получилось, нечаянно будто, ну, а вообще-то так и должно было быть, ну, обязательно, в общем. И говорит: «Я тебя, Дуся, нашел». А я думаю: «Ведь и я тебя нашла», но сказать ничего не могу — свадьба на носу. И он понимает, конечно. Так и не заснула тогда, пролежала до света и встала. Вороча-

лась, так повернусь — надоест, иначе лягу — опять плохо. «Что делать? Ну как я скажу Толе,— думаю.— Вот и встал он между нами. Знал ведь мой бедный «психолог». А как подумаю, что свадьба будет — от ужаса вскакиваю и сижу. Нельзя, чтобы свадьба. Просто мученье, девчонки. И так нельзя и иначе тоже. Григорий меня спрашивает, а что я отвечу? Хотя знаю: без него не могу. Хорошо, на мое счастье, Толя домой уехал, к нам в село. Стало легче, решилась. Пошли в загс и расписались. На душе кошки скребут, страшно, а потом думаю: «А если бы мы с Толей свадьбу сыграли? Тиранила бы я его с досады и возненавидела потом. Он бы мучился, и никакая его психология не помогла бы». Свадьбу не устраивали, попросились куда-нибудь подальше, перебрались в Брест... Так что вот. Соседки постарше, конечно, меня осудили — из-под венца убежала, что называется, да и Анатолий... Но он хороший, очень хороший. А я думаю, что сделала правильно...

— Правильно,— соглашаются в темноте.

— А вышла бы за Анатолия,— всем троим было бы плохо.

— Тут арифметика ни при чем.

— Правильно, так и надо. Лучше все передумать и поступить как сердце подсказывает.

— Да что тут думать, раз любовь!

— А вот Татьяна у Пушкина...

— Сравнила! «Татьяна у Пушкина»! Там же совсем другое. То литература, а это жизнь.

— Дусь! С Анатолием ты потом говорила?

— Письмо ему написала, он ответил. Слово, конечно, держать надо...

— Ну, ты — чудачка, ей-богу!

— А что, девчонки, хорошо бы у нас в полку завести один мужской экипаж.

— Чего ради?

— Все-таки веселее. Я даже знаю, кого взять: Григория и Ирининого Вадима. А кто летчиком, кто штурманом — они бы сами разобрались! Точно?

— Ну, раззвонились! Ой, звонари!

Женя лежит, натянув одеяло до подбородка, жадно слушает разговор, но не участвует в нем. Говорят о той стороне жизни, наверное, о самой важной, которую она знает совсем мало. В сущности, до войны она жила среди книг, училась по книгам наукам и жизни,

но ведь по книгам. Когда-то, кажется, на первом курсе, она выписывала в тетрадь высказывания великих людей о любви, она и теперь их хорошо помнит: «Чудо цивилизации» (Стендаль), «Пробный камень» (Лев Толстой), «Звезда, ведущая к счастью» (Платон), «Сильнее любви в природе нет ничего» (Лопе-де-Вега)... «То литература, а это жизнь»... И бывает, например, вот так, как у Дуси. Она, Женя, знает много и много такого, чего не знают ее теперешние подруги. Они называют ее «ученый муж», любят слушать ее сказки, ее рассказы о звездах, о прочитанных книгах, но в чем-то они богаче ее, у них есть то, что называется житейским опытом. Опыт этот совсем невелик, и все же больше, чем у нее. На фронте, на войне, под боком у смерти, она приблизилась к жизни, к людям, к другим людям, не совсем таким, как ее университетские товарищи, более практичным, чем она.

Ее считают наивной. «Незнанье зла Вас не спасет от зла»,— получила она по «новогодней почте» в Новый, 1943-й. «У тебя все люди хорошие!» — говорят ей. Все — не все, но большинство. Над ней посмеиваются, считают, что она все понимает слишком буквально. Смеялись, когда в Энгельсе привязала к пуговицам ветрочет, карандаш и линейку. Теперь бы она так не сделала, но ведь нужен опыт, практика. У подруг такая практика была. Она пришла в армию плохо подготовленная физически, спортивно, а в полку много хороших спортсменок. Она побежала эстафету, сбросила сапоги и гимнастерку, побежала в маечке (надо было спасать честь эскадрильи, не хватало бегунов), и тогда тоже смеялись: «Демобилизованный ангел побежал!» Наверно, было смешно. Она не обижается, потому что любит их, и они ее тоже.

Женю привлекали в полку, прежде всего, девушки, не похожие на нее, более уверенные в себе, выносливые, хорошие практики. Поэтому она так привязалась сначала к Жене Крутовой, потом к Дине Никулиной, а еще позже к Гале Докутович. Дина для Жени, прежде всего, самый лучший летчик, летчик-виртуоз, Женя буквально влюблена в нее. Когда Дина по нескольку раз заставляет ее залезать в кабину и тут же вылезать, чтобы научить делать это четко, Женя не противится — ведь это приобретение опыта, которого у нее нет. Ей хотелось не только учиться у Ди-

ны летному делу, но и просто слушать ее, как человека, лучше разбирающегося в жизни, знать, что она думает по разным поводам. И вот этого общения ей недоставало. Когда останавливались на квартирах, Дина селилась вместе с Симой Амосовой, своей названной сестрой...

В конце декабря 1942 года в полк вернулась Галя Докутович, и Жене очень захотелось подружиться с ней поближе. С тонким овалом лица, черноглазая, белозубая, стройная, Галя обратила на себя внимание Жени еще в Энгельсе. Теперь же оказалось, что эта красивая девушка обладает и крепкой волей, душевным закалом. В одну из ночей в июле Галя Докутович между вылетами прилегла на аэродроме прямо на землю и заснула; в темноте ее ударил бензозаправщик. С переломом позвоночника ее увезли в тыловой госпиталь. Она возвратилась через полгода и настояла, чтобы ее снова допустили к полетам, хотя врачи предписали ей долечиваться. «Свой 6-месячный отпуск я положила в карман. После войны буду поправляться», — записала она в дневнике. Для Жени такой подвиг воли был очень привлекателен. Но не только это. Галя легко и свободно чувствовала себя среди мужчин, у нее было много старых институтских друзей, с которыми она переписывалась, появились знакомые, пока она лежала в госпитале,— от них она тоже получала письма. У нее был любимый на том же Северо-Кавказском фронте. Галя часто размышляла о любви, писала о своих переживаниях и наблюдениях в дневнике.

«По-моему, не ошибусь, если скажу так: своего Сергея Наташа ценит умом, но сердце не целиком занято им, быть может, к нему даже спокойно. А Михаил оставил память не только в голове, но больше в сердце. Почему я так думаю? Если человека любишь по-настоящему, никогда в голову не приходят мысли о том, что будет другой человек, которого полюбишь, никогда не думаешь о том, что судьба твоя в дальнейшем будет оторвана от его судьбы. Это все мелочи, но говорят они о непоследовательности. А последняя получается от борьбы рассудка с чувством. А чувство это на стороне другого. Если человек просто друг без всяких других оттенков, никогда не станешь подмечать за ним дорогих для тебя мелочей. Я помню, как после

целого года дружбы с Толей я не знала, какого цвета у него глаза. А тут человек запоминает звук шагов, все словечки, выражения, жесты и подобные мелочи»...

Жене все это тоже было интересно, она ждала своей любви, и хотелось слушать Галю, говорить и спорить с ней, но она могла высказывать только теоретические соображения. В конце концов они стали хорошими друзьями, вначале же Галю удивляло в Жене нечто еще сохранившееся от детства, от школы.

В Галином дневнике есть запись:

«Все-таки немножко странно. Оригинальные девушки бывают на свете. Вот, например, Ира Каширина. Хорошая девушка. В ней очень много нежности, гораздо больше, чем твердости. И может быть, совсем недавно Иринка заметила во мне что-то вроде склонности к лирике. Прочла она мои заметки, и я чувствую, что она тянется ко мне, может быть, хотела бы подружиться близко-близко. А я не смогу. Больше мне по духу люди твердые, волевые.

Боюсь, что обидела Женечку Р. У меня есть ее карточка с надписью: «Моей Гале». Я не спросила у нее, почему она так надписала. Но не спросила сознательно, ожидая объяснения, не желая быть навязчивой. Оказывается, вот что: у нее есть сказка о двух подругах, которые очень любят друг друга, чувство это проносят через всю жизнь, через все препятствия. И одной из этих подруг Женя дала имя «Галя». Это было уже тогда, когда она знала меня и много думала над тем, что я, пожалуй, тот человек, кто мог бы быть ее другом.

Это признание Жени было похоже на объяснение в любви, право же. Ну что я могла ответить на ее предложение дружбы? Сказать «да» — совру. Потому что мы очень неодинаковые люди. Женечка очень славная, умная, нежная и чуткая девушка, гораздо лучше меня. А я, мне кажется, сильнее ее. И мы просто не сможем дружить. Я вижу это, почему Женя не видит? Сегодня, я слышала, Женя писала письмо подруге. Она описала один случай и говорила ей, что нет у нее в полку друга (конечно, в смысле человеческом). По-моему, именно наш разговор Женя имела в виду. Я не сказала ей тогда «нет», но зато и не сказала «да».

Немножко меня удивляет: зачем, когда уважаешь человека, любишь его и хочешь дружить, говорить об этом?»

Галя права и неправа. Предлагать дружбу в наш век — старомодно и по-детски. Возможно, Женя несколько поспешила подарить карточку с надписью «Моей Гале», и в этом сказалось ее книжное воспитание. Но Галя ошибалась, считая, что нежность и чуткость не могут сочетаться с твердостью характера. Ира (Глаша) Каширина 22 дня шла по тылам врага и вышла к своим. Потом переучилась на штурмана, и, когда на обратном пути от цели вражеский истребитель прямым попаданием убил летчицу Дусю Носаль, Глаша не только сумела в трудных условиях довести самолет до аэродрома, но и посадила его, хотя делала это впервые. За присутствие духа и самоотверженность Каширина была награждена орденом Красного Знамени. А Женя, нежная, чуткая Женечка — разве она не летала каждый день в лучах прожекторов и разрывах зенитных снарядов? Летала и прицельно бомбила врага.

Женя была из той замечательной породы людей, которые учатся и готовы учиться всю свою жизнь. Сначала она училась по книгам, а когда оказалась в новой обстановке где понадобились не только книжные знания, скромно, без тени зазнайства стала учиться мужеству, выдержке, летному умению у командиров и более опытных подруг. Бывало ей трудно, стыдно, несколько раз она даже плакала бесшумно, спрятавшись под одеяло. Но если бы к ней отнеслись со снисхождением, ее бы это оскорбило.

В конце декабря 1942 года соединения нашей армии перешли в наступление на Северокавказском фронте и в считанные дни сумели взломать оборону врага. Фашисты начали отступать, опасаясь оказаться в тисках между двумя советскими фронтами — Сталинградским и Северокавказским. После полугода оккупации Северного Кавказа гитлеровцы сдавали один за другим советские города, селения, укрепленные районы, откатываясь к Азовскому морю. «Кавказ — туда и обратно», — не без иронии и горечи говорили немецкие солдаты, когда Кавказ был для них окончательно потерян.

2 января 1943 года наши наземные части прорвали сильно укрепленную оборону фашистов на Тереке, у Моздока, Екатериноградской, Прохладного, а 3 января взяли Моздок. Этот город стал для оборонявших его немецких частей сущим адом — здесь они понесли особенно большие потери. Затем наступила очередь Малгобека, 5-го отбили Нальчик, 6-го фашисты бежали из Прохладного. Темп советского наступления нарастал, наши войска висели на плечах у противника, то есть шли за ним по пятам, обтекая города и станицы, в которых фашистские гарнизоны отказывались сдаваться в плен. С «несговорчивыми» гарнизонами сводили счеты бойцы вторых эшелонов, а головные части тем временем разрушали фашистскую оборону и уходили все дальше и дальше.

Каждый перекресток дорог, каждая речушка и балочка в степи, каждая улица в городе и каждый маленький хуторок давались наступающим войскам огромным трудом и кровью. Осенью и зимой гитлеровцы не переставали готовиться к оборонительным боям и позади переднего края своей обороны создали еще несколько поясов укреплений, глубоко эшелонировали их, оборудовали по последнему слову военно-инженерной техники. Они заставляли местное население рыть противотанковые рвы, складывать из кирпича доты, сооружать проволочные заграждения. Объединяя усилия всех родов войск, Советская Армия прорывалась и пробивалась сквозь возведенные врагом препятствия.

Фашисты убегали, но все же успевали оставить после себя «выжженную землю»,— не отказались от своей людоедской практики, которая в конечном итоге работала против них...

2 января полк из Ассиновской перелетел в станицу Екатериноградскую. Приземлились среди ночи и попали в густую вязкую грязь. Сапоги сразу же утяжелились вдвое. Они точно врастали в землю, нога выскальзывала из голенища. Приходилось, стоя по-журавлиному, балансировать на одной ноге и одновременно вытаскивать укоренившийся в почве сапог. Стоишь, качаешься, а потерять равновесие — значит, вываляться в грязи с головой. Даже реветь хочется! Победишь цепкую грязь и обнаруживаешь, что предстоит выдирать наружу второй сапог...

Больше других доставалось вооруженцам: увязая на

каждом шагу, они по двое тащили стокилограммовые бомбы в густой смазке, и бомбы выскальзывали из рук, плюхались в грязь, выбрасывая в лица девушек холодные брызги, и уходили в грунт чуть ли не целиком. Натужно покряхтывая, в отчаянье чертыхаясь, девчонки-вооруженцы поспешно выволакивали бомбы из хляби (летчицы и штурманы торопили их) и несли свой тяжкий груз к самолетам.

Легче становилось, когда несильный мороз цементировал раскисшую землю. Она твердела, вся в бороздах, в рытвинах, глубоких дырах. И тогда самолеты катились по неровному полю, как по стиральной доске. Легче — это было на земле, а в воздухе, наоборот, совсем туго. Мы отчаянно мерзли, хотя и натягивали на себя всю «арматурную карточку», то есть обмундирование, полагавшееся летному составу по штату. Толстые, неповоротливые, добирались до машин, втискивались в кабины, взлетали и уже минут через 10—15 начинали ежиться от проникавшего под комбинезон, меховую безрукавку — «самурайку» и два свитера резкого ветра.

Но морозы отпускали, и наш аэродром вновь становился нашим мучителем — черная вязкая масса чавкала, всхлипывала и свистела под ногами.

В Екатериноградской нас настигла страшная весть: погибла Раскова. При перелете в тумане самолет врезался в холм и взорвался. Мы помнили ее, всегда ждали, что она как-нибудь однажды прилетит в полк и мы будем рассказывать ей долго о том, как жили и как воевали, выпестованные ею. Теперь же в газете ее портрет — красивое, жизнерадостное лицо в траурной рамке.

В день, когда узнали о непоправимом, мы написали на фюзеляжах: «За майора Раскову», а ночью облака разбрелись по сторонам, и штурманы целились особенно тщательно.

Мы перелетали с места на место, догоняя отступавшего противника, но бить его как следует в январе не пришлось — мешала погода. Настоящая кочевка — сборы, наскоро устроились близ новой площадки, команда собираться снова, упаковываемся и летим дальше на запад. Часами мы просиживали на аэродромах. Под крыльями наших ПО-2 проводились лекции, беседы о положении на фронтах, комсомольские и партийные

собрания. За январь 1943 года полк произвел всего 47 боевых вылетов, 29 раз летали на разведку погоды и 15 — разведывать расположение войск противника.

Туманы, снегопады затрудняли боевую работу и в феврале. Бывало, вылетаешь при чистом небе, а возвращаешься в сплошном «молоке», и тогда самолет сажаешь вслепую, полагаясь на удачу.

В самых первых числах месяца Женя и Дина возвращались домой, отбомбившись по цели. Туман встретили на подходе к аэродрому. Вошли в белесую мглу, и теперь помочь могли одни приборы. Тянулись секунды, но ничего не менялось. Крылья резали туман, машина дрожала и будто спотыкалась. И наконец появился свет, вспыхнула внизу ракета, зажглось маленькое солнце, заиграли радужные круги и плавно стали меркнуть. Ракеты взлетали одна за другой, но сесть по ним трудно. Дина поднялась выше тумана, сделала над аэродромом круг, еще один,— ракет больше видно не было. Прошло минуты три, и тогда в белесой бесконечности появилось неясное, дрожащее световое пятно. Оно не двигалось, не меркло, но становилось ярче и разрасталось. От костра, зажженного на летном поле, образовался световой купол, по которому можно было делать расчет. Снижались на малой скорости, как будто ощупью, готовые встретить удар о невидимое препятствие. Как вахтенный матрос на каравелле Колумба, Женя во весь голос закричала: «Земля!» Землю увидели на высоте пяти метров. Сели благополучно...

Наступление продолжалось. Самолеты женского полка приземлялись на знакомых площадках, но теперь станицы, дороги, поля, которые девушки видели в августе прошлого года, стояли изуродованные, перерытые. Лежали еще не убранные трупы, часто в обгоревших мундирах — фашистские танкисты выскакивали из горящих танков и падали под пулями наступпавших. Тут же, среди поля замерли их исковерканные, огромные и все еще грозные машины: сорванные гусеницы легли дорожкой — можно бы катиться, но танк не воспользовался случаем, башня сдвинута, длинная пушка поникла. Дорога, поле усыпаны касками, автоматами, какими-то страшными, неопределенного цвета, грязными комьями... Шоссе было запружено разбитыми грузовиками, некоторые валялись колесами вверх и еще чадили. Из окна кабины торчала бе-

лая застывшая рука, из-под кузова бежал и застыл ручеек крови.

Впервые мы видели войну близко, видели результаты своей работы.

8 февраля над станицей Челбасской висели черносерые тучи, угрожая не то дождем, не то снегом. Ветер-безумец метался по аэродрому, парусами надувал чехлы для моторов, подталкивал нас к машинам и тут же отгонял от них, вел себя, как потерявший голову руководитель полетов. Мы ждали прояснения погоды.

Начальник штаба капитан Ракобольская появилась около самолетов незаметно. Увидели ее, когда она необычным, взволнованным голосом объявила общее построение. Мы встревожились, хотя вины за собой не знали. От штаба в нашу сторону шли человек десять офицеров-мужчин, среди них — генерал-майор Попов.

После доклада Ирины Ракобольской вперед вышел командир дивизии. Ветер рвал из его рук лист бумаги. Мы смотрели на этот листок и ждали основательного разноса. Окинув строй взглядом, генерал громко начал читать. Указом Президиума Верховного Совета СССР нам присваивалось звание гвардейцев, отныне мы становились 46-м гвардейским полком. Как хорошо, когда готовишься к дурному, и ожидания завершаются нечаянной радостью. Никогда еще мы не кричали «Ура!» с таким восторгом, хотелось выскочить из строя, обнять генерала, командира полка и комиссара, прыгать и даже пройтись на руках. После команды «Разойдись!» вмиг сорвались с места, обнявшись, закружились по полю. Еще бы! Ведь мы первыми в дивизии, — да и не только в дивизии, — первыми в воздушной армии стали гвардейской частью! Сбылось сказанное нашей незабвенной Мариной Расковой: «Я верю, мои скромные ночники, вы будете гвардейцами».

На другой день, когда мы с Олей Клюевой дежурили на аэродроме, на старт, запыхавшись, примчалась Катя Титова.

— Ой, девушки!— издали закричала она.— Бежим скорее слушать марш!

— Какой еще марш?— недовольно спросила Оля.

— Гвардейский! Наш, понимаешь, наш!

«Наташа Меклин написала марш»,— догадалась я.

Накануне она писала что-то несколько часов и не отвечала на расспросы. Я взглянула на небо — оно по-прежнему хмурилось, не было ни малейшей надежды на прояснение.

— Пошли, гвардейцам положено иметь свой марш.

— Будет нам «марш», если объявят вылет на разведку погоды,— проворчала Ольга, нехотя вылезая из кабины.

— Не объявят. Ради такого случая можно разок и выговор заработать.

— Быстрей вы, копуши,— торопила нас Катя.

Общежитие было уже набито битком. Кто-то невидимый за спинами и склоненными над столом головами с чувством читал. По голосу — Наташа:

На фронте встать в ряды передовые
Была для нас задача нелегка.
Боритесь, девушки, подруги боевые,
За славу женского гвардейского полка.

— А что, неплохо,— проговорила Ира Каширина.— Ну-ка все разом:

Вперед лети
С огнем в груди...

Десятка два голосов подхватили:

Пусть знамя гвардии алеет впереди.
Врага найди,
В цель попади,
Фашистским гадам от расплаты не уйти.

Некоторые уже переписали слова. Через пять минут в общежитии гремел девичий хор:

Мы слово «гвардия», прославленное слово,
На крыльях соколов отважно пронесем,
За землю русскую, за партию родную,
Вперед за Родину, гвардейский женский полк!

Вначале пели на произвольный мотив, потом подобрали подходящую мелодию. Так мы обзавелись своим маршем.

В марте мы переместились на Кубань и обосновались в станице Пашковская, откуда бомбили подступы к «Голубой линии». Так фашисты называли сильно укрепленную полосу обороны, протянувшуюся от Новороссийска до Азовского моря. Враг до предела насы-

тил ее зенитными средствами, сюда были стянуты отборные авиационные части. Стремясь любой ценой удержать преддверие Крыма — Таманский полуостров, противник сопротивлялся с небывалым ожесточением. Скоро здесь разыгрались невиданные в истории войн знаменитые воздушные бои.

Уже в самом начале сражения за Кубань активные действия авиации с обеих сторон приняли форму напряженной борьбы за господство в воздухе, в которой ежедневно участвовало несколько сотен самолетов. Нередко в бою одновременно находилось до полусотни машин, и воздушные схватки длились часами. Насколько велик был размах сражений, можно судить хотя бы по тому, что на участке фронта в сорок-пятьдесят километров в отдельные дни происходило более ста воздушных боев.

Не считаясь с огромными потерями, гитлеровцы последовательно вводили в сражение свежие силы, пытаясь сломить сопротивление нашей авиации, но советские летчики, осознавшие свою мощь после сталинградской победы, удерживали инициативу, постепенно, день за днем изгоняли с нашего неба фашистскую авиацию и, в конце концов, стали полными хозяевами в воздухе.

Мартовские ночи достаточно длинные, и нам удавалось выполнить по пять-шесть боевых вылетов. Немцы обстреливали остервенело, мы выматывались, но наступила весна, и настроение у нас было весеннее. С новым усердием мы засели писать стихи и лирическую прозу. В ту весну у нас были популярны рассказы-сны. У Гали Докутович они выходили грустно-поэтическими, у других более жизнерадостными. Написала как-то такой сон и я. Женя Руднева, которую я сделала участницей своего «сна», потом смеялась и говорила: «Как это тебе днем, да еще в нашем общежитии могло присниться такое?»

Вот этот «сон»:

«...Ясное, ясное голубое небо. Я и Женя Руднева на берегу моря. Женя читает стихи:

...И море Черное, витийствуя, шумит,
И с тяжким грохотом подходит к изголовью...

— Чуешь, Маринка, красоту этих строф? Море, витийствуя, шумит...

— Кто это написал?
— Осип Мандельштам. Был такой замечательный поэт.
— Он уже умер?
— Разве поэты умирают? Ты же слышишь его, и твои внуки будут слышать... Талант — это счастье!
— А что такое счастье?
— Жить на земле и смотреть на звезды.
— Но жить в полном благополучии?
— Скучно. Нет, Марина, «счастье и благополучие так же различны, как мрамор и глина»... Кто это сказал?
— Не знаю.
— Байрон. Вот лежит куча глины, а вот мрамор. Видишь — дворцовые колонны?
— Вижу. Красиво.
— Красота тоже разная бывает. Ее можно увидеть во всем. Ты видишь, вот утренняя звезда Венера? А ниже золото зари. Вверху тонкая пелена облаков. Внизу — морская беспредельная бирюза. Теперь смотри туда — горы в туманной дымке. Чей-то заброшенный сад. А вот могила солдата, на ней полевые цветы и тихое гудение пчел...
— Утренняя звезда и смерть. Нелепость какая-то.
— Нет, печальное величие. Красиво. Видела картину Левитана «Над вечным покоем»?
— Кажется, видела: Волга, кресты на косогоре, издали надвигается мрачная туча...
— Так разве это не красиво?
— Это печально.
— Левитан был певец печали. Его картины так же красивы, как он сам и его замечательная жизнь. А ведь он писал свои этюды в курятнике.
Женя подняла голову, залюбовалась дворцом. Брызнули первые лучи солнца и заискрились в ее светлых волосах. Застывшие черты задумчивого лица напоминали мне мифологическую богиню.
— Какая ты красивая, Женечка! — не выдержала я.
Женя расхохоталась.
— Тоже, выдумала. Ну, пойдем.— Женя взяла меня за руку.— Вообрази, что мы с тобой некие существа, прилетевшие из других миров на эту планету. И вот

перед нами архитектурное чудо неизвестных нам разумных существ.

Мы поднялись по ступеням лестницы и через огромные двери вошли в зал. Высокие расписные потолки, на огромных окнах рваные тряпки, на стенах остатки разбитых и разодранных картин. На инкрустированном паркетном полу зияют рваные дыры пробоин... Валяются осколки хрусталя, разбитые бутылки, банки от консервов. В дальнем углу стоит рояль, сверкая белизной.

— Узнаешь этих «разумных существ»?— спрашиваю я Женю.

— Фашисты. Варвары XX века.

Держась за руки, мы с Женей подошли к роялю. Гулко отдаются наши шаги. На белой крышке рояля начертана свастика. Тут же валяется уголь.

— Что это?— спрашивает Женя.

— Проклятый символ фашизма — свастика.

— Теперь смотри, что останется от фашизма,—Женя взяла уголь.— Мы фашизм заключаем в плотный замкнутый квадрат и ставим на нем крест!

— Скоро ты думаешь это сделать?

— Буквально через недели.

— Твоими бы устами мед пить.

Женя открыла крышку рояля и взяла аккорд.

Я слушала музыку, застыв в каком-то торжественном оцепенении. Что играла Женя, я не знала — Бетховена или Моцарта, Чайковского или Корсакова, во всяком случае, что-то классическое. Никогда, мне казалось, так благотворно на меня не влияла музыка, как в этот момент во сне. В меня вливался какой-то неземной восторг. Я до краев наполнилась чувством великого счастья. Мне казалось, что я лечу вместе с музыкой, и в душе рождались мысли о вечности.

Женя встала, закрыла крышку рояля, взяла за руку и сказала:

— Спустимся на землю, Марина. Нам еще надо фашистов добивать...»

Теперь я вижу, что мой «сон» был, пожалуй, слишком красив, но тогда, после двух лет фронтовой жизни, среди тяжелой работы на износ нам так не терпелось увидеть мирную, красивую жизнь.

СТРАШНЫЕ НОЧИ

— Ну что это такое! — как-то с горечью сказала мне Женя. — Кажется, мои мамуся и напист совершенно разучились мыслить и писать просто, по-русски.

— О чем ты, Женя?

— Вот, погляди,— протянула она мне письмо из дома,— это не послание от любимых, а передовица из газеты.

Я быстро пробежала глазами несколько фраз.

— Не вижу ничего особенного.

— Вот тут прочитай, — Женя ткнула пальцем в середину тетрадного листка. — «Героиня, героические дела!» Да никаких героических дел я не совершаю!

Подошли Наташа Меклин, Дина Никулина, Катя Рябова, Надя Попова, Оля Клюева.

— О чем витийствует наш звездочет?

— Героем быть не желает,— сказала я.— Возмущается, зачем ее так называют.

— У Рудневой в этом вопросе, наверное, свое понятие,— усмехнулась Наташа.— Вот если бы кто первым полетел на Марс или на другую планету, тут она, не задумываясь, назвала бы такого человека героической личностью.

— И правильно! Ничего ты, Натуся, не понимаешь,— горячо возразила Женя.— Нельзя легко бросаться такими словами, как «герой», «героизм»...

— Как бросаться?! А ты что же считаешь, что герой должен обязательно обладать какими-то сверхъестественными качествами? Ну а ты сама, кого ты могла бы назвать героем?

— Ну хотя бы...— Женя замялась и вопросительно посмотрела на Дину Никулину.

— Так кого же?— допытывалась Наташа.

— Во всяком случае, человека не обычного, а тако-

го, который, не задумываясь, может броситься с гранатами под танк, заслонить собой амбразуру дота или, как Николай Гастелло, взорваться на собственных бомбах, врезавшись во вражескую колонну...

Привлеченные спором, подошли другие девушки. Тема разговора заинтересовала всех. Мнения разошлись, и, в конце концов, как нередко бывает, когда спорят люди, еще не определившие своего отношения к вопросу, все запуталось. Многие, кто вначале возражал Жене, неожиданно стали ее поддерживать, а те, кто соглашался с ней, оказались на стороне Меклин.

Над тем, что такое героизм, Женя размышляла постоянно, пыталась понять, в чем суть героического поступка, какова природа мужества. Это видно из ее дневников. 15 апреля она записала: «Смелость — это отличное знание своего дела плюс разумная голова на плечах и все это, умноженное на жгучую ненависть к врагу!» В другом месте — выписка из газетной статьи: «Есть разные типы героев. Одни совершают подвиг спокойно, словно выполняя обычную работу, других бросает в бой ярость. У людей разные характеры, и они живут и воюют по-разному».

Мне запомнился незначительный на первый взгляд эпизод. В одну из апрельских ночей мы долго сидели на аэродроме в станице Пашковской, дожидаясь приказа вылететь на задание. Все более холодало, мы поеживались, негромко переговаривались. В тиши — лишь изредка пискнет сонная птаха — мы расслышали шаги. Небольшой группой, молча мимо нас проходили люди в шлемах, с парашютными ранцами на спине. Они направлялись к транспортному «Дугласу». В группе было несколько девушек и среди них совсем маленькая, даже у нас в полку таких маленьких не встречалось. Она плохо поспевала за остальными и время от времени, поотстав, бегом нагоняла своих. Парашют у нее подпрыгивал сзади, будто смеялся над маленькой хозяйкой.

Мы проводили их взглядом, немного смущенные, потому что стали свидетелями вылета диверсионной группы, а видеть это посторонние не должны. Следили за тем, как они один за другим исчезали в «Дугласе», каждый на мгновение заслоняя головой тусклую синюю лампочку, горевшую внутри самолета.

— Вот кому завидую,— первой заговорила Женя,— той девушке, которая сзади шла. Вот кто настоящий герой! Подумать только, ночью прыгнуть в темноту, оказаться среди фашистов и там работать... Нужно быть очень отважной! Я бы, наверно, не смогла.

Лора Розанова возразила:

— Странно ты говоришь. Будто не ты каждую ночь летаешь за линию фронта на фанерном самолетике. Это как по-твоему?

— Это, Лорочка, не то. Я прилетела и улетела, да еще бомбой их угостила, а она прыгнет к ним в тыл, в неизвестность, и будет работать у них под боком.

Мы не сомневались в искренности Жени. Она действительно так считала.

Весна 43-го разгоралась день ото дня. Подсыхал аэродром, твердели дороги и уже начинали дымиться пылью. Листья на деревьях стали большими, почти в полный размер, но были еще свежепахучими, очень новыми. Небо засияло синью, дни росли, отвоевывая у суток минуты, а ночи съеживались. Ходить по земле хотелось без пилотки, тем более без шлема и в одной гимнастерке. Даже вода в колодце заметно потеплела.

У Жени настроение было в те дни апреля — мая неровное, и порою ее самою удивляло, как оно часто менялось. На фронтах наши дела шли неплохо, а это всегда воодушевляет солдата. Но уж очень дорого доставались победы. Поредели и ряды нашего полка.

Прямым попаданием снаряда в первую кабину убило отличную летчицу Дусю Носаль. Ее штурман Глаша Каширина (впервые в жизни) приземлилась сама, доставив домой убитого командира. Погибли, столкнувшись в воздухе в кромешной тьме без бортовых огней, Полина Макагон, Лида Свистунова, Юля Пашкова. Из четверых, попавших в воздушную катастрофу, выжила одна Катя (Хиваз) Доспанова. Спасла ее случайность. В полете она не пристегивалась поясными и плечевыми ремнями, считала, что ремни сковывают движения. Так было и в тот раз. От сильного удара о землю после столкновения самолетов ее

выбросило из штурманской кабины, у нее оказались перебиты кости ног и рук, сломаны ребра, в сознание она пришла лишь на вторые сутки. Тяжело ранило осколком в бедро штурмана Раю Аронову. Весь 1942-й год полк провоевал с минимальными потерями, а тут... всего за один месяц. Гитлеровцы огрызались зло и отчаянно. Ночные вылеты на ПО-2 все более становились предприятием смертельно рискованным.

Ощущение опасности, сделавшей еще один шаг в твою сторону, стало острее. Оно утомляло летчиц и штурманов, психологическая нагрузка увеличилась. После апрельских потерь у Жени в душе, правда не надолго, поселилось чувство неотвратимости собственной гибели. Она никому об этом не говорила, но реже улыбалась, часто задумывалась, стала замкнутой. Она старалась не раскрыть своего состояния, и только по косвенным признакам можно было о нем судить.

И все-таки чем ближе подступала опасность, тем решительнее Женя шла ей навстречу. У нее было такое ощущение, будто внутри вырос упругий стержень, который не давал согнуться, заставлял прямо и неуклонно идти навстречу смертельной опасности. Когда вокруг беззащитного, освещенного прожекторами биплана бесновались разрывы зенитных снарядов, когда осколки, словно бумагу, прошивали насквозь его фанерное тело, в груди мерзко пустело от страха, руки сами тянулись к шарикам бомбосбрасывателя, хотелось не целясь сбросить бомбы и удрать. Но она умела взять верх над страхом. Борьба с ним была мучительной, но недолгой. Неизменно вставала перед глазами маленькая девушка с парашютом, спешившая к «Дугласу», чтобы прыгнуть в тылу врага, и страх отступал. И каждый раз, когда, поразив цель, самолет выходил из-под обстрела, Женя ощущала гордость победы, победы сразу над двумя врагами — над фашистами там, внизу, и над страхом здесь, в собственном сердце. Такие победы приходилось одерживать по нескольку раз в течение ночи. Они цементировали характер, волю, но давались ценою огромного нервного напряжения. И это непрерывное напряжение накладывало свой отпечаток.

Было в Жениной жизни и еще одно обстоятельст-

во, которое не способствовало веселому настроению. Шли месяцы, война горела и тлела, оказавшись изнурительно долгой, но и на войне люди жили, а значит, любили. В Энгельсе дали заносчивые, опрометчивые детские клятвы: не влюбляться, с ребятами не знаться, на ухаживания не отвечать вплоть до окончательной победы. Но победа виделась где-то еще далеко, а выросли девочки совсем быстро. Пришло время любить и быть любимыми. И хотя работали по 12 часов в сутки, но повстречаться с некоторыми «родными» и «двоюродными братцами» время находили — за счет отдыха и сна. Клятвы нарушались, о сердечных делах говорили много, прихорашивались с удовольствием. А у Жени по-прежнему были только подруги.

После 30 апреля Женина тоска на время развеялась. 30 апреля ей вручили орден Красного Знамени. Поверить было трудно, что она, вчерашняя студентка, награждена самым главным боевым революционным орденом страны, который носили Чапаев, Котовский, Фрунзе. Радость Женина была тем более полной, что ордена получили Дина Никулина, Катя Рябова, Дуся Пасько, Глаша Каширина и «ее Галочка» — Галя Докутович.

Сначала Женя собралась сразу написать домой и друзьям о награде, но потом решила сделать сюрприз: сфотографироваться и послать фотографию, без всяких комментариев, чтобы «папист» разглядел у нее на груди новый орден и изумленно сказал матери: «А ты, мать, ничего не замечаешь? Посмотри лучше, сколько у нее орденов? Вот, то-то же». Но сняться не удалось, пришлось писать.

9 мая (только через два года этот день станет историческим) пошло письмо Иде Родкиной:

«Только что проснулась и увидела приготовленную бумагу и карандаш. Это я еще утром приготовила с благим намерением написать тебе перед сном, в кровати, но едва голова коснулась подушки, как мое благое намерение перестало меня тревожить. Вот дни стали длиннее, у меня должно быть больше свободного времени. Как бы не так. У меня появилось несколько новеньких человек, еще неопытных, толь-

ко вступающих в строй, они требуют много внимания.

У нас есть пословица, в правоте которой я почти ежедневно убеждаюсь: «В авиации чуть-чуть не считается». Недавно мы с Диной еле-еле дотянули домой. Я всю опасность почувствовала по-настоящему, когда подошла техник и определила, что в воздухе случилась авария и что через две-три минуты отвалился бы кусок мотора (а мы летели над болотами). Причем ночь была черная, и мы из-за отказа мотора возвращались с бомбами. Идочка! Говоря же по совести, причиной того, что я долго не писала, является не столько отсутствие времени, сколько то, что меня наградили орденом Красного Знамени. Мне как-то даже неловко сообщать об этом. Ты подумаешь: «Ну, что такое она делает, что ее вторым орденом награждают, да еще каким!» Думай, что хочешь, только пиши почаще.

Целую крепко. Женя».

Командир полка, заместители и начальник штаба совещались и размышляли три дня — нужно было назначить нового штурмана полка на место Сони Бурзаевой, которая ушла из полка по болезни. Женя Руднева была главной кандидатурой, ее рекомендовала Никулина, но решиться на такое назначение никак не могли. Все сходились на том, что она лучший штурман, что она прекрасно знает самолетовождение, в воздухе ведет себя при любых обстоятельствах уверенно и спокойно, никогда не теряет ориентировки, прицельно бомбит врага, и тем не менее сомневались.

— Очень боюсь, ее не будут слушаться штурманы,— говорила начштаба Ира Ракобольская.— Все-таки к ней относятся как к милой Женечке с голубыми глазами и длинными ресницами, ну, я бы сказала, не очень серьезно. Ласковая, хорошая, но нет твердости.

— Она ведь у нас лучший преподаватель штурманского дела, — возразила заместитель командира полка по летной части Сима Амосова. — Посмотри, как она своих «штурманят» натаскивает, как они ее слушают. Мы заходили с ней как-то на цель три раза — она про-

сила, хотела проверить несколько вариантов прицеливания. Все проверила и говорит: «Теперь своим штурманам и штурманятам буду рекомендовать, чтобы цель была под чертой на $^2/_3$ прорези у трапа». Она все время ищет что-то новое, она не только навигатор, но и новатор. Понимаешь?

— Но ведь она совершенно не умеет командовать, говорит тихим голосом, и вид... совсем не военный, гимнастерка мешком, рукава висят,— засомневалась Бершанская.

И тут же та самая Ира Ракобольская, которая только что опасалась, что Жене не хватит твердости, заметила:

— Бравый вид, в конце концов, не самое главное. Она умна и по-настоящему способна.

Сошлись на том, что быть младшему лейтенанту Рудневой штурманом полка.

Женю новое повышение не обрадовало, скорее, наоборот, огорчило — предстояло расстаться с Диной, о которой она писала родителям: «Раньше я не подозревала, как я ее люблю». Теперь официальным Жениным летчиком становилась Евдокия Давыдовна Бершанская. Женя с большим уважением относилась к командиру полка, но стеснялась ее и побаивалась.

— Зачем мне нужно быть начальством? — грустно жаловалась Женя Дине Никулиной.— Теперь мы с тобою совсем мало будем летать. Правда, хорошо, что ты от меня освободилась: все же хлебнула ты со мною.

— Женечка, ну подумай, что ты говоришь? Я действительно тебя рекомендовала, но только потому, что вполне уверена в тебе.

— Ну, да, если так, то я бы тебе и в эскадрилье пригодилась. Я знаю — хороших работников за здорово живешь не отдают.

Дина расхохоталась.

— Ой, Женька, ты кого хочешь уморишь! — И, отсмеявшись, продолжала серьезно: — Тебя повысили в должности за твои знания, за деловые качества, ты гордиться должна, а не обижаться.

— Да я не обижаюсь,— вздохнула Женя.— Только мне с тобой расставаться грустно очень...

В разгаре было лето. Полк стоял в семи километрах от фронта. Мы слышали гул канонады, а с наступлением темноты видели зарева пожарищ.

Ночь на 19 июля выдалась тихая, ясная, звездная. Мы еще не знали, что это будет одна из самых тяжелых ночей в истории полка. Предстояло бомбить передний край противника. В темноте слабо мигал фонарик руководителя полетов. Через каждые три минуты к старту проплывали рокочущие стрекозы.

Первыми в воздух поднялись командир эскадрильи Дина Никулина со штурманом Ларисой Радчиковой, заменившей Женю Рудневу. Минут через семь в той стороне, куда улетел самолет, небо засветилось, с земли вверх устремились разноцветные, похожие на ракеты, огоньки, частые яркие вспышки замелькали над горизонтом.

— Нарвались на заградительный. Только бы не попало, только бы мимо,— тихо заклинали техники и вооруженцы. Они стояли кучкой и, не отрывая глаз, следили за беззвучным действием, смысл которого им был понятен.

Через полчаса экипажи начали возвращаться. Девушки вылезали из машин устало, медленно... И молчали. Их вид говорил о том, что им пришлось пережить. Не вернулись две машины, не было Полины Белкиной и Тамары Фроловой, Дины Никулиной и Ларисы Радчиковой.

Женя улетела в свой второй за эту ночь полет тягостно озабоченная. Пока шли к цели, она несколько раз спросила летчицу Надю Попову:

— Как ты думаешь, что с ними?

— У меня хорошие предчувствия — они будут дома,— отвечала Надя не очень уверенно. Ни о чем другом не разговаривали.

Прошла ночь — никто из четверых не вернулся. Женя и Сима Амосова, обе бледные, с запавшими от напряжения и душевной тревоги глазами, упросили было Евдокию Давыдовну разрешить им отправиться на поиски сейчас же, при свете дня, но командир дивизии отменил их вылет и на все резоны отвечал одно:

— Это глупое безрассудство. Вы не успеете отле-

теть и на пять километров, как вас угробит первый встречный «мессер». Запрещаю.

Женя еле добралась до кровати, свалилась и заплакала в голос. По временам она поднимала голову, смотрела на карточку Дины, и снова рыдания рвались из ее груди. Она не заснула. Кто-то гладил ее по голове, что-то говорил ласково, даже попытался наивно подсунуть липкую конфету-подушечку, но Женя замотала головой, и подушечка прилипла к щеке. Она истомилась, затихла, но не спала, просто лежала, ослабев, и мысли застыли без движения, и казалось, ничего вокруг уже не было.

Шум, неожиданно поднявшийся в общежитии, Женя не заметила, голоса девочек доносились до нее невнятно, словно издалека.

— Женя, Женечка, да вставай же! Слышишь, нашлись, живы!

Только после энергичной встряски за плечо она подняла лицо, красное, с запухшими глазами. Мысли медленно сдвинулись с мертвой точки.

— Слышишь, Дина жива, ранены они обе.

И тогда она увидела Надю Попову, услышала ее и поняла, а поняв, снова заплакала.

— Дай я тебе слезы вытру,— говорила Надя строго, по-матерински, обняв Женю за плечо.

Дину она увидела только через три дня, когда их с Лелей перевезли в Краснодарский госпиталь.

Весь путь, пока ехали с майором Бершанской до Краснодара машиной, Женя, не переставая, говорила о Дине, смеялась, вспоминала ее разговоры, рассказывала, как она поет, как пляшет... Когда вошли в палату, слезы снова подступили к глазам — нелегко было видеть Дину беспомощную и в бинтах, Дину, которая всегда была само мужество, сама решительность.

Дина доложила командиру о выполнении задания. Потом широко улыбнулась Жене:

— Я ведь живая, штурман.

Женя молча покивала — боялась: скажет слово и расплачется. Присели около Дины, выслушали ее рассказ о полете.

— Отбомбились нормально. Стали возвращаться, вдруг включается шесть прожекторов, шарят, ищут. Набрала высоту и — в сторону. Еще шесть включились.

Не пройти, думаю. Работали мы на высоте 1100 метров, а к этому времени на 700 спустились. Высота теряется. Еще включились, ловят нас. Сколько там прожекторов, даже не знаю. Ослепили здорово. Нащупали и давай лупить. Открыли такой огонь, что просто жарко в воздухе стало. Самолет содрогается, а все мимо, уходим от снарядов. Не попадают. Стали разворачиваться, слышу, Леля говорит: «Я ранена в бедро, обернись, самолет загорелся». Глянула — висят лохмотья, ужасный вид, и огонек ползет. Вдруг как стукнет меня по ноге, будто кувалдой. Летим, а ног я не чувствую, одеревенели. Пощупала — на руке кровь. Леле ничего не говорю. А пламя еще больше. Стала скользить влево, прожектора перестали ловить, думали, что мы готовы. Сбила пламя и самолет вывела из скольжения, смотрю — 200 метров высота. Ну все, выскочили из-под обстрела. Обернулась — Леля лежит на борту. Я ей кричу: «Леля! Леля!» Молчит. Бензобак пробит, и бензин на раненую ногу течет. Припекает, боль адская, ну прямо никакого терпения нет. Лететь дальше нельзя, вот-вот заглохнем. Только бы дотянуть до своей территории.

Среди рассказа Дина заметила, как жалостливо смотрит на нее Женя. Улыбнулась, подмигнула.

— Вижу сверху — идет машина, и фары включены. Я думаю, была не была: сядем на дорогу. Захожу и сажусь. Хотела включить свет, чтобы видно было, что самолет идет на посадку, свет не горит, все разбито. Что там делается внизу, ничего не видно, темень. Сели нормально, но самолет лег на правый бок, правое шасси было разбито.

— Не очень, значит, нормально, — как бы про себя проговорила Евдокия Давыдовна.

— Не совсем, конечно, но неплохо. Сели. Сразу легко стало. Теперь разберемся. Хочу подняться и не могу. Что делать? Приподнялась кое-как на руках, навалилась на борт и к Леле. Звала, звала ее — не отвечает. Дотронулась до нее — теплая. Жива! На минуту придет в себя и снова теряет сознание. Хотела из ракетницы стрелять, да не нашла ее. Слышу, кто-то идет. Окликнул, я ответила. «Славу богу, у своих», — думаю. Оказался шофер какого-то грузовика. Вытащил он нас с Лелей из самолета и прямиком в госпиталь. А потом еще 300 граммов своей крови отдал для

меня. Мы, конечно, очнулись — видим, на подушках лежим. Леля мне говорит: «Если б не рана, подумала бы, что все это не со мной было. А ты веришь?» — «С трудом»,— говорю.

— Еще хорошо, ты сама осталась в сознании,— озабоченно сказала Евдокия Давыдовна.

— Был момент, когда я чуть его не лишилась, все поплыло в голове, но ведь нельзя было...

Возвращаясь в полк, Женя думала о Дине. «Газик» по степной дороге катил ровно, по сторонам стоял бурьян, выросший за время оккупации на хлебных полях. Женя думала о словах подруги «нельзя было», о волевом упорстве, которое Дина показала на деле. Этому она учила своих подчиненных: «Если ранило вас осколком или пулей, но вы еще можете держать ручку, если самолет подбит, но еще летит, вы обязаны напрячь все силы, десять, а может, и больше раз сказать себе: «Спокойно!» и спасти жизнь экипажа, спасти машину». И вот Дина первая оказалась в отчаянно трудном положении и доказала, что слова ее не были пустым поучением... «Раньше я только читала о сильных духом, и вот теперь такие люди живут рядом со мной, вернее, я рядом с ними. Знать такого человека в реальности, как я знаю Дину или Галю, куда важнее, чем прочитать много книг о бесстрашных, волевых людях. Поразительно: Дина — моя подруга, и то, что она совершила — не легенда! После войны я буду рассказывать в университете о ней, о Гале, о Дусе Носаль, и буду говорить не только как очевидец, но и как их подруга. Странно: я люблю фантазировать и, кажется, недостатка в фантазии не испытываю, но представить все то, что произошло за этот год, у меня бы не хватило пороху. Жизнь оставила далеко позади все мои мечты».

— У Дины не только хватило храбрости, но и умения. Вот, что значит быть хорошим летчиком,— нарушила молчание командир полка, как бы дополняя Женины размышления.— Какое счастье для Радчиковой, что она была с Диной.

В ночь на 1 августа полк готовился к боевым вылетам, как обычно. Было, правда, известно, что цели особенно сильно укреплены, и это тревожило. Кое-кто

из летчиц и штурманов нервничал, ссорился с вооруженцами, казалось, что те излишне копаются, нерасторопны. Волнение передавалось и техническому составу.

Незадолго до взлета к Жене Рудневой подошла с обиженным лицом Аня Высоцкая.

— Опять у меня неопытный штурман. На такую цель я с ней не пойду, я же сама...

— Постой, с кем ты летишь?

— С Лошмановой. Я хочу с кем-нибудь из «старичков»...

— Ах, Аня, Аня, не могла раньше сказать.

Женя поговорила с командиром эскадрильи Таней Макаровой, но из перетасовок второй эскадрильи ничего не выходило, и тогда ей пришло на ум взять опытного штурмана для Высоцкой из первой эскадрильи.

Летчица Наташа Меклин и ее штурман Галя Докутович уже сидели в своей машине и дожидались сигнала к взлету, когда к самолету, шаря по земле слабым лучиком фонарика, подошла Женя.

— Девочки, я к вам.

— Слушаем, товарищ штурман полка, — отозвалась Наташа.

Женя объяснила в чем дело, но Галя колебалась:

— Что уж вторая так обеднела, что своего порядочного штурмана не найти?

— Мы все варианты прикинули, ничего не получается. Выручай, Галочка!

— Села, устроилась, место нагрела, а тут вылезай. Только ради тебя, Женюра.

— Высоцкая сегодня не в своей тарелке, нервничает. Ей нужно помочь, чтобы не наделала глупостей,— объясняла Женя на ходу.— А ты как себя чувствуешь, спина не болит?

— Нормально.

На командном пункте к Жене подошла Катя Рябова. Она отозвала Женю в сторону и тихо спросила, наклонившись к ее плечу:

— Ты за Галку не боишься?

— Что ты! Я сама сделала с Высоцкой шесть вылетов и полетела бы сегодня, но мне надо с Рыжковой лететь — у нее еще меньше опыта.

Женя ответила уверенно, однако вопрос Кати ее

встревожил. «Почему она так спросила?» — думала Женя, усевшись уже на место штурмана позади Клавы Рыжковой.

Девять экипажей второй эскадрильи взлетели один за другим: Крутова — Саликова, Высоцкая — Докутович, Рогова — Сухорукова, Розанова — Студилина, Полунина — Каширина, Макарова — Белик, Дудина — Водяник, Чечнева — Клюева, Рыжкова — Руднева. Предстояло бомбить скопления живой силы и техники врага близ станиц Киевской, Крымской, Молдаванской.

Сначала все было привычно: над целью поднялись лучи прожекторов, постояли, колыхнулись и ринулись ловить первый самолет. Прилипли и повели. Второй и третий экипажи шли спокойно, ожидая увидеть вскоре разрывы снарядов и трассирующие очереди зенитных пулеметов, но зенитки молчали. Маленький самолетик поблескивал в лучах, рвался вверх, шарахался в стороны, и казалось, что он привязан к земле широкими белыми лентами, которые натянулись, но не обрываются. Неизвестно отчего, совершенно неожиданно самолет вспыхнул и все же продолжал планировать. Прожектора вели его еще некоторое время и наконец погасли. Пламя приближалось к земле. У самой земли из горящего самолета вылетела красная ракета, и тут же вверх взметнулась яркая масса огня, грянул взрыв. Внизу неторопливо догорали обломки.

И снова включаются прожектора и ловят второй самолет. Все повторяется: поймали, ведут, и снова молчат зенитки. Вдруг откуда-то сбоку к ПО-2 летят губительные светлячки, вспыхивает плоскость. Падает второй самолет, тянутся огненные языки. Секунды, и снова взрыв.

Теперь ясно: в небе патрулирует вражеский истребитель. Прожектора освещают для него цель, и он без помех, как на ученьях, расстреливает тихоходные самолеты. Все, кто летит следом, впервые видят такое, впервые на их глазах горят подруги, горят свои, родные девочки, которых любишь, с которыми столько переговорено, с которыми приходилось ссориться и мириться, которых, кажется, знаешь тысячу лет.

И третий экипаж, как притянутый магнитом, как

бабочка, зачарованная светом, треща слабым мотором, движется навстречу своей гибели, поджидающей в темноте. В чем же дело? Страх и недостаток времени на обдумывание маневра. Парализованная страхом мысль плохо работает. Загипнотизированные жуткими падающими факелами, Рогова и Сухорукова продолжают идти прежним курсом на прежней высоте и попадают в сокрестие лучей. Горит третий самолет. Как в страшной сказке: невидимое чудовище пожирает подруг.

И только четвертый экипаж находит выход. Набирать высоту бесполезно — фашистский истребитель в состоянии подняться намного выше ПО-2. Значит, надо спуститься. Фашист с его скоростью не сможет охотиться на малой высоте, да еще в темноте. Конечно, ПО-2 рискует пострадать от осколков и взрывной волны собственных бомб, но тут есть шансы выжить, там же, на высоте тысячи метров — верная гибель.

Четвертый самолет спускается до 500 метров, планирует с выключенным мотором, освобождается от бомб над головами гитлеровцев. В тишине взрывы гремят оглушительно, самолет подкидывает вверх, но он остается цел. Прожектора шарят где-то в высоте, самолет тем временем тихо парит, теряя высоту. Включен мотор, и тогда оживают зенитки, но бьют неприцельно.

Пятый экипаж не догадывается предпринять тот же маневр и погибает, как погибли первые три.

Самолет Полуниной — Кашириной падает, разваливается в воздухе на куски, в кабине штурмана рвутся ракеты — прощальный сигнал живым.

Все остальные экипажи поступают, как четвертый, и невредимыми возвращаются на свой аэродром.

Как только приземлился их самолет, Женя бросилась к вернувшимся машинам, но там никого не было. Сорвав с головы шлем, она побежала на КП, споткнулась, упала и, не отряхиваясь, плача, побежала дальше.

В бывшем правлении колхоза, где разместился командный пункт, собрался почти весь полк. Стояли и сидели тихо, подавленные происшедшим, прижавшись друг к другу, как бы сплотившись перед лицом великого несчастья. Те, кто обманул смерть, устало расска-

зывали о только что виденной и пережитой трагедии. Женя пробиралась к столу командира и с подрагивающими губами всматривалась в знакомые лица, будто видела их впервые и хотела запомнить. Она уже знала, что не найдет здесь ни Галю Докутович, ни Женю Крутову, и едва сдержала готовый вырваться отчаянный протестующий крик: «Нет!!!»

За одну ночь полк потерял восьмерых. Не стало Жени Крутовой, Лены Саликовой, Ани Высоцкой, Гали Докутович, Сони Роговой, Жени Сухоруковой, Вали Полуниной и Иры Кашириной.

В эту ночь больше вылетов не было. Но выполнить приказ «Спать» никто не мог. Лучшие подруги погибших плакали навзрыд, остальные мрачно переговаривались в своем общежитии, со страхом посматривая на восемь застеленных, пустых коек. Под этими койками стояли чемоданчики, вещевые мешки, на одеялах лежали недочитанные книги, из-под подушек высовывались уголки платочков с незаконченными вышивками. Невозможно было представить, что те, кому все это принадлежит, не вернутся к своим вещам, оттого что в один миг перестали быть живыми людьми и теперь лежат где-то обгоревшие, обезображенные.

Женя не могла плакать. Она не спала, но в разговорах не участвовала и не слышала, что говорят рядом. В мозгу бесконечным хороводом кружились две мысли: «Ты сама послала Галю на смерть, сама...» и «Они еще вернутся, кто-нибудь обязательно вернется, не может быть, чтобы никто не спасся...» Иногда рождавшийся в глубине сознания холодный трезвый голос вставлял свое слово: «Самолеты упали и взорвались, чуда быть не может».

Утром, разбитая бессонницей, Женя достала свой дневник и записала: «До меня, видимо, еще не все дошло, и я могу писать. На моих глазах сожгли Женю Крутову с Леной Саликовой. Женя, Женя... Когда-то мы загадывали, что, может быть, придется вместе смотреть в глаза смерти... Успели ли выбраться? И было ли кому выбираться?.. Моя Галя не вернулась!.. Пустота, пустота в сердце».

Нет, она все еще не верила, что Галя погибла. Точно так же, не желая верить сообщению наземных наблюдателей, заплаканная, с каким-то безумным упорством пытаясь вернуть Галю к жизни силой сво-

ей любви, в другом конце комнаты писала ей письмо. Поля Гельман, подруга Докутович с детских лет.

«Галя! Мой друг! Сестра моя родная, любимая! Вот уже наземники подтвердили, а я все не верю. Ведь я тебя скоро увижу, очень скоро. Правда? Галочка! Мне ведь еще поцеловать тебя нужно — Валерка в письме попросил.

Вот теперь я уверена, что ты жива. Жива!!! Слышишь?

Только скорей, скорей сообщай о себе что-нибудь. Жду. И дождусь!!! Скорей сообщай адрес.

Полинка».

И все же пришлось разбирать, упаковывать вещи погибших. Вместе с Полей Женя просмотрела Галин дневник:

«Еще с детства любимым моим героем был Овод. Сколько раз я плакала над книгой, горячо переживала за Артура, восхищаясь его мужеством, скромностью, силой воли. Но это свое увлечение я глубоко прятала от всех, чтобы никто не посмел смеяться над моей святыней».

— Я знала об этом, но узнала совсем поздно, кажется, в десятом, — говорит Поля.— Да, Овод...

Из госпитальных записей: «Каждый вечер кино. Вчера «Учитель». Мы смотрели — смеялись! «Чудные они какие-то!» (Это про влюбленных.) И я подумала, что я ведь, если по правде говорить, никогда в жизни не переживала ничего так сильно».

«Как и я,— думает Женя.— А я тебя за авторитет в любви считала. Оказывается, «если по правде говорить»... Бедная моя Галочка».

— Эти стихи она мне посвятила, видишь «П. В. Г.» Три месяца тому назад написала.

Промчалась юности счастливая пора,
Прошли неповторимо молодые годы...

— Глупая, ей еще только двадцать два. Разве это конец молодости?

«Мы дружбу пронесли, мой друг, моя сестра, через бои, и стужу, и невзгоды»...

— Прочитала? А вот тут смотри:

«И даже, кажется, немного поумнели».

— Это почти так. Какие мы девчонки были до войны. В одном письме, помню, она писала: «Еще новость: я уже разочаровывалась». Чудачка.

Последняя запись: «Не знаю почему, припомнила вчера многое-многое. И Игоря. Вытащила его письма, такие хорошие, теплые. Где он теперь и жив ли? Наверное, жив. Помнит ли? Впрочем, это не нужно. Хочу только, чтобы Юрка помнил. И когда он полюбит девушку, чтобы помнил, и когда станет взрослым, и даже старичком, чтобы помнил».

ПОМОЩЬ ЭЛЬТИГЕНУ

Днем командир полка Евдокия Давыдовна Бершанская объявила:

— На рекогносцировку местности вблизи линии фронта поедут Амосова, Руднева, Рябова, Жуковская, Целовальникова, Белик, Гашева, Тихомирова, Пискарева, Чечнева, Жигуленко, Смирнова, Пасько, Сумарокова, Серебрякова. Всего 15 человек. Выезд в два часа ночи 29 августа. Пока спать, подъем в 1.00.

Тех, кого назвала Евдокия Давыдовна, ожидала интересная поездка на машинах вдоль всего переднего края. За три дня нам предстояло проехать несколько сот километров, побывать на армейских наблюдательных пунктах, рассмотреть в стереотрубу вражеские позиции и нанести на свои карты линию боевого соприкосновения войск. Готовилось мощное наступление Красной Армии, которое должно было освободить Таманский полуостров и выбить врага из Новороссийска.

Ехали мы весело. За околицей станицы нас обогнала машина, в которой ехали летчики и штурманы 63-го бомбардировочного полка. Их сопровождала пылевая завеса, которой они нас и накрыли. Мы хором прокричали: «Невежи»! Но те сделали вид, что не понимают нас. Тогда мы постарались объяснить им, насколько они проигрывают в сравнении с нашими «братиками»-бочаровцами, те, мол, сама воспитанность, а вы... В это время «образцовые» братики поднажали и выскочили вперед. Было решено обоим полкам объявить бойкот и петь песни про героических истребителей, которые бы так никогда не поступили. Но справедливость восторжествовала: наш генерал, ехавший в кабине, приказал шоферу занять в колонне головное место, и мы лихо вылетели вперед. Торжествуя, три раза прокричали «ура!».

— Судя по всему, борьба у нас в колонне предсто-

ит самая напряженная,— сказала Женя.— Нельзя, чтобы такие события забывались.

Она достала чистую, еще не начатую тетрадку и стала записывать прямо на ходу.

«Один посторонний юноша,— писала Женя, с трудом совладая с карандашом, который из-за тряски носило по бумаге туда-сюда,— вздумал нас обогнать. По почину гвардии капитана Амосовой началась бомбардировка подсолнухами, кукурузой, огрызками яблок. «Противник» временно отступил и долго шел в нашей пыли. Мы сразу отметили его благородную черту: он не растерялся и ответил нам орехами. Через некоторое время он нас все-таки обогнал, стукнул орехом в кабину и долго еще обдавал нас пылью».

К часу дня, пропыленные, мы добрались до командного пункта 9-й армии, куда вскоре приехал командующий фронтом И. Е. Петров, только что произведенный в генерал-полковники. Настроение у него было хорошее, он с нами шутил, а потом прислал нам сытный обед.

Воздух был совершенно прозрачный, на фронте в эти дни установилось затишье, и мы спокойно и долго наблюдали в стереотрубу за передним краем фашистов.

Следующий день снова ехали вдоль фронта, на остановках смеялись и пикировались с «братцами», на плитку шоколада выменяли у них арбуз, снова забрались в машины и запели песню:

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить,
С нашим генералом
Не приходится тужить!

Так, распевая, мы лихо пронеслись мимо «братцев» и успели очень ловко забросать их желудями. Они же растерялись и ответили всего одной луковицей.

На третий день свернули к Кабардинскому перевалу. Когда полуторка, наконец, одолела перевал, все в нетерпенье встали и увидели море, великолепное Черное море, о котором мечтали еще весной 41-го, надеясь на отпуск или каникулы. Теперь спустя два года к нему нас вывели дороги войны. На такую ли встречу мы рассчитывали тогда?

Когда повернули домой, состоялось примирение с «братцами». Некоторые из них даже перебрались к

нам в машину и в качестве дани прихватили с собой полмешка яблок.

Перед самой Ивановской, где располагался наш полк, Женя вдруг заявила:

— А ведь нам никто не поверит, что мы были на передовой. Нужны доказательства.

Веселый настрой, владевший нами в поездке, немедленно дал о себе знать. Было решено показать, что мы «пострадали».

Мы разорвали индивидуальные пакеты, вытащили бинты и щедро замотали кому голову, кому руку, а Жене даже обе.

— Только охайте, девочки, получше,— говорила Женя, когда мы въезжали в Ивановскую.

Машина остановилась возле столовой. К нам уже бежали испуганные девушки, завидевшие издали белые бинты, а мы сидели в кузове и усердно охали. Но долго не выдержали — и одна за другой с хохотом спрыгнули на землю,— и война как будто прекратилась для нас, и то, что мы здоровые, целые и невредимые обмотались бинтами, казалось очень смешным.

И сколько бы мы ни горевали по поводу якобы уходящей молодости, как ни сетовали на свои двадцать два года, на деле юность была с нами, и когда в долгой череде военных забот образовался разрыв, тут же в него устремилась наша беззаботная веселость и радостное ощущение жизни.

После взятия Новороссийска началось быстрое изгнание фашистов с Таманского полуострова, «Голубая линия» распалась сразу в нескольких местах. 9 октября последние гитлеровские солдаты убрались с полуострова. Вылетев на бомбежку в эту ночь, мы не нашли ни одной цели. Мыс Чушка, где недавно было скопление немецких войск, словно вымер; дороги, ведущие к Керченскому проливу, опустели.

— Придется докладывать: противник бегает быстрее нас, бомбить некого,— шутили мы, возвращаясь на аэродром.

В признание заслуг полка к его имени прибавилось слово «Таманский».

Теперь на очереди был Крым.

В начале ноября слово «Эльтиген» было на устах у

всех, кто находился на кавказской стороне Керченского пролива. Эльтиген — маленький рыбачий поселок на берегу Керченского полуострова, южнее Керчи. Здесь в ненастную ночь 1 ноября высадился десант 18-й армии, вернее, только часть десантников. Остальные суда из-за сильного шторма на море не смогли подойти к берегу и вернулись на Таманский полуостров. Но те подразделения, которые достигли крымского берега, стремительно атаковали неприятеля и в первую же ночь захватили плацдарм в шесть километров по фронту и в два километра в глубину.

Через несколько дней у десантников подошли к концу продукты и боеприпасы, нечем стало перевязывать раненых, прекратилась связь с Большой землей, осколками снаряда разнесло рацию, убило радиста. Свинцовые волны бурлили не переставая. Вновь и вновь рвались к Эльтигену наши катера с подкреплением, боеприпасами, продуктами и опять вынуждены были ни с чем возвращаться к своим причалам. А пока десант мог противопоставить противнику, кроме упорства и мужества, лишь пулеметы, противотанковые ружья, винтовки, автоматы, гранаты. Орудия, которые везли на плотах, так на плотах и остались, а плоты разбросал шторм и унес в море. Не было укреплений, а те, немецкие, что заняли в первые часы после высадки, своими амбразурами были обращены в сторону пролива. Помочь отважным морякам и пехотинцам могла только авиация, в том числе наша — тихоходная, ночная. Генерал Петров, командующий фронтом, подписал приказ: «46-му женскому гвардейскому авиаполку ночных бомбардировщиков пробиться к десантникам и доставить им продовольствие, боеприпасы, медикаменты».

Приказ пришлось выполнять в стопроцентно нелетную погоду — дождь при низкой облачности и штормовом ветре. К бомбодержателям крепили мешки с патронами, провиантом, бинтами и лекарствами и сбрасывали их на узкой полосе крымского берега. В этом случае годилась только наша малая скорость, никаким другим самолетам такую задачу доверить было нельзя. Чтобы сбрасывать мешки с грузом в цель, нужна была исключительная точность, просчет в один-два метра — и ценный груз мог попасть к врагу. Наши легкие бипланы сносило ветром, нас искали и ловили

прожектора фашистов, а потом начинали бить зенитки. На бреющем проносились мы над головами врагов, сбрасывали свои мешки на еле заметные сигнальные огоньки десантников и возвращались к себе в Пересыпь на берегу Азовского моря, чтобы взять новые мешки и опять лететь через пролив к Эльтигену.

Бывало, с середины пролива уберешь газ и планируешь до самого крымского берега. Фашисты бьют из чего попало, даже из автоматов, пули пробивают плоскости... Но вот уже под крылом долгожданные огоньки, тогда что есть мочи кричишь:

— Принимай гостинцы, пехота! У нас картошка и медикаменты, патроны — следующий. Привет от 46-го женского, гвардейского!

Двадцать шесть ночей летали мы к десантникам. Каждый такой рейс нес им спасение, укреплял уверенность в победе.

Высокие плотные облака ушли далеко в сторону моря и там остановились. Луна подсвечивала их кружевные края, а по самой кромке горизонта искристо серебрилось море. Поэтому тьма, окутавшая аэродром, казалась еще гуще, ветер под тучами усилился, и стало заметно холоднее.

Женя стояла, прислонившись плечом к фюзеляжу, смотрела в сторону серебрящейся в море полосы и тихо, про себя напевала без слов: «На холме стоит домик-крошечка...»

Я сказала:

— Немцы, наверное, подтягивают силы для нового удара по Эльтигену.

Женя оттолкнулась плечом от фюзеляжа, поправила ремень на комбинезоне:

— Спасибо, Маринка, что вернула издалека...

— Тяжко придется морячкам, если мы не найдем танковую колонну.

— Найдем. На брюхе будем ползать над городом, а найдем.

— А далеко ты была?

— Дома, Марина, дома.

Подана команда на взлет. Первой ушла машина Амосовой.

Устраиваясь за моей спиной в штурманской кабине, Женя проговорила, посмеиваясь:

— Давно не брала я в руки шашек...

— Знаем, как вы плохо играете,— в тон ей ответила я репликой Ноздрева.— Знаем, как вы играете, товарищ флагштурман.

Рокот мотора машины Амосовой таял в вышине, и уже не стало видно голубого посверкивания из патрубков. Мы вырулили на старт. Вспыхнул зеленый огонек карманного фонарика: команда — взлет. ПО-2 послушно оторвался от земли и легко стал набирать заданную высоту.

Под крылом едва угадывались очертания лимана, морского берега и узкого языка Пересыпи. Ветер, бивший справа, был не особенно сильный. Руднева по «переговору» сообщила курс, и мы пошли в сторону Крыма на высоте 800 метров.

Мы находились над серединой Керченского пролива, когда впереди, будто безмолвные выстрелы, ударили в днища туч иссиня-белые лучи прожекторов. Пока они стояли не шелохнувшись, зенитки и пулеметы еще молчали.

В такие минуты трудно оставаться наедине со своими мыслями:

— Женя,— позвала я.

— Слушаю.

— Похоже, сегодня будет жарко.

— Похоже. Слишком задолго фашисты готовятся к встрече.

— Пожалуй, поставят «стенку». Станут палить вовсю, не целясь.

— Подрастрепали, значит, мы им нервишки. Крошим по расписанию, точнее железнодорожного. Подверни на десять градусов влево... Как раз на южную окраину города выйдем. Это им не прошлый год, когда мы едва успевали менять аэродромы.

Вдруг... Это всегда бывает «вдруг», потому что сколько не жди мгновенья, предугадать его нельзя,— иссиня-белые столбы света лихорадочно заметались. Возможно, и даже наверняка, в движении лучей-лезвий существовала какая-то закономерность, но нам было не до нее, нам следовало проскользнуть сквозь частокол света.

По житейскому опыту, по всем известным истинам

физики я знала, что световой луч прям и изогнуться не может... Но когда идешь на бегающие перед тобой, плотные и подвижные, как шпаги, лучи, невольно, не разумом, а спинным мозгом, ощущаешь, будто луч, проскользнувший в сотне метров, может изогнуться и прилипнуть к твоему самолету. Впрочем, думать о лучах некогда, надо держать курс.

— Теперь вправо. Правее — и на боевой,— послышался чуть напряженный голос Жени.

Подвернув вправо, пройдя немного на север вдоль световой загородки и набрав высоты, мы могли, развернувшись круто к югу, спланировать на намеченную цель почти бесшумно и сбросить бомбы раньше, чем гитлеровцы что-либо сообразят.

Тут ударили зенитки. Не схватив нас прожекторами, фашисты открыли заградительный огонь. Снаряды рвались звонко, с взвизгом, совсем не так, как на земле. Огненно-рыжие всполохи всплескивались то по курсу, то справа, то слева, то выше, то ниже. Уже несколько раз мы натыкались на «облачка» величиной с наш самолет, натыкались неожиданно, и лицо обдавало кисло-горьким духом взрывчатки.

Огонь был очень плотным.

Потом фашисты пустили в ход пулеметы. Зеленые, белые, красные шнуры. Они пересекались в разных направлениях, огненной сеткой перекрывая наш путь.

— На боевой!

Я только начала разворот, когда свет прожектора хлыстом ужалил по глазам, проскочил, вернулся, ослепил. И тут же еще несколько лучей вцепились в нашу машину.

— Противозенитный,— услышала я Женю.

— Иду! Иду!

Совершая противозенитный маневр — разворот со снижением,— я круто положила машину на левое крыло и повела ее вниз, наискось к земле. Разрывы снарядов и скрестившиеся разноцветные пулеметные очереди остались выше и чуть позади. Зенитчики не могли рассчитать, в какой точке пространства окажется наш ПО-2 в следующую секунду, а следящих систем, автоматически рассчитывающих курс самолета и предсказывающих его возможное местонахождение на ближайший отрезок времени, у немцев тогда, на наше счастье, не было. Поэтому фашистские зенитчи-

ки и пулеметчики неизменно запаздывали с поправками и упреждениями. Однако в любое мгновение могли и не опоздать.

Я повела машину еще круче к земле. В редкие мгновения, когда около не рвались снаряды, слышалась тишина, редкое почихивание мотора, и в мертвенном свете, запеленавшем нас, я успевала разглядеть клочья перкаля на плоскостях, лохматые по краям дыры величиной с кулак.

— Марина, не зарывайся.

— До чего ж проворны, гады... Имитирую падение. Авось отпустят.

— Выйти из пике сможем?

— Если отпустят метрах в трехстах от земли...

— Возьми чуть положе. Я сброшу САБы.

Машина еще слушается... Не знаю, на чем мы летим.

С земли, очевидно, наш маневр совсем не казался маневром. Встречный поток воздуха начал раскручивать машину, и все это походило на беспорядочное падение. Враг, отчетливо видевший наше беспомощное положение, возможно, уже подсчитывал, через сколько секунд мы врежемся в землю.

Метаться из стороны в сторону, попытаться уйти из перекрестья множества световых лезвий «горкой» или «змейкой» было делом почти безнадежным. Оставалась хитрость, подкрепленная верой в машину, выдержкой и уже немалым собственным опытом.

Нас отпустили в тот момент, когда я начала выводить машину на более пологое пикирование. Стрелка высотомера начала сползать с цифры «400». Еще какие-то доли секунды машина, подобно разгоряченному коню, не слушалась удил. Рот наполнился слюной, горло пересохло. До предела выжала сектор газа и с помощью взревевшего на полных оборотах мотора, словно утопающего за волосы, вытащила самолет из пике. Убрала крен. Как ни странно, мы все-таки летели...

Судя по продолжавшемуся лихорадочному метанию прожекторов, на подходе оказались другие экипажи, а нас фашисты похоронили. Тем хуже для них.

Под нами вспыхнули сброшенные Женей САБы. Я глянула через борт. В желтоватом свете осветительных бомб ползла танковая колонна, окутанная пылью. Танки двигались на Эльтиген.

— Держи боевой!— строго-звонко крикнула Женя.

— Держу.

Я повела машину «по ниточке». Ни на метр в сторону, иначе бомбы не лягут. Все теперь зависело от мастерства штурмана. Легкий подскок — мы освободились от сотни килограмм взрывчатки.

И — точно в середину танковой колонны.

— Молодец, Женя!

Машину крепко тряхнуло на взрывной волне.

Прожектора опять впились в самолет. Я развернулась, уходя все левее и левее, выровняла крен, легла на обратный курс.

— Куда? — хрипло крикнула Женя. Я с трудом услышала ее голос сквозь грохот шквального огня.— У меня остались бомбы.

— Ничего не выйдет. Нас отпустят только у Чушки.

— Попробуй вырваться.

Стрелка альтиметра подползла к отметке «200». О пикировании нечего было и думать. От слепящего света слезились глаза.

— Потяну в море...

По нашей машине теперь били и зенитки, и пулеметы, и пехота из автоматов и карабинов. Но летим, держимся...

Справа и выше вспыхнули САБы. Кто их сбросил? Третьим, сразу после нас, вылетел экипаж Тани Макаровой и Веры Белик. Если они сбросили САБы, значит, вышли на боевой курс. Нет, слишком высоко для прицельного бомбометания. Нас выручали! Точно! Милые, добрые девочки!

Мы снова в темноте.

— Возвращаемся,— сказала Женя. — Добьем колонну.

— Надо уйти подальше. Набрать высоту.

— В колонне сейчас паника, самое время ударить. Промедлим — уползут.

— Ладно. Была — не была. Попробуем набрать высоту при подлете.

Мы снова развернулись в сторону Керчи. По трезвому тактическому рассуждению, нам следовало возвращаться на аэродром. Я чувствовала, что машина начинает капризничать. Еще десяток пробоин в плоскостях или хвостовом оперении, и самолет откажется слу-

жить. Ему не объяснишь, что каждый подбитый нами танк — это, может быть, спасение для десятка наших парней на Эльтигене...

После разворота мы увидели берег. В темноте вспыхивали огненные сполохи, там, где мы сбросили бомбы на танковую колонну, пылал большой пожар. Машина с трудом карабкалась вверх, скорость упала.

— Мариночка, еще, ну еще немного!

— Выжимаю последнее.

Переговариваясь, я не сводила взгляда с высотомера. Стрелка, подрагивая, перевалила за «500». Уже кое-что.

Враг, наверняка, не ожидал от нас ничего подобного и, может быть, поэтому не кинулся на охоту за нами. К тому же прожектора в тот момент схватили кого-то из наших и держали очень крепко. Очевидно, гитлеровцы поняли, что погоня за всеми нашими самолетами сразу успеха не принесет.

Каким-то чудом протащились в ночном грохоте незамеченными к хвосту танковой колонны. На земле среди горящих танков, рвущихся боекомплектов метались ошалело гитлеровцы.

— На боевой!

— Есть.

И опять нас тряхнуло волной. На этот раз так сильно, что мне показалось, будто я слышу, как хрустят сочленения нашей машины.

— Вот теперь, товарищ комэск, тяните до аэродрома.

С земли били по всплескам из патрубков автоматы и пулеметы, а мы черной тенью проносились над вражескими позициями.

Ушли в море и взяли курс на Пересыпь. Машина с трудом держалась на высоте 150 метров. Я потянула на себя ручку управления, пытаясь забраться повыше, но стрелка альтиметра показала, что ПО-2 не послушался меня.

Азарт боя прошел. Мы летели молча, руки от усталости ныли.

— Давай, Мариночка, поведу,— предложила Женя.

Я передала ей управление и закрыла глаза — в голове по-прежнему метались лучи, бесшумно рвались снаряды.

Зарулив на стоянку, мы остались сидеть в кабинах,

Катя Титова, мой техник, сказала, осматривая самолет:

— Дыра на дыре. Отделали технику.

— Все претензии направляй Гитлеру,— ответила я.

— С него взыщешь!

— Еще как взыщем!— устало откликнулась Женя.

Тогда мне было не до разбора полета, но потом и уже после войны я должна была признать, что этот полет с Женей Рудневой — один из сложнейших, какие довелось мне выполнять за всю войну. Полети я с малоопытным штурманом, все наверняка сложилось бы иначе. Мы, наверное, сбросили бы на танковую колонну сразу весь бомбовый груз и ушли бы на Пересыпь за новой порцией. Тогда потери врага оказались бы меньше. Но никто никогда не упрекнул бы штурмана в том, что он действовал неправильно.

В этом полете я еще раз убедилась, что не напрасно назначили Женю штурманом полка. Она была находчивым и расчетливым бомбардиром. А о ее всеми признанном мастерстве навигатора и говорить не приходилось.

ЖЕНИНА ЛЮБОВЬ

Ясная осенняя ночь. Подмораживает. С наступлением темноты теперь резко холодает — ноябрь в середине. Взлетел последний самолет, и бледно-голубые выхлопы, как звезды, мерцают среди истинных звезд над Азовским морем. Евдокия Давыдовна и Женя долго смотрят им вслед. В ее новом положении штурмана полка, Женя, недавно получившая звание старшего лейтенанта, летает не каждую ночь, но на аэродроме проводит все темное время — вместе с командиром полка отправляет и встречает экипажи. Взлетел последний — пусть им всем сопутствует удача!

— Пошли, погреемся,— говорит командир и направляется к своей «эмке».— Минут тридцать можем посидеть.

В легковой машине тепло, но замерзшие ноги отходят не сразу. Кроме Евдокии Давыдовны и Жени, в машине начальник штаба Ира Ракобольская. Сидят, растирают застывшие колени, обсуждают полковые дела. В машине совсем темно, темнее, чем снаружи, еле различимы профили. Шум моря слабо доносится через поднятые стекла.

— Забыли мы годовщину отметить,— говорит Ракобольская.

— Какую еще? Только и знаем, что годовщины справлять,— в голосе командира неодобрение.

— Вторую годовщину нашей службы в авиации.

— Верно,— спохватывается Женя.— Два года уже.

— Устали без отпуска? Я сама устала, и своих так хочется увидеть, иной раз до боли,— вздыхает Евдокия Давыдовна.

— Да, в отпуск — это здорово. Просто чуточку передохнуть. А уж отоспалась бы! — мечтательно говорит Женя.

— Ну и поедешь. На тебя уже путевка оформлена, в Кисловодск. Воды попьешь...

— Товарищ командир, вы это серьезно? Это же я так, в теории. Куда же я поеду, мне новую группу готовить. Нет, это невозможно...

— Замечательно поедешь. Без тебя тут справятся. Ты что, думаешь, отпуск тебе на месяц? Больше чем на две недели не выйдет.

— Розанова тебя заменит,— поддерживает командира Ракобольская.

— Нет, нет, что вы. После победы будем отдыхать. Нет, я не могу... Вы путевку кому-нибудь еще отдайте. Вы шутите, наверное, товарищ майор?

Но решение командира было твердым: Рудневу — в отпуск. И когда Женя смирилась и уж собралась идти к Оле Жуковской за путевкой, в голове молнией сверкнуло: «Для чего мне в Кисловодск, лучше к маме». Она даже испугалась, что могла бы до этого не додуматься. «Ясно же — в Москву!»

Наконец все улажено: Кисловодск отменяется, она едет в Москву.

В день отъезда напутствий было хоть отбавляй: советовали обойти все московские театры, надавали телефонов знакомых, с которыми раньше не переписывались, но тут выяснилось, как необходимо им передать привет, наконец, строго-настрого наказали встретить хорошего парня.

Нагрузившись подарками (только съестное), Женя двинулась в путь. День она ехала до Краснодара на попутных машинах, на разбитой дороге ее безжалостно трясло, подкидывало, консервные банки, не переставая, грохотали в рюкзаке. Из кузова последней попутной машины она выбралась, не доехав нескольких километров до аэродрома под Краснодаром.

— Довез бы, да тороплюсь,— извиняясь, сказал на прощанье майор, сидевший в кабине рядом с водителем.

— Ничего, спасибо,— с облегчением поблагодарила Женя.

Она даже обрадовалась, что избавилась от тряски,—уж лучше идти.

ТБ-3, на который у Жени была надежда, не полетел, а потом начался дождь, небо заволокло, стало сыро и грустно, захотелось назад в полк. Когда ее

окликнули два малознакомых офицера из их дивизии — они запомнили Женю с дивизионной конференции штурманов, — она обрадовалась им искренне и даже излишне бурно, как совсем близким людям. Штурманы не удивились, потому что на войне, где на дружбу, как и на саму жизнь, постоянно посягает смерть, люди особенно ценят добрые отношения. Перед наступающей смертью человек ждет поддержки от другого человека, принимает его помощь, не копаясь брезгливо и дотошно в его душевных качествах, и ищет всего два свойства в его характере: чувство товарищества и храбрость. На войне достаточно принадлежать к одной дивизии, даже к одной армии, не говоря уж о принадлежности к одному полку или батальону, чтобы испытывать расположение к повстречавшемуся, принять его за своего человека. Причастность к определенной армейской общине дает надежду обнаружить общих друзей, знакомых, и одно упоминание их имен сблизит вас еще больше.

Встреча как нельзя была кстати. Наскоро сообщили друг другу дивизионные и полковые новости, штурманы рассказали несколько смешных случаев, сдержанно отозвались о командирах и, уговорившись вместе поужинать в аэродромной столовой, убежали по своим делам. На душе у Жени сделалось веселее.

На следующий день на другом тяжелом бомбардировщике удалось дотянуть до Батайска, и снова пришлось пережидать плохую погоду. Снова Женя испытала знакомое состояние: она уехала из полка, прошло два дня, но мыслями она оставалась в Пересыпи. Так же в 41-м, когда уезжала в Энгельс, мысли ее были о Москве, о доме...

Из-за тумана, из-за различных, связанных с войной задержек только на четвертые сутки утром Женя добралась до Харькова. Дальше самолет лететь не мог — в мотор попала стружка. Ехать в разбитый, разгромленный город не хотелось, и она осталась на аэродроме. Она села на лавку возле какого-то сарая за кромкой летного поля так, чтобы держать в поле зрения свой самолет, подняла воротник, нахохлилась. Сначала около самолета хлопотали техники, потом вытерли руки ветошью и ушли, но инструменты оставили, а с ними и надежду на свое возвращение и отлет. Женя стала думать о доме, представила встречу, об этом думать

было интересно. Она решила, что сначала посмотрит на своих в окно, долго будет подсматривать, притаившись снаружи, а потом... Если бы у нее был ключ... Проникла бы в квартиру тихонько, незаметно и села бы за стол, а мама в это время вошла бы в комнату...

— Загораем, старший лейтенант?

Женя подняла голову на голос. Перед нею стоял высокий капитан в новой шинели, в новых ремнях, в фуражке с черным околышем и маленькими танками в петлицах.

— Не возражаешь, посижу здесь — приткнуться негде.

Она кивнула, чуть улыбнулась.

— Я вас за мужчину принял,— сказал капитан. Голос у него стал другим, мягче, деликатнее, в глазах проглянула заинтересованность. Он сел рядом и, чтобы заполнить паузу, полез в карман галифе за папиросами, достал пачку.

— Не курите?

Женя отрицательно мотнула головой.

— Этот ждете? — Покатал в пальцах папиросу.— Я тоже. Добирался сюда всеми видами наземного и подземного транспорта,— ну, про подземный это, конечно, сверх комплекта,— а потом надоело, думаю: вручу свою жизнь людям крылатой профессии, тем, «кто с моторным громом пулей вырывался из-за туч», а они вот стружку в движке поймать не могут. Да, нежные создания — авиамоторы, не то, что наши дизеля. Вы извините меня, может, задел...

— Меня не очень, а вот техники наши обиделись бы.

— А вы, значит, не из тех, кто витает в облаках? В переносном, конечно...

— Как раз из тех. Только в прямом...

— По штабной части?

— Я — штурман полка.

Капитан недоверчиво пробормотал:

— Оригинально. Ну, а я — командир бригады...

— Да нет же, я не обманываю, я вовсе не смеюсь над вами.

Женя покраснела, улыбка вышла виноватой. «Фу, глупо — будто бахвалюсь».

Танкист поверил, и невозможно было не поверить

Жене, когда она так краснела и такие были у нее глаза — без тени лукавства.

— Тогда разрешите от всего сердца представиться: Вячеслав Скворцов. Остальное доскажут мои знаки различия.

Женя пожала танкисту руку, назвалась и в тон ему сказала:

— Мои знаки различия вы уже рассмотрели, добавлю: астроном в отставке, вернее, недоучившийся звездочет.

— А я отставной замнаркома автотранспорта. Не верите? Честное слово, не обманываю, не имею привычки. Вы подумали, наверное, что из союзного наркомата? Нет, совсем в маленькой автономной республике...

— Первый раз разговариваю с такой важной персоной. Вернусь в полк, буду перед нашими девочками хвастаться.

— Иронизируете? Какая я персона! Простой солдат.

Жене нравилось разговаривать с кареглазым капитаном, который с первых минут знакомства показался ей человеком добрым и простодушным. Выяснилось, что Женин полк помогал продвигаться вперед по Кубанской земле танковой части, в которой служил Слава, и это их обоих расположило друг к другу. А когда Женя сказала, что едет в отпуск к маме в Лосиноостровскую под Москвой, капитан совсем расцвел.

— Так, значит, мы с вами земляки, оба северяне — я из Горького. Тогда давайте еще раз вашу лапку пожму. Вот так сюрприз приятный приготовила судьба.

И потому, что Слава смотрел на нее заинтересованно и внимательно слушал, Женя говорила охотно, пространно, с удовольствием рассказывала о своих девочках, оставленных в Пересыпи. Когда же начинал говорить он, Женя вслушивалась в его голос, смотрела на него неотрывно, с охотой отвечала смехом на его шутки...

Тем временем к самолету вернулись механики, повозились недолго, но хлынул дождь, и они ушли, на этот раз собрав свои инструменты. Осталось неясным: испугались ли разошедшегося дождя, или осознали бесполезность попыток отремонтировать двигатель?

Ни Женя, ни ее новый знакомый не заметили сразу их перемещений и начавшегося проливного дождя. Хватились только тогда, когда аэродром совсем обезлюдел.

— Эге, дело плохо,— тревожно, с пониманием обстановки, заключил капитан.— Пора наводить справки, что-то не нравится мне эта тишина.

Руководитель полетов, не глядя на них, буркнул:

— Сегодня машины не будет.

— Ох, уж эта авиация! — сокрушенно вздохнул Слава.

От Харькова до Москвы они добирались поездом четверо суток. Теперь все транспортные хлопоты за двоих взял на себя Слава. Он стоял в очередях, пробивался к замученным, охрипшим военным комендантам, ловил и сопоставлял разноречивые слухи о поездах, докладывал их Жене, которая сидела в стороне на двух рюкзаках и с интересом присматривалась к новому для нее тыловому быту.

Они ехали по разоренным местам Белгородской, Курской и Орловской областей, откуда всего несколько месяцев назад ушла война, разбросав по земле свои страшные отходы. На месте сел и деревень торчали почерневшие печные трубы, там и здесь стояли танки без башен, земля вдоль путей была перекопана. Поезда (они пересаживались с одного на другой) еле тащились, долго стояли...

Забравшись в очередной раз в темный пассажирский вагон, Женя и Слава радовались своей удаче.

— Объявляю вам благодарность, товарищ квартирмейстер,— говорила Женя.— А теперь к столу.

— Стараемся, товарищ голубоглазый штурман.

Весело поглядывая друг на друга, они ели из одной банки тушенку, запивали чаем, который где-то добыл Слава. На душе у Жени, несмотря на неудобство и тесноту в вагоне, было легко, и хотелось смеяться, шутки ее нового попутчика казались ей очень остроумными, ей было лестно и приятно его удивительное внимание. Она подумала: «Мои три ордена и гвардейский значок все же производят впечатление», но уже знала, что «впечатление» производят на Славу вовсе не ее регалии, а она сама.

В середине второго дня езды по железной дороге Женя забралась на освободившуюся верхнюю полку, пристроилась головой на вещевом мешке, накрылась шинелью и задремала. Сквозь дрему она почувствовала: кто-то осторожно окутывает теплым мехом ее плечо и спину. Она приоткрыла один глаз и увидела рядом лицо Славы. Ей показалось, что он смотрит на нее с нежностью.

— Безрукавку добавил. Так тебе будет теплее,— тихо проговорил он.

«Как хорошо,— подумалось Жене.— Сказал: «тебе».

...Целую ночь они просидели в маленьком зале ожидания на станции Ливны. Люди спали на полу, всхрапывали, тяжело вздыхали во сне. Дрожал язычок пламени в керосиновой лампе, освещал только один угол. В этих местах уже лежал снег, за окнами белело.

Женя и Слава тихо переговаривались, теперь им было совсем легко и просто, они обращались друг к другу на «ты». Почти шепотом Женя читала стихи. Прочла «Пять страниц» К. Симонова, стихи Суркова и Тихонова, милых сердцу, навсегда любимых Пушкина и Некрасова. Они сидели плечо к плечу, Слава держал ее за руку, нежно пожимал ее пальцы.

Женя почувствовала усталость, замолчала и незаметно для себя заснула. Голова ее склонилась к танкисту на плечо. Слава сидел недвижимо, боясь разбудить ее. Так они скоротали эту ночь.

В Москву поезд притащился поздно вечером 21-го ноября. Женя дала Славику (как она стала называть своего попутчика) адрес тети Евдокии Евдокимовны, и они расстались, договорившись встретиться вечером. Звякнул трамвай и дернулся; Женя, стоя на подножке, махала рукой — удалялась высокая темная фигура в длинной шинели...

«Завтра, вернее, сегодня я увижу его... увижу его... увижу его, — думала Женя, стоя на площадке дергающегося, качающегося вагона. — Что же это такое? Ведь я люблю его... люблю тебя. «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...» Нет, «ждешь», я ждала тебя, но, конечно, не так... Пожалуй, и вправду, «нечаянно», на аэродроме, из-за стружки в моторе... И совсем я его не ждала, сидела сиротой и мокла... Теперь у меня любовь? Я увижу его... увижу...»

В полутемном коридоре старого арбатского дома тетя спросонок ее не узнала и даже испугалась.

— Да это же я, Дусенька. Это я,— смеялась Женя, целуя тетю.

Она вбежала в комнату, бросила на пол свой рюкзак, огляделась:

— Вечность я не была в Москве! Тысячу лет не была! Все то же и мой любимый верблюд... Хорошо, что ты его сберегла.

— Боже мой, Женя, какая ты представительная стала!

— Правда, генерал?! Дусенька, у меня радость, я влюблена! Сейчас все-все расскажу...

Они проговорили до шести утра. На полчаса Женя залезла в ванну, а потом опять рассказывала про полк, про Славика, про войну и снова про Славика.

В Лосиноостровской они появились утром, на улице было еще темно. В маленьком домике спали. Позвонили — никакого ответа, позвонили еще раз — загремела цепочка. Женя, волнуясь и смеясь, быстро шепнула тете:

— Войди с рюкзаком, а я спрячусь и вбегу за тобой.

— Дуся, что так рано? — услышала Женя до слез знакомый голос.— Кто приехал? Племянник? Брат? — В голосе у мамы тревога, дольше интриговать было жестоко.

— Мамочка!!!

Она бросилась к матери на шею, в прихожую вышел отец, начались объятия, поцелуи...

— И ничего-ничего не написала,— сквозь слезы приговаривала мама.

— Так ведь не дошло бы все равно.

Пока Женя переодевалась в свое домашнее, Анна Михайловна суетилась в комнате и на кухне, задавала Жене вопросы, забывала, что собиралась сделать, останавливалась в дверях и, глядя на дочь, приговаривала:

— Какая же ты большая стала и совсем другая.

— Ну какая же, мамочка?

— Совсем другая, доченька,— вздыхала Анна Михайловна.

Максим Евдокимович надел очки и рассматривал Женины ордена:

— О третьем ты нам ничего не писала. «Отечественная война» II степени?

— Правильно. Ну что, написать, «пусть скажет отец, что гордится он дочкой, не только сынами гордиться должны!» Ведь так?

— Ты можешь поверить, Максим, что это твоя Женя? Мне не верится, — восхищенно сказала Дуся.

— Это я, самая, что ни есть, я!

А когда папа с тетей уехали на работу, Женя рассказала маме про Славика. Обняла ее сзади, положила по своему обыкновению подбородок маме на плечо (так она снялась с Диной Никулиной), сказала в ухо:

— Я, кажется, полюбила, мама, и, наверное, после войны мы поженимся. Ты не против?

Поспав всего три часа, Женя уехала в университет. Разделась внизу, привычно одернула гимнастерку и по широкой, по той же вечной лестнице поднялась в комнату комитета комсомола. На нее оглядывались совсем молоденькие мальчики и девочки, переставали говорить и смеяться, когда она проходила мимо, разглядывали ее ордена.

Знакомых в комитете она не нашла, но встретили ее тепло, ее знали, разговаривали с уважением и даже с почтением, и у нее появилось чувство, будто вся ее прежняя студенческая жизнь была давным-давно, не два, а двадцать лет назад, что она старше этих мальчиков и девочек не на три года, а на все тридцать.

«Как они со мною предупредительны! Как со старым человеком. А ведь мне с ними учиться после войны и может быть, на одном курсе», — думала Женя.

Кто-то из членов комитета побежал собирать студентов «устраивать зал». Женя огляделась — почти все так же, те же портреты, та же карта, только флажки теперь стоят намного дальше от Москвы, чем в 41-м. Она стала расспрашивать о знакомых и часто в ответ слышала: «Убит». Многие из сокурсников погибли под Москвой в ноябре — декабре первого военного года, когда она только еще начинала учиться в Энгельсе.

Чувство, что она человек из другого мира, намного старше и опытнее этих ребят и девчат, не покидало Женю и позже, когда она рассказывала им в большой

аудитории о полке, о командире и комиссаре, о Расковой, о Дине, Симе, о погибших Жене Крутовой, Гале Докутович и Дусе Носаль, о живых и воюющих бывших студентках МГУ. Вопросов было много, девочки спрашивали, как поступить к ним в полк, и Женя вдруг поняла, что не может их обнадеживать, потому что попасть в полк теперь было намного сложнее, чем два года назад. Теперь бы, вероятно, и ее саму такую, какой она была в октябре 41-го, в полк бы не взяли.

После шести Женя заторопилась, вспомнив о Славике, но интерес ее слушателей к делам полка не иссякал, и вырваться ей удалось с трудом. Три девчушки, серьезные и дотошные, не отпустили ее и на улице, проводили до самого тетиного дома.

Голос Славы она услышала на лестнице:

— Скажите, что зайду завтра.

— Опоздавших не пускать,— крикнула Женя и побежала по ступенькам вверх.

— Интересно, кто из нас опоздавший? Я уже второй раз захожу, а тебя нет и нет. Вот они, билеты,— «Фронт» Корнейчука — пропадают, уже опоздали.

— Прости меня, Славик — я не нарочно.

— Тебя прощаю охотно. Даже к лучшему — погуляем.

До позднего вечера они бродили по городу. Слава держал Женю под руку, и они оба имели право не отдавать честь при встрече со старшими офицерами. Прошли весь Арбат из конца в конец, посидели у памятника Гоголю, по пустому бульвару прошли до станции метро «Кропоткинская», по Волхонке вышли к Кремлю, обошли его со стороны реки, послушали куранты, постояли у Мавзолея и двинулись вверх по улице Горького. Город был малолюдным, но выглядел мирно. Уж не было в небе аэростатов заграждения, убрали с витрин мешки с песком, исчезли озабоченные дружинницы 41-го с зелеными сумками противогазов через плечо. Из дверей кинотеатров выходили гурьбой спокойные люди, никто не смотрел на небо, не ждал воздушной тревоги.

— И вот мы с тобой гуляем по Москве, два мирных фронтовика, представляешь? — улыбнулась Женя.— Фантастика!

— Тебе кажется удивительным, что мы гуляем по Москве, что здесь не чувствуется войны, а для меня

удивительно, что я гуляю с тобой, что случайно нашел тебя где-то на краю аэродрома и что теперь у меня есть знакомая такая замечательная девушка.

— Почему ты решил, что я замечательная?

— Я в этом убежден.

— Не рано ли? Мы ведь знакомы всего пять дней, Славик!

— Мне страшно подумать, что скоро расстанемся, а там на Тамани или в Крыму мы не будем принадлежать себе.

— Ну вот, только встретились, а говорим о расставании. Давай жить сегодняшним днем и радоваться, что мы в Москве, что мы знакомы, что мы живем. Тебя призываю, а сама так не умею. Надо радоваться просто тому, что живешь! Можно говорить, думать, бороться, дружить, читать! Что может быть лучше всего этого?

— Ты не сказала «любить».

— И любить, конечно. Наши девочки обожают говорить о любви, такие диспуты устраиваем! — И беззаботно, чтобы скрыть смущение, Женя спросила: — Ты кого-нибудь любил, Славик?

— Не знаю даже. Мы дружили с одной девушкой месяца четыре до войны. Вместе часто бывали, а вот если вспомнить, о чем говорили, что было особо впечатляющего, даже и не вспомню. В 41-м ушли на фронт, она теперь на Украине, капитан медслужбы. Пишем друг другу, но неинтересно, будто по обязанности. То есть можно так сказать: дружба едва теплится. Вот, понимаешь, как... С ней даже и разговаривать было как-то неинтересно, хоть и медик, будущий врач, а что ей ни скажешь, ее вроде это не касается, и суждения какие-то скучные...

— А ты не допускаешь, что сам виноват? Не смог узнать, что ее интересует, не разбудил ее любознательность...

— Я виноват? Она же была взрослый человек, ей было как тебе сейчас. А может, и виноват. В любви, наверное, я был Рахметовым. Раз ты спросила, я тебя тоже спрошу...

— О чем?

— О том же.

Первым побуждением Жени было ответить: «Я никого до сих пор не любила», но почему-то вопреки са-

мой себе она так не сказала. Ей показалось стыдным, что она, взрослая девушка, а теперь еще и штурман полка, и старший лейтенант, опытный фронтовик, никогда не любила и не была любимой. Помешало сказать правду нечто неосознанно женское: зачем говорить мужчине, небезразличному тебе, о своем изъяне, тем более что у него уже кто-то был или есть. И через силу, под укоризненным взглядом своей совести, Женя сказала полуправду о Вите.

— Он тебе пишет?

В его голосе она услышала ревнивую настороженность и вместо того, чтобы сказать правду, нехотя произнесла (все-таки, пусть не воображает!..):

— Переписываемся, но не часто.

Женя почувствовала жар на щеках — хорошо, было темно. «Поздравляю, дожила: учусь врать. Язык, как чужой, сам говорит, что вздумается».

— Ну, конечно, у вас много общего, общие воспоминания,— суховато сказал Слава.

— Конечно,— опять самовольно заявил язык. «Ну и наглость»,— возмутилась она.

— И все же я хотел бы стать твоим хорошим другом.

Язык на этот раз не шевельнулся. Женя робко прижала к себе руку Славика.

— Ты устала, штурман?

Женя подняла на него глаза.

— Я разучилась ходить. Либо в кабине сижу, либо стою, когда своих штурманят учу. Но я могу идти, ты не думай.

Они шли некоторое время не разговаривая и думали об одном и том же.

Совершенно новое, никогда ею не испытанное было у нее чувство. В нем соединились благодарность, радостное ощущение своей полноценности, неожиданно открывшейся женской силы и вместе с этим готовность подчиняться высокому человеку, который вел ее под руку.

Синие лампочки горели над подъездами, навстречу попадались милицейские патрули и редкие прохожие,— город готовился ко сну. Выпавший утром снег растаял, на асфальте держались лужи. На осеннем небе притушенными военными огоньками мерцали звезды.

— Как хочется, чтобы поскорее кончилась война! Вдруг так захотелось снова искать мои милые переменные. Ах, вам, земным, это не понять,— вздохнула Женя.

Следующие три дня были как праздник. Вечер в честь Жениного приезда удался на славу. Когда-то, до войны, так же собрались к ней однажды на день рождения гости — тети, дяди, друзья, звонили у дверей, и она бегала открывать, надеясь встретить самого важного для нее человека. Теперь такой человек тоже есть, это определенно, но Женя спокойна — он позвонить не может, потому что не знает адреса. Женя должна через полчаса встретить его на станции.

У дверей снова звонят.

— Папа, открой,— кричит Женя из кухни.

В прихожей заминка, доносится знакомый голос:

— Рудневы здесь живут?

Женя выскакивает к входной двери.

— Славик! Ты как сюда попал?

— Неплохо ты меня встречаешь.

— Я совсем не то хотела сказать, прости...

— Ты меня не пригласила, а я сам нашел.

— Папа, это Славик. Видишь, какой он умный — сам нашел.

С приходом Славы обстановка в доме стала торжественной. Гости посматривали на него с уважением, говорили негромко, беседовать с ним без робости решался на правах Жениного отца только Максим Евдокимович. Всем было известно, что этот капитан — почти жених Жени, и потому приглядывались к нему по возможности незаметно, но внимательно. А Женя, раскрасневшаяся, с сияющими глазами, бабочкой порхала из кухни в комнату и обратно, приносила тарелки, весело переговаривалась на ходу с родственниками и снова убегала.

Наконец сели за стол, Женя рядом со Славой.

— Женечка, вы там потеснее, а то наш папа без места останется,— попросила Анна Михайловна.

Слава еще ближе подвинул к Жене свой стул, и теперь во главе стола они совсем выглядели женихом и невестой.

После первого тоста за Женю, за ее счастье и удачу гости почувствовали себя непринужденнее.

— Напрасно ты, племянница, в штатское переоделась. С орденами тебе больше идет. Да и рядом с твоим... другом... героическая пара, можно сказать.

— Замолчи ты! Разговорился,— одернула тактичная тетя Валя своего мужа.

— Правильно, правильно,— поддержал дядю Слава.— Шел в гости к боевому штурману, а попал к тыловой барышне.

Женя счастливо улыбалась.

— А мне так приятно смотреть на Женечку в ее студенческом платьице,— вытирая слезы, сказала Анна Михайловна.— Смотрю и вроде забываю, что она снова уедет туда...

Мужчины заговорили о только что начавшейся в Каире конференции Рузвельта, Черчилля и Чан Кай Ши, а женщины подсели ближе к Жене, расспрашивали ее, качали головами и ахали. Завели патефон и с удовольствием слушали беззаботные довоенные песни...

На следующее утро и через день Женя просыпалась с радостной мыслью, что она дома у мамы и папы и что вечером увидит Славика. Папа уходил на работу, а Женя с мамой неторопливо завтракали, говорили и не могли наговориться. Около четырех Женя начинала одеваться, собиралась в театр или на концерт.

Они гуляли по Москве, снова и снова говорили о любви и дружбе, и Женя, не стесняясь, излагала Славе свои взгляды. Странное дело: с ним ей было разговаривать легче, чем с подругами — она не боялась, что он назовет ее наивной и ничего не смыслящей в жизни. Он слушал ее почтительно и охотно соглашался. Согласился даже с придуманным ею принципом: «Любя одного, можно полюбить другого, но при обязательном условии, что он лучше первого». Слава воспринял это на свой счет, как намек на то, что он не самый лучший, Женя же имела в виду прежде всего себя.

26 ноября Слава уезжал в Горький. На вокзал они приехали загодя и долго стояли у вагона, Слава держал Женю за руки, а ей было стыдно перед проводницей, которая разглядывала их в упор. Объявили от-

правление, и тогда Слава неожиданно притянул ее к себе и поцеловал в губы.

— Я люблю тебя, Женечка,— прошептал он.

— Дорогой мой,— также шепотом ответила Женя и на мгновение прижалась к нему...

В свой полк — «дом № 2» Женя приехала в начале декабря после почти месячного отсутствия. Она была весела и жизнерадостна, много смеялась, рассказывала о Москве, о маме, перескакивая с одной темы на другую, теребила Дину Никулину.

Однажды, когда они гуляли по берегу моря и разговаривали о своих девичьих делах, Женя восторженно поцеловала подругу несколько раз, нежно прижалась к ней и на минуту затихла.

— Послушай, а ведь ты влюблена,— сказала Дина, внимательно взглянув на Женю.

— Влюблена, Диночка. Какая ты умница.

— Так ведь это всякому видно. Скрытничать ты не умеешь.

Евдокии Яковлевне Рачкевич, «мамочке» всех девушек, Женя вечером призналась:

— Каюсь перед вами: в дороге влюбилась в одного капитана, которого знаю совсем мало. Видите, какие у вас «дочери». Не следовало отпускать одну.

Фотографию танкового капитана Славика внимательно рассмотрели ближайшие Женины подруги и отозвались одобрительно. Сразу Женя получила целую серию «деловых» советов насчет того, как проверить его чувство и как себя вести, чтобы он не зазнался. Она выслушивала советы серьезно.

В привычной жизни, к которой вернулась Женя, появилось новое: ожидание писем от Славы и ожидание его самого. Перед отъездом в Горький он обещал обязательно приехать к ним в Пересыпь из Темрюка, где стояла его часть. Он вполне мог сделать это, потому что в его распоряжении была легковая машина. И теперь, когда на улице рыбачьего поселка появлялась какая-нибудь посторонняя «эмка», у Жени замирало сердце.

В короткие свободные минуты Женя снова и снова вспоминала все, что с ней произошло в дороге, с чего началось их знакомство, кто из них и что сказал,

и особенно последние слова Славы: «Я люблю тебя Женечка». То, что с ней случилось, было событием поразительным, таким же поразительным, как и ее превращение из обыкновенной студентки в боевого, трижды орденоносного штурмана. Каждый день, проведенный в Москве, она переживала заново и очень жалела о том, что на своей фотографии, подаренной Славе в поезде по дороге в Москву, написала как-то неумело: «Дарю чужому человеку» («Глупая, упрямая зазнайка. Как будто нечистый толкнул под руку. Приятно ему смотреть на такую надпись?»).

Наконец пришло первое, очень важное письмо:

«Милая моя Женечка,

...Все-все напоминает мне тебя. Со мной еще так не было! Тоскую по тебе. А сколько раз я вынимал из планшетки твою фотографию!»

Она дождалась свершения и этой своей мечты — любимый ею человек пишет: «Милая моя Женечка».

«...С некоторых пор ты, моя дорогая, для меня вторая жизнь. Ни о ком я не беспокоился до этого, а теперь все время буду думать о тебе, и, наверное, никакая работа и опасность не смогут отвлечь меня от этого. Жить буду только тобой и твоими интересами».

В другом письме:

«...Да, не знал я до тебя такой нежной, развитой, скромной, волевой и обаятельной девушки. И прости меня, если я как-нибудь отважусь еще поцеловать тебя».

«...Совершенно с тобой согласен относительно высказанного тобой взгляда на дружбу и взаимную любовь. Я же не эгоист, и если бы стоял на той точке зрения, что есть лучший человек, но ты должна, допустим, любить меня — худшего, этим бы я доказал как раз нелюбовь к тебе. Я буду желать только счастья тебе, если полюбишь лучшего паренька, но, как и ты, оскорблен буду, если ошибешься в выборе».

Письма стали поступать одно за другим.

«Снимал снаряжение и смотрю, у портупеи конец ремня заткнут хвостиком в обратную сторону, и я вспомнил, что однажды ты, немного склонившись ко мне (твои волосы были близко-близко), играла ремнем портупеи и ее конец заткнула так...»

«..Неужели, милая Женечка, ты так и не веришь в правдивость и постоянство моего чувства к тебе?»

(«Как права была моя бедная Галочка: если любишь человека, запоминаешь всякую мелочь, с ним связанную. Я верю ему».)

«...Милая девушка моя! Мне так хочется тебя чаще видеть, поцеловать, нежно обнять тебя и долго, долго смотреть в твои глубокие глаза, но... только тогда — когда они не темнеют».

«...Ты меня извини за некоторую резкость в стилистике письма, но, следуя хотя бы учению Спинозы из его «этики»,— то он говорит, что «язык губ — более красноречив, чем язык звуков».

(«Мой ученый Славик. Вспомнил Спинозу. А вот Спинозу-то я и не читала. После войны придется читать и заниматься по 12, нет — по 16 часов в сутки».)

«...Ты пойдешь совершенствовать знания в Академию, а я вернусь к своему инженерному труду. Наш с тобой союз укрепится появлением обязательно с голубыми глазами и белыми волосенками Женечки или Славки (чтобы были толстенькими, краснощекими «бутузами»), и напоминать будет нам дочь или сын то тяжкое время, когда в урагане войны родилась и крепла наша дружба».

— А Рудневой нет. Поздно приехали, товарищ капитан. Ушла к замкомандира по летной.

— Это где же?

— Через три домика.

— Спасибо.

— Смотрите, чтоб ветром в море не сдуло.

Ветер свистит и воет, грохочет в сумерках море. Маленькие самолеты, притянутые тросами к земле, вздрагивают при каждом порыве ветра.

Сегодня, 24 декабря, все полеты отменены. В поселке безлюдно, окна тщательно закрыты ставнями, только кое-где светится тонкой ниткой щель.

Слава стучит в дверь и, не дожидаясь ответа, входит в маленький домик, пригнув голову под низкой притолокой. В сенях темно, за дверью голоса, смех. Он приоткрывает дверь в комнату, на скрип поворачивают головы три девушки: два капитана и один старший лейтенант.

— Славик! Славик приехал,— Женя выскакивает из-за стола ему навстречу (обрадовалась, растерялась, покраснела).

— Прежде всего, здравия желаю и поздравляю гвардии старшего лейтенанта с днем рождения. Прошу принять дары скромного танкиста.

Слава вынимает из вещевого мешка две бутылки шампанского, ставит на стол.

— Танкистам ура!— говорит Сима Амосова.— Видать, и правда — «порядок в танковых частях».

— Восемь часов ехал, трясло жутко, боялся пробки вылетят.

— Симочка, Дина, познакомьтесь... Это Славик, я о нем рассказывала.

— Знаем такого, много наслышаны.

— Но это еще не все. Вот, пожалуйста, примерь.

Слава достает из кармана шинели четыре золотых погона с тремя маленькими звездочками на каждом.

— Славик, ты — золото, потому что даришь то, о чем я мечтала. Ты — золото, потому что даришь золото.

— Сажай золотого Славика за стол, пусть поест человек с дороги. А погоны сейчас примерим.

Пробка хлопнула, шампанское вспенилось, зашипело в стаканах, фосфорически светясь при несильной керосиновой лампе.

— За нашу Женюру, за милого звездочета, за нашего требовательного штурмана, и чтобы пить нам за ее здоровье много десятков раз!

— И чтобы скорее кончилась эта война.

— Ну, это будет отдельный тост.

— Вот как сделаю 700 вылетов, так война и кончится. Я уже загадала,— говорит Женя.

Она чокается со Славой, быстро взглядывает на него, улыбается.

С удовольствием все четверо едят тушенку, жареную рыбу, крупно нарезанный черный, пахучий, недавно выпеченный хлеб...

— Сейчас бы конфет каких-нибудь хороших,— мечтательно говорит Женя.

— У тебя же шоколад есть.

— Леденцов бы.

— Знал бы, мог в Темрюке поискать.

— Вот, видишь, какой ты недогадливый,— чуточку кокетничает Женя.

— Очень даже догадливый,— строго возражает Дина,— не порть человеку настроение.

— Ну, а теперь, Женечка, тост за тобой.

— Я хочу выпить, чтобы не повторялось то, что было два дня назад.

Два дня назад осколок зенитного снаряда пробил борт Жениной кабины, проскочил в нескольких миллиметрах над ее коленями и вылетел через другой борт. Сима и Дина знают, о чем идет речь, пьют молча. Слава вежливо не расспрашивает, понимая, что произошло нечто неприятное.

— Представляете, мне уже двадцать три!

— Ну и что? Еще маленькая. Что уж нам с Диной тогда говорить?

— Толстой писал: «Мне уже 24, а я ничего не сделал».

— Но ты-то ведь кое-что уже сделала. Последний раз как мы с тобой грохнули по зенитке! И баржу в проливе тоже не забыли. Любо-дорого глядеть. Так что не прибедняйся, — спокойно говорит Сима.

— «Брось тоску, брось печаль...» Давайте, девочки, лучше споем,— Дина обнимает Женю за плечи.— Сима, сначала ты. Приготовиться представителю наземных войск.

Сима не мигая смотрит на маленькое пляшущее пламя за стеклом. Не отрывая от него взгляда, начинает тихо:

У зари, у зореньки много ясных звезд,
А у темной ноченьки им и счету нет.
Горят звезды на небе, пламенно горят,
Они сердцу бедному что-то говорят.

Говорят о радостях, о прошедших днях,
Говорят о горестях, всех постигших нас.
Звезды, мои звездочки, полно вам сиять,
Полно вам прошедшее время вспоминать...

Незаметно проходит три часа. Слава собирается уезжать, предлагает подвезти Женю. Выходят в непроглядную темень. Море с шелестом и стуком тянет с берега гальку, собирается с силами и гулко бьет в обрыв. Других звуков не слышно. Ветер где-то притаился. Но как только они выходят, ветер выскакивает из засады.

Дина отводит Славу в сторону, что-то тихо и быстро ему говорит. Женя и Сима ждут у машины. Шофер спит, свернувшись на сиденье.

Наконец Дина отпускает Славу, он будит своего Степана и вместе с Женей садится в «эмку»:

— Ты знаешь, меня отсюда переводят. Еду в Иран, буду принимать американскую технику. Это самое неприятное, не хотел раньше говорить. Ты ведь будешь писать, правда?

— Грустно, Славик.

Машина останавливается возле Жениного дома. Судя по всему, в домике спят. Они отходят к берегу — за шумом прибоя их никто не услышит.

— Женечка, я очень сильно привязался к тебе. Ты не можешь представить, как ты мне дорога. Скажи мне: а ты?..

— Да, Славик, да!..

Он целует ее, прижимает к груди. Теперь Женя сама отвечает на его поцелуй.

— Я буду в тылу, в безопасности и буду мучиться от мысли, что ты подвергаешь себя...

— Ничего, только помни меня, пожалуйста.

«...Ехал от тебя и знал, что скоро уже тебя не увижу. Чтобы заглушить это тяжелое чувство, сел сам за руль и погнал машину. Степан несколько раз говорил мне: «Тише, тише!»

«...Тебя я сегодня поцеловал, ты ответила желанным поцелуем, и теперь я твой полный раб».

«...Огромное тебе спасибо за то, что сама сказала о своем дорогом чувстве ко мне... Еще и сейчас ясно чувствую теплоту и, поверь мне, сладость твоих губ. Ты была так близка ко мне и твое тепло тела слилось с моим... Думаю, что не обижу тебя, если скажу, что тебя считаю моей невестой, моя милая Женечка».

«Самое лучезарное воспоминание у меня — это то, когда я вспоминаю тебя, какой ты была в день своего рождения; веселая, разрумянившаяся, легкий след загара на нежной шее, золотистые волнистые волосы и чудесные глаза».

«...Неужели ты все так же сильно влюблена в Диночку?»

Из дневника Жени:

«2 февраля 1944 г. «Если, расставаясь, встречи ищешь вновь — значит, ты пришла, моя любовь!»

Ты пришла!.. Готова ли я тебя встретить? Мне 23 года, уже много. А с каждым годом оказывается, что в жизни еще много неизведанных сторон.

...До ужина прочла вслух всего «Демона» — на душе было грустно и тепло... «И будешь ты царицей мира...» Зачем мне целый мир, о дьявол? Мне нужен целый человек, но чтобы он был самый мой. Тогда и мир будет наш. И нашего сына.

...Позавчера получила от него сразу три письма, и везде одно: не пиши, пришлю новый адрес. А мне так иногда хочется поговорить с ним, так его недостает...

У меня 591 боевых вылетов (или 591 боевой вылет?). Этак вообще скоро можно разучиться писать и стать дикаркой».

Письмо Славы:

«...А в отношении того, что ты обыкновенная девушка, уж тут ты меня не убедишь. Обыкновенные девушки работают на заводах, учатся в институтах в глубоком тылу. Дорогую цену жизни они не знают, дыханье смерти они не ощущали, а главное, не уничтожали немцев, самую страшную угрозу для нашей Родины».

«8 февраля 1944 г. 22.00. Итак, два года! (двухлетие полка. — *М. Ч.)*, Ужин прошел хорошо. Сейчас все еще танцуют.

А мне грустно... Хочется работать больше, чтобы скорее кончилась война. Славик боится, что огромное расстояние нарушит нашу дружбу. Однажды Оля Митропольская привела мне чье-то изречение: «Разлука ослабляет слабое чувство и усиливает сильное». Я расстояний не боюсь».

Письмо Славы:

«...Мне пришло 18 писем, из них пять от тебя! Я счастливейший человек... Ты пишешь, что хотела бы твое 24-летие встретить в Москве. Изволь, твое желание для меня — приказ. Лишь бы ты и я остались живы... Ты интересуешься, что сказала мне на прощанье Динулька?! Она мне сказала только то, что может сказать хорошая подруга о своей лучшей подруге.

...Как ты образно выражаешься: «Не раздумывая, вниз головой кинулась в пропасть, решила мои слова не подвергать сомнению». И ты не ошиблась. Ты не ошиблась!!! Расцеловал бы тебя нежно и крепко! Ты

называешь меня «мой маленький славный Славик». Сколько нежности в этих словах».

Из дневника Жени:

«5 марта 1944 г. В который раз перечитала «Как закалялась сталь». Раньше я не думала о конце этих слов.

«И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут прервать ее. Надо спешить жить. Жить в самом высоком, в самом святом смысле этого слова».

645-Й БОЕВОЙ ВЫЛЕТ

С приходом весны советские войска усилили натиск на врага, вцепившегося в Керченский полуостров. В марте — в начале апреля гул авиационных моторов не затихал над Керченским проливом. Туда и обратно проносились днем тяжелые бомбардировщики, штурмовики, истребители, а с наступлением сумерек и до рассвета работала ночная бомбардировочная авиация. Для женского полка это были ночи «максимум». Погода благоприятствовала полетам. Радиус действия авиации значительно увеличился. Вместе с другими полками мы наносили удары по железнодорожной линии Керчь — Владиславовка, бомбили укрепления фашистов, аэродром Багерово танки, живую силу. Трудные это были полеты. За зиму враг значительно укрепил свою противовоздушную оборону и упорно держался за крымский плацдарм.

В конце марта Женя побывала на Малой земле, на плацдарме, который наши войска захватили на Таманском полуострове еще в ноябре 1943 года.

Ей — штурману полка — было поручено наблюдать за эффективностью бомбометания женских экипажей. Впервые Жене представился случай увидеть войну с земли, побывать на так называемой линии соприкосновения.

В дневнике Женя записала:

«...Была в 40 метрах от врага — на самой передовой. Если не нагнуться, сейчас же свистят пули снайперов. Землянка командира взвода, лейтенанта, маленькая, темная, с голыми нарами, у входа следы недавнего прямого попадания снаряда. А сейчас сижу в землянке полковника. Электричество. Радио. Играет гавайская гитара.

И где-нибудь в землянке иль в избе,
У жизни и у смерти на краю

Я чаще буду думать о тебе
И ничего, мой друг, не утаю...

Думаю о тебе, Славик».

В полк Женя вернулась 20 марта. Потом одна за другой проходили армейские и дивизионные конференции и собрания штурманов полков, на них Женя сделала несколько докладов. Все это время она не летала и очень соскучилась по небу.

Штурман полка не обязан летать на задания, но время от времени должен проверять работу летчиц, в особенности не очень еще опытных. В конце марта такие контрольные полеты Жене приходилось совершать очень часто, почти каждую ночь.

Вечером 8 апреля решила лететь вместе с недавно пришедшей в полк летчицей Пашей Прокофьевой, на счету у которой уже было более 100 боевых вылетов. Жене предстояло сделать 645-й вылет.

В тот вечер Женя сидела у самолетов в окружении своих молодых штурманят, которые только-только начинали самостоятельно работать. Она им рассказывала мифы и легенды, связанные с названием звезд и созвездий. Наше молодое пополнение слушало своего «наставника», что называется, раскрыв рот. Я тоже не удержалась, остановилась послушать Женю.

— А вот как возникло название «созвездие Андромеды»,— негромким голосом рассказывала Женя.— Эфиопская царица Кассиопея заявила, что ее дочь Андромеда красивее любой из прекрасных нимф моря — нереид. Нереиды обиделись и пожаловались Посейдону, и тот послал в страну эфиопов чудовище, пожиравшее людей. Жители страны гибли один за другим, и тогда оракул предсказал, что страна будет спасена, если чудищу отдадут Андромеду...

В это время раздалась команда: «По самолетам!» Женя встала, за ней остальные.

— Ну и что же, ее сожрало чудовище? — спросила одна из любознательных слушательниц.

— Нет, нет, все обошлось благополучно,— поспешно, на ходу сказала Женя.— Вернусь — доскажу. Ну, желаю вам... На цель заходите как мы с вами договорились. И не торопитесь дернуть бомбосбрасыватель. Ночь сегодня тихая, цель разберете. Потом расскажете что и как.

Экипаж Прокофьевой — Рудневой вылетел около полуночи. В десять минут первого ночи их самолет был над целью, над поселком Булганак. В это время заградительный огонь противника достиг наибольшей интенсивности. Летевшие за Женей и Пашей, в том числе и я, видели, как самолет попал в скрещение сразу шести или семи лучей, как он стал маневрировать и вдруг превратился в огненный шар. Шар падал, от него отваливались горящие куски, веером вылетели взорвавшиеся ракеты. На наших глазах горели подруги. Тогда я еще не знала, кто это. Повторялась страшная картина, виденная мною 1 августа 1943 года. Самолет упал и еще несколько минут догорал на земле гигантским костром. Вернувшись с задания, я узнала, что в этом костре погибли Паша и Женя.

Весь полк оплакивал свою любимицу, нашу нежную, немного наивную, заботливую и ласковую, бесстрашную Женечку Рудневу, нашего милого звездочета, влюбленного в жизнь, звезды и своего Славика. Страшно было думать, что никогда не придется увидеть ее располагающую добрую улыбку, ее чистые задумчивые глаза, совсем не строевую, чуть сутулую фигуру. Не скажешь теперь: «Женя, расскажи что-нибудь. Что-то настроение неважное». И было нестерпимо горько от того, что никто из нас не мог помочь в ту минуту нашей любимой сказочнице. Если бы тогда у нас были парашюты! Только в Белоруссии полк их получил.

Женя выполнила присягу и клятву, данную самой себе еще в школе. Никогда она не бросала слов на ветер, даже если эти слова произносила только для себя. Ради освобождения родной страны Женя сделала очень много. В общей сложности она провела в воздухе под обстрелом 796 часов, сбросила на врага 79 тонн бомбового груза.

Через два дня после гибели Жени и Паши, 11 апреля 1944 года, войска Отдельной приморской армии прорвали оборону противника, освободили Керчь и двинулись на соединение с 4-м Украинским фронтом. В ночь на 11 апреля наш полк произвел рекордное число вылетов — 194 и сбросил на противника 25 тонн бомб. Наш удар был посвящен памяти подруг, сгоревших в своем фанерном самолете.

Пять экипажей искали тела Жени и Паши в райо-

не Булганак, но не нашли ничего. Только через 21 год после войны стало известно, что их самолет упал в центре Керчи. Пашу Прокофьеву приняли за мужчину и похоронили в братской могиле, а Женю положили отдельно в парке имени Ленина, на плите написали: «Здесь похоронена неизвестная летчица». В 1966 году ее перезахоронили на керченском военном кладбище и написали на памятнике фамилию.

С прорывом фронта на Керченском полуострове нам предстояло перелететь на новое место базирования. Пришлось разбирать и укладывать нехитрое Женино имущество. Уложили в чемодан (она привезла его из Москвы) ее дневник , несколько книг по философии и астрономии, туфельки на высоком каблуке, в них она была на ужине по случаю двухлетия полка и собиралась надеть снова на 1 Мая, обломок гребня (Женя очень переживала, что от гребня отлетают зубья, новый достать было невозможно) и много писем из дома и от Славика. Чемодан собрали, но с отсылкой Евдокия Яковлевна Рачкевич медлила — очень жаль было Жениных родителей.

Из Москвы и Тегерана для Жени продолжали приходить письма.

В письме от 29 апреля Слава писал:

«...Мне что-то грустно и не по себе. Я вспоминаю тебя и знаю, что далеко-далеко есть моя дорогая горячо любимая девушка». Только в июне он узнал о гибели Жени. «Я точно чувствовал, что с ней случилось что-то нехорошее, так как писем от нее я не получал с марта», — писал он Анне Михайловне и Максиму Евдокимовичу.

До самого конца войны Женина мама не верила, что Женя погибла: «Ведь ее не нашли, может быть она попала в плен». Но мы знали, что Женя и Паша погибли еще в воздухе — самолет пылал и разваливался.

После завершения операций в Крыму полк перелетел в Белоруссию, потом воевал в Польше, в Восточной Пруссии, в Германии и встретил Победу недалеко от Берлина. И все это время мы снова и снова вспоминали нашу Женю, вспоминали, как она ходила, говорила, смеялась...

В октябре 1944 года Жене Рудневой было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. А после

войны началась ее новая жизнь в названиях улиц, школ, пионерских дружин и отрядов. Ее именем названы улицы в Салтыковке (на доме № 18, где она жила в детстве, установлена мемориальная доска), в Бердянске и в Лосиноостровской; в Керчи в 1971 году ей поставлен памятник. Пионерская дружина имени Жени Рудневой школы № 16 города Бердянска имеет свою песню:

На самом, самом берегу
В шумах морского мола
Стоит, подобно маяку, лицом к волне и ветерку
16-я школа.
В поход, в поход труба зовет,
Мечта сбывается детская.
Дружина школьная идет,
Дружина Рудневой поет,
Дружина пионерская...

«...Ваша боевая подруга Женя Руднева стала примером для учеников нашей гимназии в жизни, учебе и труде. Теперь комсомольская группа учеников 10-го класса носит ее имя»,— пишут мне ученики русской гимназии города Тырново (Народная Республика Болгария).

Бывший комиссар эскадрильи нашего полка, ныне доктор сельскохозяйственных наук Ирина Дрягина вывела гладиолус нового вида и назвала его именем Жени Рудневой.

Луковицы передали в Дом-музей академика С. П. Королева, и теперь летом прекрасные бело-розовые цветы украшают скверик возле дома выдающегося ученого.

Накануне празднования 30-летия Победы меня и мою боевую подругу Ирину Дрягину пригласили на собрание Московского астрофизического общества, которое было посвящено памяти Евгении Максимовны Рудневой. Съехалось много ученых и молодежи. Вспоминали о Жене, о ее короткой, но такой яркой жизни.

По предложению ученого секретаря В. К. Слуцкого было вынесено решение ходатайствовать о присвоении одной из малых планет имени Жени Рудневой.

Международный астрономический союз утвердил ходатайство советских ученых.

С глубоким удовлетворением и радостью открыла я газету «Правда» от 4 апреля 1976 года и прочитала заметку «Назвали планеты»:

«Поселок Научный (Крымская область), 3. (ТАСС). В адрес Крымской астрофизической обсерватории Академии наук СССР пришло сегодня сообщение из США: Международный планетный центр утвердил названия малых планет, открытых здесь в последние годы под руководством научного сотрудника обсерватории Н. С. Черных.

Отныне три малые планеты носят имена выдающихся советских астрономов: «Масевич», «Амбарцумян», «Михайлов». Еще четырем таким небесным телам в ознаменование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне присвоены названия: «Победа», «Катюша» — в честь известной летчицы Е. Зеленко, «Руднева» — в честь Героя Советского Союза штурмана женского авиационного полка Е. Рудневой, сражавшейся в годы войны на Крымском полуострове, «Аджимушкай» — по названию каменоломен, где во время битвы за Керчь бойцы гарнизона проявили массовый героизм».

Теперь навеки имя Жени Рудневой будет сиять в ряду выдающихся ученых всего мира.

Еду на Ленинские горы, в университет. Волнуюсь, потому что знаю: увижу ее лицо, но только на стенде с фотографиями бывших студентов, героев войны. Милое, до мельчайших черточек знакомое лицо, такое естественное и умное. Снималась зимой 1942-го. Как же мы мерзли тогда! Мерзла и нежная Женя, но никогда не жаловалась и не пропускала ни одного вылета.

Некоторые мои боевые подруги (Катя Рябова, Поля Гельман, Ира Ракобольская, Дуся Пасько и другие) закончили МГУ после войны. Женя сюда не вернулась, ее нет в мире.

Спокойно смотрит со стенда наша Женя — как много у каждой из нас связано с нею, с ее юностью. Сколько она могла бы еще увидеть, узнать, осмыслить и сообщить людям!

Весной 1943 года Галя Докутович посвятила Жене стихи:

Рассказала ты чудную сказку,
И сама ты на сказку похожа!

В нашей жизни, простой и суровой,
Ты как солнечный зайчик весной.
Поглядишь, улыбнешься ласково,
И глаза засмеются тоже —
Словно чистое небо майское,
Синей искристой бирюзой!..

Такой мы будем ее помнить, такой она останется с нами.

СОДЕРЖАНИЕ

Чечнева М. П., Герой Советского Союза.
Ч-57 Повесть о Жене Рудневой. М., «Сов. Россия», 1978.

288 с. с ил. на вкл.

Повесть о Герое Советского Союза, штурмане женского ночного бомбардировочного полка Евгении Рудневой.

ч $\frac{70803-235}{М-105(03)78}$ без объявления **Р2**

Для детей старшего школьного возраста

Марина Павловна Чечнева

ПОВЕСТЬ О ЖЕНЕ РУДНЕВОЙ

Редактор Н. Ц. Степанян
Художники Е. А. Андрусенко,
В. И. Терещенко
Художественный редактор М. В. Таирова
Технический редактор В. А. Преображенская
Корректор Т. Б. Лысенко

ИБ № 951

Сдано в набор 12/IV-77 г. Подписано к печати 13/I-78 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 9,0+8 вкл. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 15,21. Изд. инд. ЛД-442. А08403. Тираж 200.000 экз. Цена 60 коп. Бум. № 3 типогр. Зак. № 192.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, д. 13/15, издательство «Советская Россия».



СОВЕТСКАЯ РОССИЯ